

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2024. № 1.

Том 7

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2024. N°1
Том 7

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

**УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева**

Главный редактор журнала

С. Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий,
директор Азиатского экспертно-аналитического центра
Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2024. N°1
Vol. 7

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2024

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

© Decoration. Publishing house of Altai State
University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Вакру, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

С. Бакли, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)

А. М. Есдаулетова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Н. О. Байгабылов, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

О. В. Калдыбаева, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

И. Н. Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

Т. З. Козлова, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)

Т. Н. Юдина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

А. Ю. Мягков, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)

В. В. Орлова, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Т. М. Дадаева, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

О. Т. Лойко, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)

С. П. Парамонова, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

Г. В. Жигунова, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

Л. А. Осъмук, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)

Е. А. Попов, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

О. Л. Сытых, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. И. Черепанова, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. А. Должиков, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. С. Бойко, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

Alexandra Vacroux, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

Cynthia Buckley, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

Ardak M. Esdauletova, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Nurlan O. Baigabylov, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Olga V. Kaldybaeva, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Irina N. Molodikova, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatiana Z. Kozlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatiana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Alexander Yu. Myagkov, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

Vera V. Orlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Tatiana M. Dadaeva, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Olga T. Loiko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Svetlana P. Paramonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

Galina V. Zhigunova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

Ludmila A. Osmuk, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Vladimir P. Shalaev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

Evgeniy A. Popov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Olga L. Sythyk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Marya I. Cherepanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vyacheslav A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vladimir S. Boiko, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. С. Имомзода президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

Е. Б. Сыдыков ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

М. М. Абишева кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С. В. Землюков президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

С. Н. Бочаров ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

Р. И. Райкин проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

С. И. Межов доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Philosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhov Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

**Цифровая историческая память и гражданская
идентичность студенческой молодежи в регионе.....13**

Т. М. Дадаева, О. А. Богатова

**О применимости тематического моделирования для
определения акторов социально-политической мобилизации
с использованием low-code аналитических платформ 27**

И. Ю. Степанов, Е. А. Кранзеева, Е. В. Головацкий, И. В. Донова, А. Л. Бурмакина

**Гражданская идентификация и ценностные ориентации
населения приграничных регионов России 40**

О. В. Борисова, О. Л. Сытых

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

**Организация и качество отдыха детей льготных категорий
в оценках родителей 52**

Д. К. Танатова, Н. Н. Сёмочкина, Т. В. Леонтьева

**Развитие человеческого капитала приоритетных
геостратегических территорий как базис социально-
экономической безопасности государства 66**

Н. М. Полянская

**Цифровой социальный капитал российских регионов:
теоретические подходы и практические аспекты.....87**

М.А. Бородкин

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

**Качество работы организаций отдыха и оздоровления детей
в оценках родителей 103**

И.В. Долгорукова, И.В. Шавырина

**Вакцинацию детей от COVID-19 в период пандемии считали
необходимой 38% родителей,
но согласились бы на нее лишь 13%.....116**

А. В. Столь

**Общественно-политическая деятельность
Иоанна Павла II и развал системы социализма в Европе.....137**

А. В. Красов

**Социологические аспекты содержания и исправления
малолетних осужденных в идейном наследии Н.М. Ядринцева.....151**

А. В. Головинов, Ю. В. Головинова

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

**Специфика мотивации участия населения в благоустройстве
городской среды 160**

И. Н. Воробьева, П. Д. Кытина, А. Р. Трохимчук

**Цифровое образование как основа усовершенствования
социального механизма приверженности профессии
преподавателей высшей школы 178**

И.О. Сидоренко

CONTENTS

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Digital Historical Memory and Civic Identity of Students in the Region 13

T. M. Dadaeva, O. A. Bogatova

The Applicability of Topic Modeling to Identify Actors of Socio-Political Mobilization using Low-Code Analytical Platforms 27

I. Yu. Stepanov, E.A. Kranzeeva, E. V. Golovatsky, I. V. Donova, A. L. Burmakina

Civic Identification and Value Orientations of the Population of Border Regions of Russia 40

O. V. Borisova, O. L. Sytykh

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Parents' Assessments of the Organization and Quality of Recreation of Children of Vulnerable Categories 52

D. K. Tanatova, N. N. Semochkina, T. V. Leontieva

The Development of Human Capital in Priority Geostrategic Territories as the Basis of Socio-Economic Security of the State 66

N. M. Polyanskaya

Digital Social Capital in Russian Regions: Theoretical Approaches and Practical Issues 87

M. A. Borodkin

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL RESEARCHES AND SECURITY

The Quality of Work of Children's Recreation and Health Organizations as Assessed by Parents 103

I. V. Dolgorukova, I. V. Shavyrina

**Vaccination of Children Against COVID-19 During the
Pandemic was Considered Necessary by 38% of Parents, but Only
13% Would Agree to it.....116**

A. V. Stol

**Socio-Political Activity of John Paul II and the Collapse of the
System of Socialism in Europe 137**

A. V. Krasov

**Sociological Aspects of Content and Correction of Junior
Convicted in the Ideal Heritage of N. M. Yadrintsev 151**

A. V. Golovinov, Yu. V. Golovinova

BRIEF COMMUNICATIONS AND THE FIRST RESEARCH EXPERIENCE

**Specificity of Motivation of Population Participation in
Improvement of the Urban Environment.....160**

I. N. Vorobeva, P. D. Kytina, A. R. Trokhimchuk

**Digital Education as a Basis for Improving the Social Mechanism
of Commitment to the Profession of Higher School Teachers.....178**

I. O. Sidorenko

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316:37-057.875

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-01

Цифровая историческая память и гражданская идентичность студенческой молодежи в регионе

Татьяна Михайловна Дадаева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия
dadaeva13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

Ольга Анатольевна Богатова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия
bogatovaoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

Аннотация. В статье ставится проблема о необходимости изучения влияния цифровизации на формирование исторической памяти молодежи. На основе данных анкетного онлайн-опроса (многоступенчатая комбинированная выборка, $n = 700$) представлены основные векторы конструирования цифровой исторической памяти и ее влияния на формирование гражданской идентичности студенческой молодежи ссузов и вузов на примере Республики Мордовия. Расчет индекса «цифровой исторической памяти» позволил определить направления влияния цифровой памяти на самоидентичность молодежи и на оценку основных факторов гражданской идентичности. Выявлена статистически значимая взаимосвязь между выбором «новых медиа» как источника формирования истори-

ческой памяти и такими показателями, как возраст, уровень получаемого образования, Задачи исследования включали также изучение узлов памяти (выбор наиболее значимых событий из истории страны), цифровых практик (активности, связанные с историческими интернет-ресурсами и порталами). В статье предпринята попытка социологического осмысления производства цифровой исторической памяти в современных условиях — с одной стороны, гиперконнективной, т.е. доступной большому количеству пользователей, и гипермедиатизированной — формирующейся на основе разных и многих источников, а с другой стороны, существует большой риск производства фейковой истории и разных ее версий, далеких от научности и объективности. Авторы делают предположение на основе полученных данных, что в новых геополитических условиях влияние индекса «цифровой памяти» на формирование российской идентичности молодежи можно обозначить как положительное, хотя этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: цифровая память, историческая память, гражданская идентичность, новые медиа, интернет-ресурсы, студенческая молодежь, анкетный опрос, социологический анализ

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» (проект №1/2023 «Репрезентации исторической памяти в социальных медиа как фактор конструирования российской идентичности молодежи: цифровые вызовы и пути решения»).

Для цитирования: Дадаева Т.М., Богатова О.А. Цифровая историческая память и гражданская идентичность студенческой молодежи в регионе // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 13–26. doi: 10.14258/ssi(2024)1-01.

Digital Historical Memory and Civic Identity of Students in the Region

Tatiana M. Dadaeva

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia
dadaeva13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

Olga A. Bogatova

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia,
bogatovaoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

Abstract. The article poses the problem of the need to study the influence of digitalization on the formation of the historical memory of young people. Based on data from an online questionnaire (multi-stage combined sample, $n = 700$), the main vectors of constructing digital historical memory and its influence on the formation of civic identity of college and university students are presented using the example of the Republic of Mordovia. The calculation of the “digital historical memory” index made it possible to determine the directions of digital memory influence on the young people self-identity and on the assessment of the main factors of civic identity. A statis-

tically significant relationship was revealed between the choice of “new media” as a source of historical memory formation and such indicators as age, level of education received. The objectives of the study also included the study of memory nodes (selection of the most significant events from the history of the country), digital practices (activities related to historical Internet resources and portals). The article makes an attempt to sociologically comprehend the production of digital historical memory in modern conditions, which, on the one hand, is hyperconnective, i.e. accessible to a large number of users and hyper-mediated — formed on the basis of various and many sources, and on the other hand, there is a great risk of producing a fake story and its different versions, far from scientific character and objectivity, The authors make the assumption, based on the data obtained, that in the new geopolitical conditions the influence of the “digital memory” index on the formation of Russian identity among young people can be described as positive, although this issue requires further research.

Keywords: digital memory, historical memory, student youth, memory studies, digital media, social media, family memory, civic identity, commemorative practices, sociological research, Republic of Mordovia

Financial Support: the work was supported by the Svetoslav Foundation for Russian Civilization Project №. 1/2023 on the topic «Representations of historical memory in social media as a factor in constructing the Russian identity of young people: digital challenges and solutions».

For citation: Dadaeva, T.M., Bogatova, O.A. (2024). Digital Historical Memory and Civic Identity of Students in the Region // *Society and Security Insights*, 7(1), 13–26. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-01.

Введение

В условиях цифровизации меняются источники формирования исторической памяти молодежи. Наряду с историческим знанием, полученным на уроках истории, а также семейными рассказами и архивами, эффективным источником конструирования памяти о прошлом выступают новые медиа. В этой связи мы можем говорить о цифровой памяти, подчеркивая необходимость изучения влияния цифровых медиа на производство и воспроизводство исторической памяти в новых условиях, что тесно связано с проблемой цифровой безопасности. Историческая память под влиянием процесса цифровизации, с одной стороны, становится более доступной, гибкой, множественной, фрагментированной, а с другой стороны, более уязвимой, подверженной изменениям и искажениям (преднамеренно или непреднамеренно), что актуализирует изучение цифровой исторической памяти и ее роли в конструировании гражданской идентичности молодежи.

В контексте теоретической рефлексии исторической памяти исследователи отмечают цифровой поворот (Павловский, Миллер, 2023; Liebermann, 2020) и возникновение новых терминов и определений: «коммуникативная память», «медиа-память» (Артамонов, 2022), «цифровая память», интернет-память (Hoskins, 2018), медиатизированная память, «вики-память», интернет-архивы, интернет-платформы с воспоминаниями, «гипермедиатизация» прошлого (Erll, Rigney (eds.), 2009; Rigney, 2022), коллективная память в социальных медиа (Birkner, Donk, 2018) и др. Преимущества цифровизации исторической памяти состоят в невоз-

возможности забвения в цифровом пространстве, в упрощенном и одновременном доступе большого количества пользователей к историческим знаниям. Однако указывается и обратная сторона процесса цифровизации исторической информации, а именно возможность распространения «фейковой истории» (Бернштейн, Заплатаина, 2021: 71–73), «хисторихакинга» как «цифровых способов производства исторического контента для выражения собственной версии исторической правды, формирования исторической реальности, самореализации и развлечения» (Артамонов, Тихонова, 2020: 251–252), а также зависимость от алгоритмов социальных медиа и изменчивость (Hoskins, 2018: 14).

Плодотворно представлены эмпирические исследования исторической памяти российской молодежи безотносительно цифровой памяти как на общероссийском (Касамара, 2023; Грошева и др., 2020; Широкалова, 2020, 2021), так и на региональном (Полутин и др., 2021; Дадаева, 2020; Шумкова, 2019) уровнях.

Необходимо отметить, что в современных условиях социологическое изучение влияния цифровой исторической памяти на молодежные группы, в частности в контексте формирования гражданской идентичности, в социологическом аспекте нуждается в дальнейшей разработке.

Цель данной статьи — определить на основе результатов социологических исследований векторы конструирования цифровой исторической памяти и ее влияния на формирование гражданской идентичности студенческой молодежи. Задачи исследования включали изучение следующих показателей: источники формирования исторической памяти, индекс семейной памяти, индекс цифровой памяти, цифровые практики, связанные с интернет-ресурсами по истории страны, уровень интереса к истории, узлы памяти (наиболее значимые события прошлого), уровень гражданской идентичности, самоидентификация, оценка патриотизма и т.д.

Методы исследования

В качестве эмпирической базы использовались результаты проведенных в 2023 г. анкетного онлайн-опроса (выборка составила 700 чел.) и полуструктурированных интервью (20 информантов) студентов ссузов и вузов Республики Мордовия. При анкетном опросе применялась комбинированная многоступенчатая выборка, учитывался тип учебного заведения (ссуз или вуз), населенного пункта (город или село), погрешность составила 5%. Большинство опрошенных — коренные жители Республики Мордовия (79%), учащиеся вуза (77%), горожане (68%), русские по национальности (73%), православного вероисповедания (62%). Медианный возраст — 19 лет.

Обработка данных производилась с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 21 и методов описательной и многомерной статистики.

Результаты исследования

В связи с изучением цифровой памяти важными выступают эмпирические данные, касающиеся нахождения молодежи в цифровом пространстве. Так, для 47% респондентов основной социальной сетью (в которой проводит больше всего

времени) является «ВКонтакте». Порядка 70% респондентов завели аккаунт в своей основной социальной сети еще до того, как достигли 14 лет. Каждый четвертый (26%) пользуется своей основной социальной сетью более 10 лет. В рамках исследования мы рассчитали индекс, условно обозначенный как индекс «цифровой» памяти, отражающий знание, цифровую активность (поиск, подписки, просмотры), использование интернет-ресурсов по истории нашей страны. Индекс рассчитывался как сумма положительных ответов на ряд вопросов¹ и анализировался в сопоставлении с социально-демографическими (пол, возраст, уровень образования) и с другими значимыми показателями.

Согласно данным анкетного опроса в качестве основных источников информации об истории России 63% респондентов отметили учебники и уроки истории, 53% — художественная литература, кино- и телефильмы, 44% — «новые медиа» (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Распределение ответов на вопросы «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории России?» и «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории Мордовии?»

Distribution of answers to the questions “From what sources do you mainly get information about the history of Russia?” and “From what sources do you mainly get information about the history of Mordovia?”

Вариант ответа	История России		История Мордовии (уроженцы РМ, n = 557)	
	%	Ранг	%	Ранг
Учебники и уроки истории	63	1	50	1
Художественная литература, кино- и телефильмы	51	2	22	8
«Новые медиа»	44	3	35	5
Воспоминания членов моей семьи	41	4	48	2
Телевизионные передачи, радиопередачи	39	5	32	6
Тематические мероприятия	30	6	39	4
Музейные экспозиции	30	7	44	3
Архивные документы, научная литература	30	8	24	7

¹ Индекс цифровой памяти рассчитывался как сумма положительных ответов на вопросы «Вы в целом интересуетесь нашей историей или нет?», «Знаете ли Вы о каких-нибудь интернет-проектах, посвященных истории нашей страны (исторических порталах, ютуб-каналах, тематических форумах, цифровых архивах, онлайн-курсах, подкастах на исторические темы и др.)?», «Кого из авторов, ведущих каналов на темы, связанные с историческим прошлым, в цифровой среде (видеоблогеров, журналистов, историков) Вы знаете?», «Вы подписаны на интернет-ресурсы, посвященные истории нашей страны (исторические порталы, сайты, ютуб-каналы, цифровые архивы, онлайн-курсы, подкасты на исторические темы и др.)?», «Назовите, на какие из них Вы подписаны», в том числе учитывался выбор ответа «Новые медиа» на вопрос «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории России?».

Вариант ответа	История России		История Мордовии (уроженцы РМ, n = 557)	
	%	Ранг	%	Ранг
Научно-популярная литература, нон-фикшн	28	9	22	9
Исторические кружки, движения	19	10	11	11
Путешествия, поездки	12	11	15	10
Итого	387	–	342	–

В качестве источника информации по истории Мордовии большинство также отметили учебники и уроки истории (50%), но на втором месте — воспоминания членов семьи (48%) и на третьем — музейные экспозиции (44%). Локальная история еще слабо представлена в цифровых медиа и уж совсем не представлена в киноиндустрии. Музеи продолжают быть основной инфраструктурой памяти по локальной (региональной) истории. В то же время при анализе корреляции ответов на вопросы «Интересуетесь ли вы историей?» и «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории России?» оказалось, что 41% тех, кто интересуется историей, указали музейные экспозиции в качестве основного источника информации об историческом прошлом страны (в среднем по массиву данный ответ выбрали 30%).

Возраст и уровень образования оказались значимыми показателями при социально-демографическом анализе респондентов, выбравших в качестве источника исторической информации «новые медиа» (Хи-квадрат Пирсона по возрасту = 13,021 ($p = 0,001$, $df = 1$), по уровню получаемого образования = 12,380 ($p = 0,001$, $df = 1$)). Так, чаще выбирали «новые медиа» респонденты 16–19 лет — 53% (в возрасте от 20–25 лет — 47%), и студенты вузов — 62% (студенты ссузов — 38%). В группе с высоким индексом «цифровой памяти» 90% ответили, что знать историю очень важно (в среднем по массиву — 87%), 4% — неважно.

Задачи исследования включали изучение общероссийской идентичности, в связи с чем респонденты отмечали разные факторы как важные для того, чтобы считаться настоящим россиянином (табл. 2).

В среднем по выборке респонденты в качестве важных факторов, позволяющих считаться настоящим россиянином, отметили следующее: *уважать российский политический строй, законы и символы (52%), знать российскую историю (49%), родиться в России (40%)*. Есть некоторые отличия в ответах студентов вузов: на первом месте — *знать российскую историю (50%), уважать российский политический строй, законы и символы (48%), прожить в России большую часть своей жизни (45%)*. Расположение факторов по значимости отличается для юношей и девушек: для юношей на первом месте стоит — *знать российскую историю (49%)*, для девушек — *уважать российский политический строй, законы и символы (59%)*, но на третьем месте — *чувствовать себя россиянином (44%)*. С точки зрения индекса цифровой памяти в группе респондентов с индексом выше среднего ответы идентичны ответам в среднем по массиву.

Таблица 2.

Table 2.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что из перечисленного В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ важно для того, чтобы считаться настоящим россиянином?» в зависимости от уровня образования и пола, %

Distribution of answers to the question “Which of the following do you think is FIRST OF ALL important in order to be considered a real Russian?” depending on education level and gender, %

Факторы	%	Вуз	Ссуз	Муж.	Жен.
Уважать российский политический строй, законы и символы	52	48	53	44	59
Знать российскую историю	49	50	48	49	49
Родиться в России	40	37	44	42	38
Прожить в России большую часть своей жизни	39	45	32	43	36
Чувствовать себя россиянином	39	44	33	34	44
Говорить по-русски	38	43	33	44	32
Иметь российское гражданство	38	35	40	40	35
Иметь предков, родившихся в России	16	17	14	19	13
Быть православным	15	11	19	14	16

Рассмотрим самоидентификацию молодежи с определенными социальными группами и общностями с точки зрения индекса «цифровой памяти» (табл. 3).

Таблица 3.

Table 3.

Распределение ответов на вопрос: «С кем из данных групп населения Вы испытываете чувство общности в зависимости от индекса цифровой памяти?», %

Distribution of answers to the question: “With which of these population groups do you feel a sense of community, depending on the digital memory index?”, %

Группы в обществе	%, в среднем по выборке	Индекс выше среднего	Индекс средний и низкий
С россиянами	52	57%	38%
С товарищами по работе, учебе	56	57%	52%
С жителями Мордовии	49	53%	37%
С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь	48	49%	48%
С людьми, живущими со мной в одном городе/селе	41	45%	32%
С людьми своего поколения	41	43%	35%
С людьми, разговаривающими на русском языке	40	40%	39%

Группы в обществе	%, в среднем по выборке	Индекс выше среднего	Индекс средний и низкий
С людьми моей профессии, рода занятий	37	39%	32%
С людьми моей национальности	31	35%	22%
С людьми, придерживающимися тех же обычаев и традиций	30	33%	23%
С людьми моей религии	23	25%	20%
С жителями Поволжья	18	22%	10%
С жителями постсоветского пространства	16	18%	10%
С людьми того же материального достатка	14	16%	10%
С азиатами	10	11%	8%
С европейцами	11	10%	12%

Среди респондентов с индексом цифровой памяти выше среднего в топ-10 групп с точки зрения самоидентификации студенческой молодежи вошли: россияне (57% в среднем по выборке 52%), товарищи по работе, учебе (57%, в среднем по выборке 56%), жители Мордовии (53%, в среднем по выборке 49%), люди, разделяющие мои взгляды на жизнь (49%, в среднем по выборке 48%), люди, живущие в одном городе/селе (45%, в среднем по выборке 41%), люди своего поколения (43%, в среднем по выборке 41%), люди, разговаривающие на русском языке (40%, в среднем по выборке 40%), люди моей профессии, рода занятий (39%, в среднем по выборке 37%), люди моей национальности (35%, в среднем по выборке 31%), люди, придерживающиеся тех же обычаев и традиций (33%, в среднем по выборке 30%).

Главное отличие здесь состоит в том, что в среднем по выборке лидирует самоидентификация с товарищами по учебе/работе — 53%, в группе с индексом «цифровой памяти» выше среднего — с жителями России — 56%. В качестве предположения можно рассматривать причину, что в цифровом пространстве в контексте современных геополитических условий и ведения СВО молодежь больше сталкивается со всевозможными негативными проявлениями в отношении русских/россиян (в том числе и в отношении российской истории, ее фальсификации и т.д.), что и вызывает более выраженную ответную реакцию консолидации с другими жителями России на вербальном уровне. Кроме того, 79% (90% — в группе с индексом «цифровой памяти» выше среднего) респондентов ответили, что гражданину России нужно ощущать себя частью общероссийской нации, 4% посчитали, что в наше время человеку не обязательно ощущать себя частью гражданской нации.

Цифровые практики молодежи в освоении исторических интернет-ресурсов

Мы спросили респондентов, насколько они осведомлены об интернет-проектах и цифровых порталах, посвященных истории России: 70% — что-то слышали (но назвать не смогут) (82% среди респондентов, у кого индекс цифровой памяти

выше среднего), 5% — знают и могут назвать (6% среди респондентов, у кого индекс цифровой памяти выше среднего), 25% — не знают. Подписаны на сообщества, связанные с историей страны, 69% (74% среди респондентов, у кого индекс цифровой памяти выше среднего), не подписаны — 31%. На вопрос «А лично Вы сталкивались с конфликтными ситуациями, обусловленными разницей восприятия исторических событий?» 11% (12% — у кого индекс цифровой памяти выше среднего) ответили «постоянно», 37% (39% — у кого индекс цифровой памяти выше среднего) — «иногда», 21% — однажды и 32% — никогда.

Самыми популярными интернет-проектами респонденты назвали «Цифровую историю», «Arzamas» и канал Клима Жукова (рис. 1).

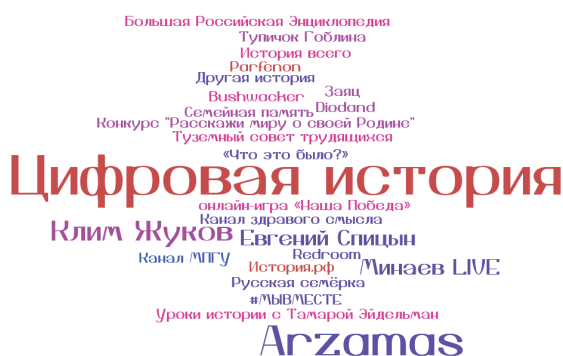

Рисунок 1 — Ответы респондентов на открытый вопрос «Какие интернет-ресурсы Вы считаете источниками наиболее полезной информации о прошлом?».

Figure 1 — Respondents' answers to the open-ended question "Which Internet resources do you consider to be the sources of the most useful information about the past?".

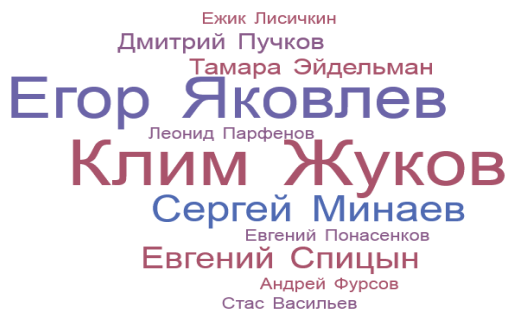

Рисунок 2 — Ответы респондентов на открытый вопрос «Кого Вы знаете из авторов / ведущих каналов на исторические темы (блогеров, журналистов)?»

Figure 1 — Respondents' answers to the open-ended question "Which Internet resources do you consider to be the sources of the most useful information about the past?"

Наиболее известными авторами / ведущими каналов на исторические темы оказались Клим Жуков, Егор Яковлев и Сергей Минаев, Евгений Спицын (рис. 2).

Медиатизация исторической памяти напрямую связана с киноиндустрией, и кино наряду с художественной литературой выступает вторым источником формирования исторической памяти о прошлом России у молодежи. Рассмотрим предпочтения студентов в отношении исторических фильмов о России (табл. 4).

Таблица 4.

Table 4.

Распределение ответов на вопрос «Какие исторические фильмы (сериалы) о России Вы смотрели за последние 2–3 года?», %

Distribution of answers to the question “What historical films (series) about Russia have you watched over the past 2–3 years?”, %

Название	Процент ответивших	Рейтинг Кинопоиска
Т-34 (фильм)	60	6,7
Движение вверх (фильм)	45	7,5
Легенда № 17 (фильм)	43	8,0
Петр I: последний царь и первый император (фильм)	31	7,1
Союз спасения (фильм, сериал)	20	5,9
Годунов (сериал)	20	7,5
Екатерина. Взлет (сериал)	19	7,5
Вызов (фильм)	18	7,5
Нюрнберг (фильм)	18	6,0
Легенда о Коловрате (фильм)	17	6,8
Викинг (фильм)	17	4,6
Сердце Пармы (фильм)	15	6,7
Анна Каренина. История Вронского (фильм)	15	5,6
Адмирал (фильм)	14	7,0
Троцкий (сериал)	13	7,5
Оттепель (сериал)	13	7,8
Праведник (фильм)	11	7,5
Матильда (фильм)	6	5,7
Демон революции (сериал)	5	6,2
Хожение по мукам (сериал)	4	7,0
Холодное танго (фильм)	4	6,4
Рай (фильм)	3	6,8

Согласно результатам двухэтапного кластерного анализа, серьезно интересуются историческим кино 13% респондентов, еще 34% смотрят его ситуативно (они отмечали лишь те картины, которые шли в кинотеатрах и имели достаточно высокие кассовые сборы). Из 10 топовых лент в топ-3 входят две спортивные истории и лента о событиях Великой Отечественной войны, семь фильмов отражают разные периоды истории России.

Обсуждение и заключение

Цифровая среда активно формирует пространство исторической памяти студенческой молодежи. В целом молодежь начинает активно использовать интернет-ресурсы (цифровые архивы, сетевые проекты по истории и т.д.) для получения знаний по истории страны. Среди них больше студентов вузов, чем ссузов, и это более молодая аудитория (16–19 лет). Те, кто относится к группе со средним индексом цифровой памяти, чаще обращаются к цифровым источникам, лучше осведомлены о названиях специальных тематических порталов, каналов, ресурсов, а также о ведущих/блогерах, связанных с освещением исторического прошлого. Интерес к истории в целом определяет цифровую активность (просмотр, поиск, подписки) в данном аспекте. Современная цифровая историческая память обладает такими характеристиками, как гиперконнективность (глобальная вовлеченность пользователей), гипермедиатизированность (одновременный доступ к исторической информации из разных каналов и источников), изменчивость, фрагментированность, а также порой ей свойственна искаженность и фальсификация исторической информации.

Влияние индекса «цифровой памяти» на формирование российской идентичности молодежи, согласно полученным данным, можно обозначить как положительное, хотя этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях (необходимо мониторить тематические сообщества в интернет-пространстве).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4, no. 2. P. 65–83. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269>

Артамонов Д. С., Тихонова С. В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 72. М. : Аквилон, 2020. С. 251–252.

Бернстайн С., Заплата А. Цифровое пространство // *Всё в прошлом: теория и практика публичной истории* / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М. : Новое издательство, 2021. С. 71–73.

Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И. Коллективная память студенческой молодежи в эпоху постмодерна // *Siberian Socium*. 2020. Т. 4, № 3. С. 33–48. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-3-33-48>

Дадаева Т. М. Образование, историческая память и гражданская идентичность: векторы влияния (на примере студенческой молодежи вузов и ссузов Республики Мордовия) // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной*

науки и образования. 2020. Т. 20, № 1. С. 41–60. <https://doi.org/10.15507/2078—9823.049.020.202001.041-060>

Касамара В. А. Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 3. С. 201–233. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.8>

Память в Сети: цифровой в memory studies: сборник статей / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 352 с.

Полутин С. В., Булавин А. В., Зубов О. Е., Нагаева Т. В. События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 1 (114). С. 191–215.

События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа / С. В. Полутин [и др.] // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 1. С. 191–215. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215>

Широкалова Г. С. Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. <https://doi.org/10.31857/S0132162500100005-8>

Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 19–35. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709>

Шумкова Н. В. Конфликтующие нарративы в исторической памяти современной российской молодежи // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4. С. 145–155.

Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory studies. 2018. Vol. 13. Issue 4. P. 367–383.

Erl A., Rigney A. (eds.) Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 4.

Rigney A. Articulations of Memory: Mediation and the Making of Mnemo-Regions // Regions of Memory: Transnational Formations ; ed. by S. Lewis [et al.]. Cham : Palgrave Macmillan Memory Studies, 2022. P. 163–184. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93705-8_7

Hoskins A. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. New York : Routledge, 2018. 326 p. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>

REFERENCES

Artamonov, D. S. (2022). Media Memory: Theoretical Aspect. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(2), 65–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i2.269>

Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2020). “Garage” of history: digital turn of “independent historical research”. *Dialogue with Time. Almanac of intellectual history*, 72, 251–252.

Bernstein, S., Zaplatina, A. (2021). Digital Space. In A. Zavadsky, V. Dubina (Eds.). *Everything in the Past: Theory and Practice of Public History* (pp. 71–73). Moscow: New Publishing House.

Grosheva, I. A., Groshev, I. L., Grosheva, L. I. (2020). Collective Memory of Student Youth in the Postmodern Era. *Siberian Socium*, 4(3), 33–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-3-33-48>

Dadaeva, T. M. (2020). Education, Historical Memory and Civic Identity: Vectors of Influence (on the Example of Students of Republic of Mordovia). *Russian Journal of the Humanities*, 20(1), 41–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2078-9823.049.020.202001.041-060>

Kasamara, V. A. (2023). Multifaceted Patriotism: From Concept to Research on Youth Representations. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 26(3), 201–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.8>

Pavlovsky, A. F., Miller A. I. (Eds.) (2023). *Memory in the Net: digital in memory studies: a collection of articles*. Saint-Petersburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Events of the past in the historical memory of the youth of the national regions of the Volga Federal District (2021) / S. V. Polutin [et al.]. *Regionology*, 29(1), 191–215. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215>

Shirokalova, G. (2020). Historical Memory of the Young People: Village vs City. *Sociologicheskie issledovaniya*, 9, 28–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8>

Shirokalova G. S. (2021). Historical Memory of the Great Patriotic War: Reasons for Pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*, 12(2), 19–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709>

Polutin, S. V., Bulavin, A. V., Zubov, O. E., Nagaeva, T. V. (2021). Events of the Past in the Historical Memory of the Youth in the Ethnic Regions of the Volga Federal District. *Russian Journal of Regional Studies*, 29(1), 191–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215>

Shumkova, N. V. (2023). Conflicting Narratives in Historical Memory of Contemporary Russian Youth. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 4, 145–155. (In Russ.)

Birkner, T., Donk, A. (2018). Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory studies*, 13(4), 367–383.

Liebermann, Y. (2020). Born digital: The Black lives matter movement and memory after the digital turn. *Memory studies*, 14(5), 1–18.

Erll, A., Rigney, A. (eds.) (2009). *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Rigney, A. (2022). Articulations of Memory: Mediation and the Making of Mnemo-Regions. In: Lewis S., et al. *Regions of Memory: Transnational Formations* (pp. 163–184). Cham: Palgrave Macmillan Memory Studies https://doi.org/10.1007/978-3-030-93705-8_7

Hoskins, A. (2018). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Татьяна Михайловна Дадаева — д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия.

Tatiana M. Dadaeva — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University by N.P.Ogarev, Saransk, Russia.

Ольга Анатольевна Богатова — д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия.

Olga A. Bogatova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University by N. P. Ogarev, Saransk, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 17.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 004.89

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-02.

О применимости тематического моделирования для определения акторов социально-политической мобилизации с использованием low-code аналитических платформ

Иван Юрьевич Степанов

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
zextel1995@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7938-8049>

Елена Анатольевна Кранзеева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
elkranzeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Евгений Васильевич Головацкий

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
xomaik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Инна Вениаминовна Донова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
idonova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9370-5402>

Анна Леонидовна Бурмакина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
anna-sidjakina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-4393>

Аннотация. Рассматривается современный подход к анализу социально-политических процессов, основанный на предположении, что тематическое моделирование, применяемое посредством low-code платформ, может повлиять на общее качество проводимого аналитиками исследования в целях выявления ключевых акторов и динамики социально-политических процессов. Авторы демонстрируют, как тематическое моделирование может выявлять взаимосвязи и тренды, недоступные при использовании традиционных методов анализа, и предлагают объединенную методологию, позволяющую исследователям социальных наук применять эти инструменты для более глубокого понимания механизмов социально-политической мобилизации. В работе представлен кейс-стади, демонстрирующий, как тематическое моделирование может выявить скрытые связи между различными акторами и их вклад в динамику мобилизации.

Ключевые слова: тематическое моделирование, кластеризация, социально-политическое взаимодействие, мобилизация, аналитические платформы, компьютерная социология

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining»).

Для цитирования: Степанов И.Ю., Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Донова И.В., Бурмакина А.Л. О применимости тематического моделирования для определения акторов социально-политической мобилизации с использованием low-code аналитических платформ // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 27–39. doi: 10.14258/ssi(2024)1-02.

The Applicability of Topic Modeling to Identify Actors of Socio-Political Mobilization using Low-Code Analytical Platforms

Ivan Yu. Stepanov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
zextel1995@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7938-8049>

Elena A. Kranzeeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
elkranzeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Evgenyi V. Golovatskyi

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
xomaik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Inna V. Donova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
idonova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9370-5402>

Anna L. Burmakina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
anna-sidjakina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3087-4393>

Abstract. The article presents a contemporary perspective on the analysis of socio-political processes, grounded in the premise that the application of topic modeling through low-code platforms can substantially enhance the quality of research performed by analysts. This enhancement is particularly significant in identifying the pivotal actors and the evolving dynamics within socio-political processes. The authors argue that topic modeling, a relatively novel approach compared to traditional methods, is capable of uncovering relationships and trends that might otherwise remain obscured. In advocating for this approach, the paper proposes an integrated methodology. This methodology is designed to empower researchers in the social sciences, en-

abling them to effectively utilize these innovative tools. The objective is to deepen their comprehension of the underlying mechanisms that drive socio-political mobilization. To substantiate their argument, the authors present various case studies. These case studies demonstrate the effectiveness of topic modeling in revealing otherwise hidden connections among various actors. Additionally, they illustrate how topic modeling sheds light on the contributions of these actors to the dynamics of mobilization. This approach represents a significant advancement in the field, offering new insights and a more nuanced understanding of complex socio-political landscapes.

Keywords: topic modeling, clustering, socio-political interaction, mobilization, analytical platforms, computer sociology

Financing: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZSR-2023-0006 «Network socio-political mobilization in the regions of the resource type of Siberia: research capabilities of data-mining tools»).

For citation: Stepanov, I.Yu., Kranzeeva, E.A., Golovatsky, E.V., Donova, I.V., Burmakina, A.L. (2024). The Applicability of Topic Modeling to Identify Actors of Socio-Political Mobilization using Low-Code Analytical Platforms. *Society and Security Insights*, 7(1), 27–39. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-02.

Введение

Тематическое моделирование — это технология статистического анализа текстов для автоматического выявления тематики в больших коллекциях документов (Arishev, Vorontsov, 2020). Тематическое моделирование не претендует на понимание смысла текста, однако оно способно отвечать на вопросы «о чем этот текст» или «какие общие темы имеет эта пара текстов».

Одни из ранних моделей были ориентированы на использование дистрибутивной семантики как метода предсказания/выявления определенного контекста. Наибольшую популярность до сих пор сохранили такие модели, как Word2Vec и FastText. С развитием нейронных сетей популярность получали архитектуры, использующие рекуррентные нейроны, такие как RNN, GRU и LSTM, однако их вычислительная сложность остается достаточно высокой и по сей день (Greff et al., 2017).

Одним из ранних алгоритмов тематического моделирования является LSA — Latent Semantic Analysis. LSA был запатентован в 1988 г. Скоттом Дирвестером и др. (Deerwester et al, 1988). В 1999 г. Томас Хофманн предложил модель вероятностного латентного семантического анализа (PLSA) (Hofmann, 2000). Входными данными модели являются матрица документов-слов и количество кластеров (тем). На выходе же модель выдает распределение слов в темах и тем в документах. Улучшением предыдущего подхода стало латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA) — одна из самых известных и широко применяемых тематических моделей (Черкасов, 2020).

Появление альтернативного подхода — аддитивной регуляризации тематических моделей (Additive Regularization for Topic Modeling, ARTM) расширяет базовую модель PLSA общим механизмом регуляризации. Большим преимуще-

ством ARTM является его гибкость. Обучив пробную модель в виде стандартной LDA или ARTM без регуляризаторов, исследователь может сформулировать, чего не хватает в текущей модели (Сухарева, Воронцов, 2019).

Развитие интернет-технологий привело к тому, что в свободном доступе появилось большое количество цифровых следов пользователей: социально-демографические признаки, контактные данные, но главное — большое количество текстовой информации, позволяющей не только составить «портрет» конечного пользователя, но и решать большое количество различных задач.

Наибольшей популярностью в России пользуется социальная сеть VK («ВКонтакте»), она ежедневно генерирует посредством пользователей огромные массивы данных, большую часть из которых возможно собрать и проанализировать.

Однако проведение большинства state-of-the-art исследований предъявляет повышенные требования к исследователю, в частности — уровню владения исследовательским инструментарием, языками программирования и средствами и техниками визуализации данных для составления отчетной документации. Одним из решений, которое способно снизить «порог входа» исследователя, может являться использование low-code аналитических платформ.

Как правило, такие платформы позволяют в режиме визуального проектирования, при помощи встроенных «блоков», описать шаги, необходимые для проведения исследования.

Аналитические платформы как особый подвид инструментов проведения исследований стали легко доступны давно. В зависимости от сложности задачи и количества имеющихся в распоряжении исследователя (или лаборатории) ресурсов могут быть использованы такие решения, как Orange Data Mining, KNIME Analytical Platform или PolyAnalyst. Они являются универсальными с точки зрения как междисциплинарности, так и мультимодальности. Так, при помощи Orange Data Mining и его отдельных инструментов экономисты и финансисты изучают трансформацию лексики годовых отчетов корпораций (Михненко, 2022), исследуются недобросовестные практики на рынке ценных бумаг (Анашкина, Колесова, 2020), анализируется отраслевая специфика налоговых доходов российских регионов (Колбягина, 2022). К примеру, археологи классифицируют реконструкции и артефакты по фотографиям их силуэтов (инверсия информации) (Гончаренко, 2022). Платформа PolyAnalyst нашла применение в исследованиях социологов и политологов — с целью анализа информационного поля, коммуникаций, изучения реакции на события и тренды путем семантического анализа текстов из социальных сетей (Лебёдкина, Александрова, Орлова, 2021). Представители филологических и географических наук на материале сетевых текстов (включая как соцсети, так и RSS-каналы) изучают новостные дискурсы (Горчакова и др., 2021), дискурсы компьютерной безопасности (Исаева, 2022), а также анализ ментальных туристско-рекреационных пространств (Коньшев, 2022).

В условиях динамичной трансформации социально-политической ситуации в современной России требуются комплексные обновленные приемы изучения взаимодействия со стороны власти и населения, однако возможности современных ис-

следовательских методик ограничены (Мирошниченко, 2016). Недостаточно изученной стороной социальных и политических взаимодействий гражданских сообществ являются новые приемы и формы мобилизации по отношению к их акторам, что актуализирует использование гибридных методов анализа (Головацкий и др., 2018).

Социально-политическая мобилизация, рассматриваемая с учетом возможностей применения исследователями тематического моделирования, может быть представлена в формате уникальных слоев повседневной коммуникации сетевых участников, доступных для применения инструментов аналитических платформ. Предлагается составление каталогов событий, изначальные схемы (переменные отбора, анализа) могут быть изменены в процессе сбора и обработки информации в силу ряда причин, недоступности данных или специфики форм мобилизационной активности, ангажированности рассматриваемых участников и пр. В этой связи событийный анализ сетевого коммуникативного многообразия требует достаточной строгости в формулировках и четко следования «маршруту исследований», а с другой стороны — определенной гибкости в работе с данными (Семенов, 2018) и интерпретации полученных результатов.

Множество субъектов в условиях социальных взаимодействий подразумевают также наличие n -го множества следов деятельности, включая и цифровое пространство во всем своем многообразии каналов и форматов цифровых данных. Массивы big data в силу своей структурной сложности подразумевают присутствие в данных множествах различного рода ошибок (багов, ворнингов, ошибок сегментации и т.п.).

В этой связи исследователи отмечают необходимость учитывать три типа возможных систематических ошибок (bias): ошибка отбора информации (selection bias), связанная с избирательным информационным освещением событий; ошибка описания (description bias), связанная с неточной и/или неполной информацией о событиях в источниках; исследовательская ошибка (research bias), связанная с неточностью ручного или автоматического кодирования (подготовки данных) (Hutter, Porta, 2014).

Анализ сетевых участников (акторов) мобилизации позволяет обнаружить как минимум две структуры, позволяющие строить акторно-сетевые модели социальной и политической мобилизации в виртуальной среде. Во-первых, «реальные» акторы (субъекты физического пространства), коммуникативная деятельность которых способна мобилизовать гражданские и организационные инициативы, поддерживать актуальную повестку дня, использовать индивидуально-личностные ресурсы и пр. Во-вторых, речь может идти о сетевых акторах социальной и политической коммуникации (их вреда формирования и продуктивного взаимодействия в сетевом пространстве) (Володенков, Митева, 2016; Алексеев, 2019).

Методы исследования

В рамках данной статьи применяются смешанные методы исследования для анализа эффективности тематического моделирования в определении акторов социально-политической мобилизации при использовании low-code аналитических платформ. Исследование включает в себя качественный анализ, основанный

на систематическом обзоре литературы, и количественный анализ, использующий данные из различных социально-политических контекстов, представленных в виде слабоструктурированных текстовых корпусов с преобладающим русским языком и сообщениями на иных языках. Тематическое моделирование, реализованное в среде аналитической платформы PolyAnalyst, позволяет выявить ключевые паттерны и тенденции, связанные с акторами мобилизации, коим выступает круг пользователей VK, проявивших наибольшую активность в роли комментаторов и создателей постов. Для проверки надежности и валидности методов тематического моделирования используются различные наборы данных для использования в алгоритме кросс-валидации на датасетах с предварительно заданной тематикой. В качестве метрик качества моделей выступали когерентность и перплексия. Кроме того, анализируется способность этих методов идентифицировать скрытые взаимосвязи между акторами и влиять на динамику мобилизации. Такой подход позволяет оценить потенциал и ограничения использования low-code платформ в социально-политических исследованиях.

Результаты исследования

В качестве примера, демонстрирующего особенности и преимущества использования описываемых аналитических платформ, можно рассмотреть задачу тематического моделирования в среде аналитической платформы PolyAnalyst над массивом данных — сообщений, доступных в публичном доступе, среди тематических групп сообществ «ВКонтакте» в Тюменской и Кемеровской областях, как в регионах, схожих по ресурсному типу, территориальной общности возможностей и, возможно, притягательности проблем. Под тематическими группами подразумеваются сообщества, объединенные по территориальному признаку, в которых доступны функции комментирования и/или создания обсуждений пользователями, а в качестве векторной тематики выступает социальная сфера. Сбор производился с использованием публичного API VK методом веб-скраппинга, позволяющего сохранять не только текст сообщений, но и сопутствующие метаданные (время публикации, публичный id автора и др.). В качестве референса было проведено тематическое моделирование с использованием модели LDA из модуля gensim ввиду поддержки параллельных вычислений на многоядерных вычислительных машинах, результаты которого приведены в виде совокупности гистограмм (рис. 1).

В рамках аналитической платформы работа представляется не в виде «кода», а в виде визуальных блоков, которые комбинируются между собой, формируя pipeline исследования. Для описанной ранее задачи была сформирована следующая структура исследования в среде аналитической платформы PolyAnalyst (рис. 2).

В качестве удобного дополнения PolyAnalyst позволяет сформировать метатему, объединив некоторое множество тем по соединяющему их признаку. Например, под названием «Мусорная категория» скрываются все нерелевантные к социально-политической мобилизации темы. Тем не менее можно сделать предположение, что присутствие элементов этого «мусорного» массива информации способно выступать точками сборки/пересечения рассматриваемых сетевых сообществ (рис. 3).

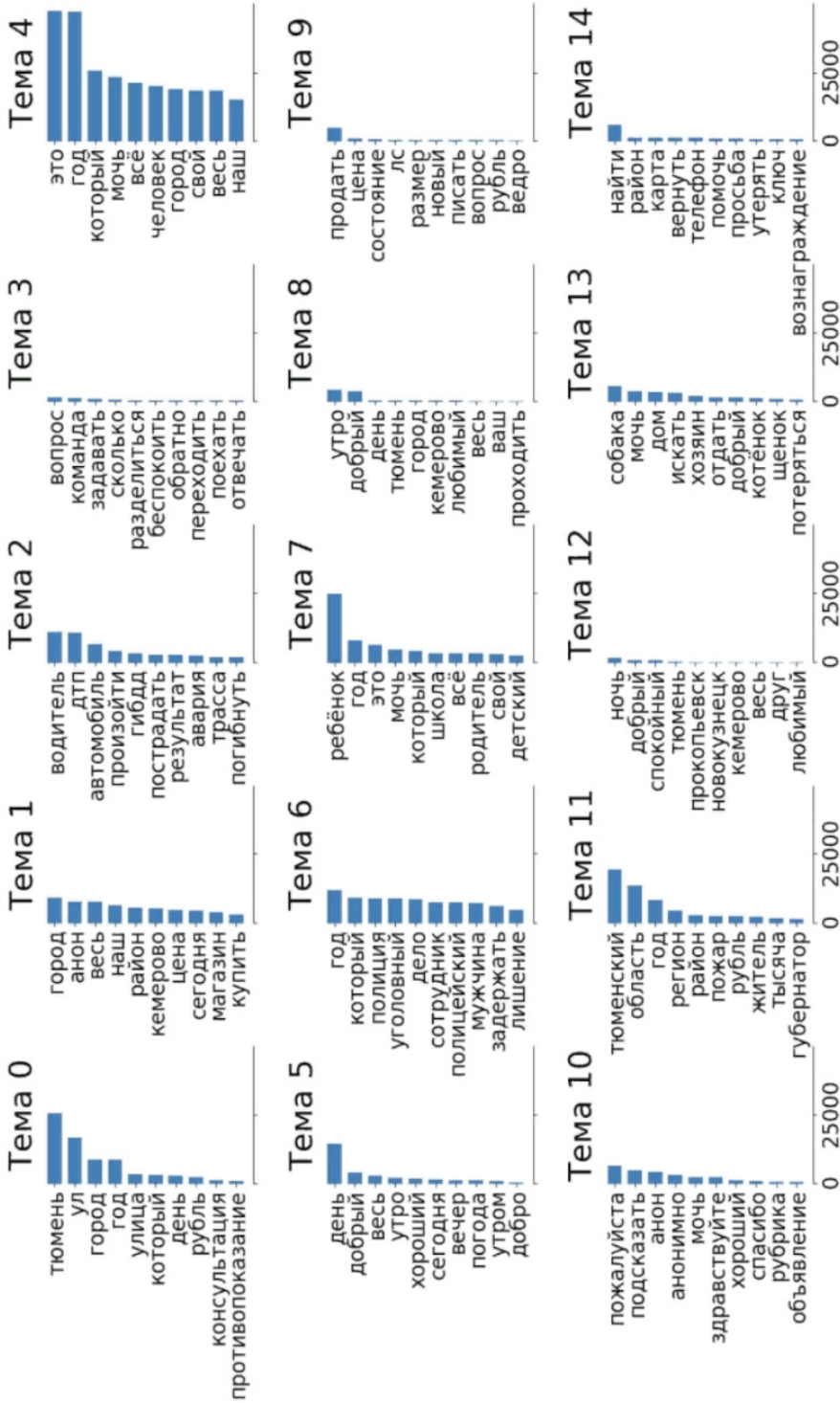

Рисунок 1 — Результаты тематического моделирования с использованием модели LADA (Кузбасс, Тюменская область, декабрь 2022 г., исходный массив ~2 млн строк, ручной отбор тематических групп).

Figure 1 — Results of thematic modeling using the LADA model (Kuzbass, Tyumen region, December 2022, initial array of ~2 million lines, manual selection of thematic groups).

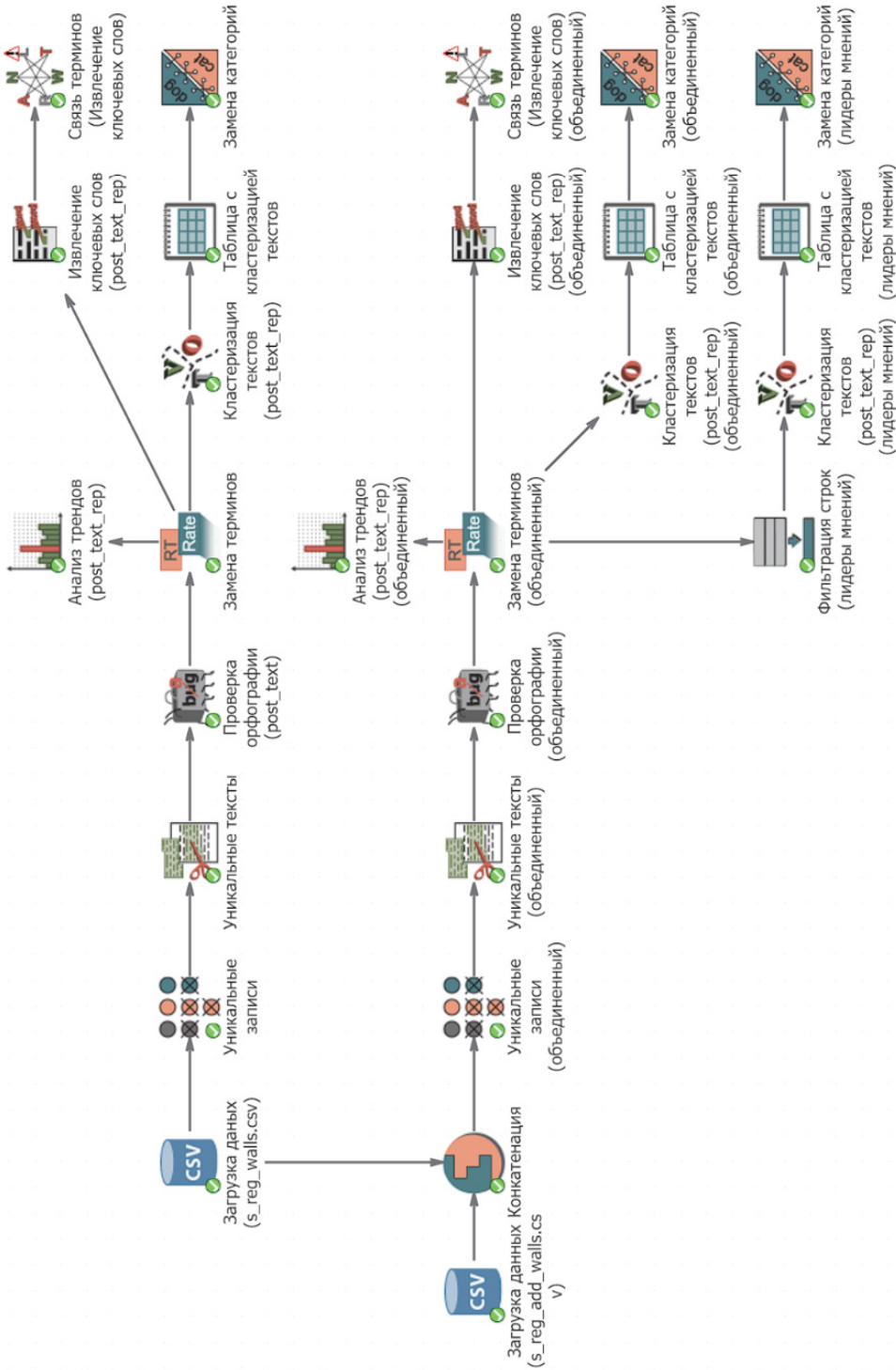

Рисунок 2 — Структура этапов сборки исследования в среде PolyAnalyst.
Figure 2 — The structure of the research assembly stages in the PolyAnalyst platform.

Рисунок 3 — Укрупненная тематическая группировка повестки сетевых сообществ в период с января по декабрь 2022 г. (Кузбасс, Тюменская область, ручная сортировка тематических групп).

Figure 3 — Enlarged thematic grouping of the agenda of network communities in the period from January to December 2022 (Kuzbass, Tyumen region, manual sorting of thematic groups).

Обсуждение и заключение

Инструменты тематического моделирования позволяют получать выделенные темы для анализа социальной и политической мобилизации сетевых участников по актуальной обсуждаемой в сообществах повестке. Инструменты тематического моделирования позволяют получать «длинные связи», неочевидные для исследователей при первичном рассмотрении.

Представленное исследование демонстрирует значительный потенциал тематического моделирования в анализе социально-политических процессов. Методы тематического моделирования, особенно в сочетании с low-code аналитическими платформами, открывают новые перспективы для исследователей в изучении сложных и динамичных сетевых сообществ. Примененные методы позволяют эффективно выявлять ключевые темы и акторов социально-политической мобилизации, предоставляя более глубокое понимание механизмов их взаимодействия.

Отдельно стоит подчеркнуть значимость интеграции тематического моделирования и low-code аналитических платформ в исследовательскую практику социальных наук. Это открывает новые возможности для глубокого и многоаспектного изучения социально-политических явлений, способствуя развитию методов анализа и понимания сложных социальных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев М. С. Технологии девиантного поведения в сетевом пространстве // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 539–542.
- Анашкина М. В., Колесова И. В. Применение datamining в процессе выявления недобросовестных практик на рынке ценных бумаг (на основе кейса) // Финансовые исследования. 2020. №3 (68). С. 16–26.
- Володенков С. В., Митева В. В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии // PolitBook. 2016. №3.
- Гончаренко Ю. Д. К возможности группировки керамики в среде для анализа данных ORANGE (на основе материалов самосдельского городища) // Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции (Астрахань, 01–03 февраля 2022 г.). Астрахань, 2022. С. 185–187.
- Горчакова О. Ю., Ларионова А. В., Александрова Ю. К., Петров Е. Ю. Особенности новостного дискурса социально-политической тематики на примере региональных новостных пабликов в социальной сети «ВКонтакте» // Филология: научные исследования. 2021. № 3. С. 1-17. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.35234
- Исаева Е. В. Тематическое моделирование в дискурсе компьютерной безопасности: исследование на примере публикаций информационных бюллетеней и новостных лент // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. №14 (2). <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-2-18-26>
- Колбягина Л. А. Кластерный анализ отраслевой структуры налоговых доходов на региональном уровне // Известия БГУ. 2022. № 3. С. 493–500.
- Коньшев Е. В. Методика изучения ментального туристско-рекреационного пространства по отзывам туристов (на примере Кировской области) // Вестник Московского университета. 2022. Сер. 5: География. № 5. С. 16–28.
- Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81–90. DOI: 10.17223/15617793/464/10
- Лебедкина Н. С., Александрова Ю. К., Орлова В. В. Анализ миграционных потоков молодежи на территории субъектов Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 57–72. doi:10.18799/26584956/2021/3(42)/1089
- Мирошниченко И. В. Сетевая публичная политика и управление. М.: Аргмак-Медиа, 2016. 296 с.
- Михненко П. А. Data mining как инструмент мультимодальной бизнес-аналитики: трансформация лексики годовых отчетов госкорпорации «Ростех» // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2022. № 6. С. 126–136. doi:10.21686/2413-2829-2022-6-126-136
- Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 2. С. 317–341. doi: 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

Сухарева А. В., Воронцов К. В. Построение полного набора тем вероятностных тематических моделей // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2019. Т. 23? № 4. С. 7–23.

Черкасов Е. И. Сравнение алгоритмов тематического моделирования при определении тематик постов людей в социальной сети «ВКонтакте» // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 6–2 (75). С. 45–49.

Apishev M., Vorontsov K. Learning topic models with arbitrary loss // Proceedings of the XXth Conference of Open Innovations Association FRUCT. 2020. Vol. 26. P. 1–8. DOI: 10.23919/FRUCT48808.2020.9087559

Deerwester S., et al, Improving Information Retrieval with Latent Semantic Indexing, Proceedings of the 51st Annual Meeting of the American Society for Information Science 25, 1988. Pp. 36–40.

Golovatsky E., Kranzeeva E., Orlova A., Burmakina A. Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology // International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2018. Vol. 289. Pp. 8–13. doi: 10.2991/csis-18.2019.2

Greff K., Srivastava R. K., Koutník J., Steunebrink B. R., and J. Schmidhuber, «LSTM: A Search Space Odyssey,» in IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems, Vol. 28, No 10. Pp. 2222–2232, Oct. 2017, doi: 10.1109/TNNLS.2016.2582924.

Hofmann Th. Learning the Similarity of Documents: an information-geometric approach to document retrieval and categorization, Advances in Neural Information Processing Systems 12. MIT Press, 2000. Pp. 914–920.

Hutter S. 2014. Protest Event Analysis and Its Offspring // della Porta D. (ed.). Methodological Practices in Social Movement Research. Oxford: Oxford University Press. Pp. 335–367.

REFERENCES

Alekseev, M.S. (2019). Technologies of deviant behavior in the network space. *Young scientist*, 49(287), 539–542. (In Russ.).

Anashkina, M. V., & Kolesova, I. V. (2020). Application of datamining in the process of identifying unfair practices in the securities market (based on the case). *Finansovye issledovaniya*, 3(68), 16–26. (In Russ.).

Volodenkov S. V., Miteva V. V. (2016). Network information wars in modern conditions: main actors and strategies. *PolitBook*.3. (In Russ.).

Goncharenko, Yu. D. (2022). To the possibility of grouping ceramics in the environment for analysis of ORANGE data (based on the materials of the fort). In: D. V. Vasil'ev (Ed.), *Materials of the All-Russian (with international participation) archaeological student conference (Astrakhan, February 01–03, 2022)*. (pp. 185–187). Astrahan. (In Russ.).

Gorchakova, O. Yu., Larionova, A. V., Aleksandrova, Yu. K., & Petrov, E. Yu. (2021). Features of the social and political discourse on the example of regional news publics in the social network «VKontakte». *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 3, 1–17. doi:10.7256/2454-0749.2021.3.35234 (In Russ.).

- Isaeva, E. V. (2022). Topic modelling in the computer security discourse: case study on newsletters and news feeds. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, 14(2). doi:10.17072/2073-6681-2022-2-18-26 (In Russ.).
- Kolbyagina, L. A. (2022). Cluster analysis of the sectoral structure of tax revenues at the regional level. *Izvestiya BGU*, 3, 493–500. (In Russ.).
- Konyshov, E. V. (2022). Methods of studying the mental tourist-recreational space according to the reviews of tourists (on the example of Kirov region). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya*, 5, 16–28. (In Russ.).
- Kranzeeva, E. A., Golovackij, E. V., & Orlova, A. V. (2021). Social and political interaction of local communities of the region in reactive relations: cases of urban improvement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 464, 81–90. doi:10.17223/15617793/464/10.
- Lebedkina, N. S., Aleksandrova, Yu. K., & Orlova, V. V. (2021). Analysis of migration flows of youth in the territory of the constituent entities of the Russian Federation. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium*, 2(41), 57–72. doi:10.18799/26584956/2021/3(42)/1089 (In Russ.).
- Miroshnichenko, I. V. (2016). *Network public policy and management*. Moscow : Argamak-Media. (In Russ.).
- Mihnenko, P. A. (2022). Data mining as a tool of multimodal business analytics: transformation of vocabulary of annual reports of the state corporation «RosTech». *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plehanova*, 6, 126–136. doi:10.21686/2413-2829-2022-6-126-136 (In Russ.).
- Semenov, A. (2018). Event analysis of protests as a tool to study political mobilization. *Sociologicheskoe obozrenie*, 17(2), 317–341. doi:10.17323/1728-192X-2018-2-317-341 (In Russ.).
- Suhareva, A. V., & Voroncov, K. V. (2019) Building a complete set of probabilistic thematic model topics. *Intellektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya*, 23(4), 7–23. (In Russ.).
- Cherkasov, E. I. (2020). Comparison of algorithms of thematic modeling in determining subjects of posts of people in the social network «VKontakte». *Evrazijskij Soюз Uchenyh*, 6–2(75), 45–49. (In Russ.).
- Apishev, M., & Vorontsov, K. (2020). Learning topic models with arbitrary loss. In *Proceedings of the XXth Conference of Open Innovations Association FRUCT*, Vol. 26 (pp. 1–8). DOI: 10.23919/FRUCT48808.2020.9087559
- Deerwester, S., et al. (1988). Improving Information Retrieval with Latent Semantic Indexing. *Proceedings of the 51st Annual Meeting of the American Society for Information Science*, 25, 36–40.
- Golovatsky, E., Kranzeeva, E., Orlova, A., & Burmakina, A. (2018). Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology. In: *International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 289 (pp. 8–13). <https://doi.org/10.2991/csis-18.2019.2>
- Greff, K., Srivastava, R. K., Koutník, J., Steunebrink, B. R., & Schmidhuber, J. (2017). LSTM: A Search Space Odyssey. *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning*

Systems, 28(10), 2222-2232. doi:10.1109/TNNLS.2016.2582924

Hofmann, T. (2000). Learning the similarity of documents: an information-geometric approach to document retrieval and categorization. In: *Advances in Neural Information Processing Systems 12* (pp. 914–920). MIT Press.

Hutter, S. (2014). Protest event analysis and its offspring. In D. della Porta (Ed.), *Methodological Practices in Social Movement Research* (pp. 335–367). Oxford : Oxford University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Иван Юрьевич Степанов — ассистент кафедры цифровых технологий института Цифры, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Ivan Yu. Stepanov — Assistant Professor, Department of Digital Technologies, Institute of Digitalization, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Елена Анатольевна Кранзеева — д-р социол. наук, доцент, зав. кафедрой социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Elena A. Kranzeeva — Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Евгений Васильевич Головацкий — д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Evgeny V. Golovatsky — Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Инна Вениаминовна Донова — канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента имени И.П. Поварича Института экономики и управления, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Inna V. Donova — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, I.P. Povarich Department of Management, Institute of Economics and Management, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Анна Леонидовна Бурмакина — старший преподаватель кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Anna L. Burmakina — Senior Lecturer, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024;
одобрена после рецензирования 15.02.2024;
принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024;
approved after reviewing 15.02.2024;
accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 316.455

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-03.

Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России

Ольга Владимировна Борисова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
olya333es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

Ольга Леонидовна Сытых

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Аннотация. В настоящее время в связи со сложными социальными, политическими и экономическими процессами еще острее возникает потребность в изучении гражданской идентификации и ценностей населения России. Гражданская идентификация является значимой составляющей основы формирования гражданского общества. Именно осознание наличия единения, общей принадлежности к единому социальному «организму», чувство «мы» (We-pness) и ощущение себя частью целого, восприятие других членов социума не как «других», а как «своих» способствует формированию взаимопонимания, социальной солидарности, единства задач и интересов отдельных индивидов и общества в целом. Российская гражданская идентификация сегодня рассматривается как базовая идентификация, наряду с этнической, конфессиональной и др. В фокусе статьи — анализ гражданской идентификации и ценностных ориентаций жителей приграничных регионов России. Представлены результаты исследования, проведенного в 2019 г. в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай (n=1418). Согласно полученным результатам было выявлено, что некоторые ценностные различия имеют выраженную экономическую детерминацию. Так, плохое материальное положение, отсутствие личностных, физических и психических ресурсов приводили к формированию иных ценностных ориентаций, в частности, в большей степени ориентированных на возможность реализовать свои гражданские права, проявить гражданскую активность. Граждане с низким уровнем экономического благополучия чаще выбирали здоровье в качестве главной жизненной ценности. Сравнительный анализ ответов мужчин и женщин продемонстрировал также приверженность традиционным взглядам на жизнь. Наиболее важными являются семейное счастье, личная безопасность, спокойная размеренная жизнь.

Ключевые слова: гражданская идентичность, ценности, приграничные регионы, гражданское общество, гражданская активность

Финансирование: исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России» (№ 19-011-31434 опн).

Для цитирования: Борисова О.В., Сытых О.Л. Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 40–51. doi: 10.14258/ssi(2024)1-03.

Civic Identification and Value Orientations of the Population of Border Regions of Russia

Olga V. Borisova

Altai State University, Barnaul, Russia
olya333es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

Olga L. Sytykh

Altai State University, Barnaul, Russia
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Abstract. The complex social, political and economic processes make more acute the need to study the civic identification and values of the Russian population. Civic identification is a significant component lying in the basis for the formation of civil society. Its function is the creation of unity, common belonging to a single social “organism”, the feeling of “we-ness”, and the feeling of being part of the whole, the perception of other members of society not as “others” but as “our own” that contributes to the formation of mutual understanding, social solidarity, unity of tasks and interests of individuals and society as a whole. Russian civic identification today considered as a basic identification, along with ethnic, confessional and others. The focus of the article is the analysis of civic identification and value orientations of residents of the border regions of Russia. The results of the research conducted in 2019 in Altai Krai, Novosibirsk Oblast and Altai Republic (n=1418) are presented. According to the results, it has been revealed that some value differences have a pronounced economic determination. Thus, poor financial situation, lack of personal, physical and mental resources led to the formation of different value orientations. The formation of other value orientations, in particular, more oriented on the opportunity to realize their civil rights, to manifest civic activity. Citizens with a low level of economic well-being more often chose health as the main life value. In addition, the comparative analysis of men and women’s answers demonstrated adherence to traditional views on life. The most important are family happiness, personal security, and a calm and measured life.

Keywords: civic identity, values, border regions, civil society, civic activity

Financial support: the research was carried out within the framework of the RFBR Grant “Civic identity, civic initiatives and social activity of the population as a basis for the formation of civil society in modern Russia” (№ 19-011-31434 opn).

For citation: Borisova, O.V., Sytykh, O.L. (2023). Civic Identification and Value Orientations of the Population of Border Regions of Russia. *Society and Security Insights*, 7(1), 40–51. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-03.

Введение

Гражданская идентификация является частью общего идентификационного дискурса современности, значительно актуализированного ростом глобализации и ассоциирующихся с ней экономических, социальных, политических и культурных феноменов. В условиях увеличения интенсивности социальных взаимодействий, взаимопроникновения культур, подвижности и пересмотра значимости реальных и символических границ — физических, государственных, юридических, разделяющих социальные и культурные пространства, происходит невероятное расширение поля идентификационных возможностей, процесс поиска индивидом себя становится сложным, многомерным и поливариантным. И хотя многие говорят о кризисе идентичности, в том числе гражданской, который связывают с гетерогенностью современных обществ, их активной геополитической трансформацией, сдвигами в принципах устройства современного мира, потерей национальными государствами значительной части своей независимости и суверенитета, прежде всего в экономическом, политическом и культурном смыслах (Brubaker, Cooper 2000; Семенова, 2010; Силаньева, 2012; Мусаев, Гаджиева, 2018), на деле наблюдается скорее кризис устоявшихся, традиционных взглядов на природу идентичности, преодоление которого, по нашему мнению, заключается в разработке более гибких концепций, учитывающих эту постоянно ускользающую и резко изменяющую свою суть социальную реальность, в том числе реальность политическую, в пространстве которой, в тесном переплетении с культурной и историческими плоскостями социальной жизни, заявляет и проявляет себя гражданская идентичность.

Гражданская идентичность — также один из ключевых блоков построения гражданского общества. На данный момент трансформирующиеся условия существования гражданского общества делают крайне востребованными гражданское самосознание, гражданскую идентификацию личности, а также проявления гражданской идентичности в повседневном поведении индивида.

Анализируя работы зарубежных исследователей по проблеме идентификации, можно отметить, что такие понятия, как «гражданская идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», почти не встречаются в зарубежной научной литературе, вместо этого чаще всего используется термин «национальная идентичность» (national identity). Считая синонимами понятия «гражданская идентичность» и «национальная идентичность» в случае зарубежных исследований, все сказанное о национальной идентичности можно считать верным и для гражданской идентичности. Говоря о гражданской идентичности, зарубежные авторы подразумевают осознание человеком себя как гражданина определенной страны, наличие у него чувства общности с ее гражданами, а также эмоционально-ценностного отношения к осознанию себя гражданином страны.

Для России все вышеперечисленные тенденции также актуальны, они создают общий социокультурный и политический контекст, в котором протекают внутрироссийские процессы — конструирования современной российской нации, определения ее идеологических основ, формирования общероссийской идентичности,

включающей национальные, гражданские и этнические компоненты. Эти процессы довольно противоречивы, длительны, наследуют опыт предыдущих эпох существования российской государственности. Так, мы до сих пор испытываем на себе последствия разрушения советской идентичности и перехода к демократическому транзиту, выстраиваем новое пространство идентичностей и солидарностей, хотя по поводу последствий данных событий оценки разнятся вплоть до противоположных. Так, например, В. Д. Зорькин отмечает, что распад советской системы надэтнической интеграции в ситуации привел к образованию агрессивных, враждебных этнических и религиозных идентичностей и загубил нарождающуюся российскую идентичность, что наиболее ярко проявилось в деятельности экстремистских религиозных групп, действовавших на Северном Кавказе (Зорькин, 2011).

Гражданская идентичность, социальные установки в отношении гражданской активности формируются в результате социализационных процессов, протекающих по-разному в зависимости от характеристик социальной среды и по-разному определяющих дальнейший опыт социальной активности индивидов. Они испытывают и существенное влияние господствующей в обществе идеологии и представлений о гражданской нации, о национальной идее и национальных символах, о роли граждан в строительстве и развитии политической нации и их возможностях изменять социальную жизнь, принимать участие в разработке и исполнении государственных решений относительно значимых аспектов их жизни, иными словами — быть значимой частью гражданского общества. В этой связи весьма нетривиальной задачей является исследование того, какими именно гражданами считают себя жители той или иной страны, какие основания они используют для сравнения и какие значимые характеристики составляют смысловое «ядро» социальных идеалов относительно моральных качеств, гражданских чувств и стратегий поведения «настоящего гражданина». Для России, находящейся в активном поиске своей особой национальной траектории развития и оптимальных механизмов взаимодействия между формирующимся гражданским обществом и государством, эти задачи имеют не только чисто теоретическую, научную, но и практическую ценность.

Методы

Для сбора социологических данных использовался метод опроса населения (лиц в возрасте 18–70 лет), проживающих на территории трех приграничных регионов России, различающихся по социально-экономическому статусу (Алтайский край, Республика Алтай, Новосибирская область; $n = 1418$). Для отбора респондентов была применена многоступенчатая выборка с квотным отбором. В исследовании всего приняли участие 1418 респондентов из Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай. В Алтайском крае в исследовании приняли участие 590 респондентов, из них 43,2% — мужчины и 56,8% — женщины. В Новосибирской области приняли участие 404 респондента (46,8% — мужчины и 53,3% — женщины). В Республике Алтай было опрошено 424 чел., из них мужчин 49,4%, 50,6% — женщины. Респонденты были разделены на три возраст-

ные категории: возрастная группа 18–29 лет: Алтайский край — 26,5%, Новосибирская область — 20,0%, Республика Алтай — 34,0%; категория 30–49 лет: 43,9%, 44,6% и 35,0% соответственно; старшая возрастная категория 50–75 лет: 29,6%, 35,4%, и 31,0% соответственно. Анализ материального положения населения показал, что большинство жителей оценивают свое материальное положение как среднее, когда денег хватает на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг, а на приобретение дорогих вещей приходится долго копить (Алтайский край — 63,4%, Новосибирская область — 75,4%, Республика Алтай — 68,7%). В Алтайском крае свое материальное положение оценили ниже среднего 10,4% населения (9,7% живут очень бедно, 0,7% — очень бедно). В Новосибирской области 10,9% живут бедно, а 1,3% — очень бедно. В Республике Алтай 11,0% жителей ответили, что живут бедно, а 1,7% — живут очень бедно. Свое материальное положение как очень хорошее, богатое оценили только 2,3% населения в Алтайском крае и 1,0% в Республике Алтай. Обработка данных была осуществлена с помощью пакета SPSS 24.0.

Результаты

Уровень цивилизационного и демократического развития общества, состояние морали и общественных отношений непосредственным образом отражаются на характеристиках общественного сознания. Ярче всего это влияние прослеживается в ценностных ориентациях граждан, выступающих базовыми регуляторами поведения социальных субъектов и отражающих устойчивое оценочное отношение к различным аспектам общественной жизни (Сурина, 2005). Представляя собой конstellляции наиболее значимых социальных ценностей, ориентированных на удовлетворение значимых потребностей индивида, ценностные ориентации как социальная система содержат компоненты высшего порядка — высшие цели, так называемые терминальные ценности, и ценности, служащие средствами для достижения указанных идеалов — инструментальные ценности. Иерархии ценностей выступают важными индикаторами сформированности, актуализированности и удовлетворенности социальных потребностей индивидов, социальных групп и общества в целом, показывают вектор направления общественного развития, или, иными словами, в какую сторону движется общество, какие цели и приоритеты являются для него основополагающими.

В контексте проведенного исследования особую важность имел анализ распространенности гражданских ценностей, в число которых большинство исследователей включает свободу личности и демократическое правосознание, ценности саморазвития, политический и культурный плюрализм, терпимость, открытость и готовность к сотрудничеству, равенство и справедливость, патриотизм (Баталов, 2002; Горшков, 2008). Именно на основе этих ценностей формируются гражданская идентификация, а также гражданское самосознание и гражданская культура, проявляется гражданская ответственность, определяется восприятие общественных проблем, вызовов и угроз как лично значимых, направляющих деятельность индивида (Гаврилова, 2017).

Как показали социологические опросы в сибирских регионах, ключевую роль в ценностных ориентациях их жителей играли здоровье (73,5% выборов, множественные варианты ответа), счастливая семейная жизнь (54,6%), материальная обеспеченность, достаток (30,9%), личная безопасность и безопасность близких людей (30,2%). При этом распределение выборов по последним двум альтернативам имело существенные региональные отличия: на материальный достаток более всего были ориентированы респонденты, проживающие в Новосибирской области (56,4% выборов) и Республике Алтай (51,1%), тогда как в Алтайском крае доля респондентов, для которых материальное благополучие было основополагающим, составила только 38,3%¹. Относительно безопасности наибольшие различия также наблюдались между Новосибирской областью (38,1%) и Алтайским краем (26,5%) (табл.).

Вторую по распространенности группу ценностей (от 20% до 24% выборов) составили активная деятельная жизнь (наибольшая распространенность в Алтайском крае и Республике Алтай), интересная работа, а также социальная справедливость, в равной степени важные для жителей всех трех регионов. Ценность свободы являлась приоритетной для 17,6% опрошенных, почти столько же (15–17%) желали вести спокойную размеренную жизнь и заниматься саморазвитием, около 14% — были обеспокоены общественной безопасностью и в число личных ценностных приоритетов включали отсутствие военных и других угроз стране (различия значимы между всеми тремя регионами, в большей степени данная ценность разделялась жителями Новосибирской области — 16,3%, в меньшей степени — в Республике Алтай — 15,4% и Алтайском крае — 10,8%). От 7% до 10% респондентов отметили в качестве важных для себя ценности чистоты природы (наиболее значимые различия между Новосибирской областью — 7,2% и Республикой Алтай — 11,8%), красоты природы и искусства, счастья и благополучия других, творчества, самовыражения, культурного развития (достоверные различия между Алтайским краем — 9,8% и Новосибирской областью — 5%), развлечений, романтики и приключений (значимо меньше распространенные в Новосибирской области). К сожалению, ценности, являющиеся основополагающими для развития гражданского общества, — ощущение своей необходимости людям, обществу и государству, общественное признание и уважение окружающих — разделялись только 5,3% участников исследования. Духовные и религиозные ценности входили в число жизненных приоритетов у 3,3% опрошенных, тогда как возможности реализовать свои гражданские и политические права, проявлять гражданскую активность — только у 2,3%. В большинстве случаев меньшая распространенность была присуща респондентам из Новосибирской области (табл.).

-----
¹ Критерии проверки: χ^2 , z-критерий с коррекцией Бонферрони для множественных сравнений.

Ценностные ориентации респондентов в региональном разрезе, % (буквами в ячейке обозначена другая ячейка, с которой наблюдались статистически значимые различия, рядом в скобках указан уровень значимости, р)

The value orientation of respondents in different regions, % (the letters in the cell denote another cell with which statistically significant differences were observed, the p-value indicated in brackets)

Ценности	Алтайский край (A)	Республика Алтай (B)	Новосибирская область (C)
Здоровье	72,5	71,6	76,7
Счастливая семейная жизнь	51,2	58,6	55,4
Материально обеспеченная жизнь, достаток	38,3	51,1 A (0,001)	56,4 A (0,001)
Личная безопасность, безопасность близких людей	26,5	27,7	38,1 A (0,001)
Надежные и верные друзья	27,8	34,5	31,7
Активная, деятельная жизнь	27,8 C (0,009)	23,2	19,6
Интересная работа	24,2	20,6	26,5
Социальная справедливость	20,1	24,1	23,3
Свобода	17,7	18,2	16,8
Спокойная размеренная жизнь	14,9	17,3	19,1
Образование, получение новых знаний, саморазвитие	13,9	16,8	15,6
Общественная безопасность, отсутствие военной и других угроз стране	10,8	15,4	16,3
Красота природы и искусства	9,6	12,5	8,2
Чистота природной среды	8,9	11,8 C (0,006)	7,2
Счастье, благополучие других	7,4	9,7	11,1
Творчество, самовыражение, культурное развитие	9,8 C (0,016)	9	5
Развлечения, романтика, приключения	8,4 C (0,005)	9,2 C (0,002)	3,5
Ощущение своей необходимости людям, обществу, государству	5,7	5,9	4,2 A (0,035)
Власть, престиж, общественное признание, уважение окружающих	6,9 C (0,003)	5,9 C (0,023)	2,2
Ценности религии, духовность	3,6	5	1,2
Возможность реализовать гражданские и политические права, гражданская активность	3,1	2,4	1,2
Другое	0,5	1,2	0,5

Региональные различия проявились не только на основе общих выборочных совокупностей, но и при рассмотрении влияния других факторов на конфигурацию ценностей — пола, возраста, места проживания, материального положения.

Так, поселенческие различия касались только ограниченного круга ценностей и не носили всеохватывающего характера, являясь релевантными лишь для отдельных регионов. В большей степени ценностный разрыв между городом и деревней проявился в Алтайском крае, где иерархии значимых ценностей сельских жителей значимо чаще включали здоровье (79,7%, в группе горожан — 69,5%), социальную справедливость (29,3%, в группе горожан — 17,1%), материальную обеспеченность (45,9% по сравнению с 35,6%), спокойную и размеренную жизнь (20,3% по сравнению с 13,2% в городе), ценности религии, духовность (6,8% по сравнению с 2,6%). Таким образом, сельские жители, с одной стороны, имели повышенный уровень тревожности и остро переживали социальные перемены, сопряженные с экономическими и социальными вызовами и угрозами, потрясениями, вызванными глубоким реформированием социальной сферы села, огромным разрывом в уровне доходов, развитии социальной инфраструктуры, культурных возможностей между городом и деревней, с другой — в селе остались сохранными традиционные ориентации на тихую, размеренную, наполненную повседневными делами жизнь, большую значимость духовных практик.

В Новосибирской области различия были принципиально иной модальности. Жители села там были чаще, чем горожане, ориентированы на счастье и благополучие других (18,8% по сравнению с 9,3%), тогда как для горожан более значимой ценностью являлась интересная работа (14,5% по сравнению с 2,5%). В Республике Алтай городские жители были в большей степени, чем в других регионах, ориентированы на творчество, самовыражение и культурное развитие (13,3%), а также власть, и общественное признание (5,9% и 3,8% соответственно, выражено преимущественно среди мужчин). Кроме этого, исследование показало, что в более урбанизированных регионах (Алтайский край и Новосибирская область) для городского населения ценности активности, деятельной жизни являются более значимыми, чем для проживающих в сельской местности граждан, причем это различие было еще и гендерно чувствительно в Новосибирской области, где мужчины являлись более активными, чем женщины. Для Республики Алтай, в которой границы между городом и деревней являются размытыми как в административном, так и бытовом, символическом планах, такое разделение не имело существенного значения.

Возрастные различия имели как обобщенный, так и регионально специфичный характер. Молодежь до 24 лет была в большей степени ориентирована на получение образования, интересную работу и карьеру, творчество, самовыражение и культурное развитие, развлечения, приключения и романтику, чем представители старших поколений, для которых были более значимы ценности здоровья, социальной справедливости, счастливой семейной жизни, личной и общественной безопасности. Чаще всего различия были значимыми в Новосибирской области и Республике Алтай, тогда как в Алтайском крае ценностные ориентации разных

поколений были сходными. Исключение составили ценности свободы и чистоты природной среды, приоритет которых был выше среди молодежи (28,1% и 16,9%), чем в других возрастных группах.

Сравнительный анализ ответов в группах мужчин и женщин показал, что жительницы сибирских регионов придерживаются весьма традиционных взглядов на жизнь, для них в большей степени, чем для мужчин, является важным семейное счастье и личная безопасность, благополучие близких, спокойная, размеренная жизнь (особенно в Новосибирской области). Регионально специфичным являлось различие в ценности образования, получения новых знаний и саморазвития в Республике Алтай, также гораздо более востребованных среди женщин (21,1%), чем среди мужчин (12,0%). Мужчины во всех регионах в значительно большей степени были ориентированы на отстаивание своей свободы и независимости.

Ценностные ориентации имели также четкую экономическую детерминацию: во всех регионах наибольший вес ценностей, связанных с активным образом жизни, властью, престижем и получением общественного признания присутствовал в конфигурациях ценностных ориентаций более богатых и материально обеспеченных респондентов. Дополнительно, в Алтайском крае «богатые» чаще испытывали потребность в ощущении своей необходимости людям (9,7%), тогда как в Новосибирской области — были в большей степени ориентированы на получение интересной работы (40,8%). Плохое материальное положение, отсутствие личностных, физических и психических ресурсов приводили к формированию иных ценностных ориентаций, в частности, в большей степени направленных на возможность реализовать свои гражданские права, проявить гражданскую активность. В частности, такая взаимосвязь была статистически подтверждена в Алтайском крае, где среди респондентов, считающих себя бедными, 8,6% заявили о значимости такой ценности, тогда как в более успешных в материальном плане группах — только 2–2,8%. Наиболее очевидные изменения, формируемые бедностью, связаны с восприятием здоровья. Среди бедных здоровье считается более важной ценностью, чем среди более обеспеченных страт населения, поскольку это не только один из главных жизненных, но еще и трудовых ресурсов. Эта зависимость была обнаружена в ходе исследования в Алтайском крае, где 79,3% малообеспеченных граждан выбрали здоровье среди наиболее важных ценностей (для сравнения, в группе «богатых респондентов» — 55,9%), и в Новосибирской области, где здоровье входило в число наиболее важных ценностей у 91,7% малообеспеченных респондентов и у 67,3% респондентов с высоким достатком.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты показывают, что, несмотря на наличие некоторых общих ценностных ориентиров, разделяемых всем населением, таких как здоровье, счастье семьи и близких, прочное материальное положение, безопасность, существует довольно много нюансов восприятия жизни, на основе которых формируются группы населения со сходными ориентациями, которые могут стать социальной базой для различных общественных движений, некоммерческих

организаций, форм и направлений социальной активности. К сожалению, собственно гражданские, альтруистические ценности, ценности, которые можно назвать постматериальными, пока не занимают достойного места в ценностных ориентациях граждан ввиду их большей озабоченности витальными потребностями. Было выявлено, что депривация и фрустрированность тоже могут формировать ценностные основания, используемые в дальнейшей активности граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 7–22.

Гаврилова Н. А. Приобщение к гражданским ценностям как необходимое условие становления гражданской позиции студентов университета // Российская наука в современном мире : материалы VIII междунар. науч.-практ. телеконф. Пенза : Актуальность. РФ, 2017. С. 27–30.

Горшков М. К., Андреев А. Л., Аникин В. А., Бызов Л. Г., Петухов В. В., Бараш Р. Э., Тихонова Н. Е. Российская идентичность в социологическом измерении : аналитический доклад. М. : Институт социологии РАН, 2008. 72 с.

Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 11. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3–26.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Вып. 7. 2008. М. : Институт социологии РАН, С. 214–228.

Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.

Зорькин В. Современное государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. 2011. 7 сент.

Логонова А. А. Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-проектов. Самара, 2010. 229 с.

Мусаев И. М., Гаджиева, А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 15–19.

Семенова Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7 (113). С. 87–92.

Силантьева М. В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО университета. 2012. №2 (23). С. 173–179.

Сурина И. А. Ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 162–164.

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 6(4). С. 135–142.

Brubaker R. The Manichean myth: Rethinking the distinction between 'civic' and 'ethnic' nationalism // *Nation and national identity: The European experience in perspective*. 1999. P. 55–71.

Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. 29(1). P. 1–47. <http://www.jstor.org/stable/3108478>.

REFERENCES

Batalov, E. (2002). Political culture of Russia through the prism of civic culture // *Pro et contra*, 7(3), 7–22. (In Russ.).

Gavrilova, N. A. (2017). Acquaintance to civic values as a necessary condition for the formation of civil position of university students. In: *Russian science in the modern world. Materials of the VIII international scientific and practical teleconf.* (pp. 27–30). Penza : Aktual'nost'. RF. (In Russ.).

Gorshkov, M. K., Andreev, A. L., Anikin, V. A. A., Byzov, L. G., Petukhov, V. V., Barash, R. E., & Tikhonova N. E. (2008). *Russian identity in the sociological dimension. Analytical report*. Moscow : Institut sociologii RAN. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2012). Civil society and civic culture in modern Russia: the experience of sociological diagnostics. Instead of the preface. *Russia reforming*. Vol. 11 (pp. 3–26). Moscow : Novyj hronograf. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2008). National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Russia reforming*. Vol. 7 (pp. 214–228). Moscow : Institut sociologii RAN. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2017). Civil identity as a condition for weakening ethnic negativism. *Mir Rossii*, 1, 7–31. (In Russ.).

Zorkin, V. (2011). Modern state in the era of ethno-social diversity. *Rossiyskaya gazeta*. 07.09.2011. (In Russ.).

Loginova, A. A. (2010). *Formation of civil identity of schoolchildren by means of Internet projects*. Samara. (In Russ.).

Musaev, I. M., Gadzhieva, A. A. (2018). State-civil political identity: theory and experience of formation. *Social'no-politicheskie nauki*, 1, 15–19. (In Russ.).

Semenova, Yu. A. (2010). The crisis of civil identity in the transformation of modern society. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7 (113), 87–92. (In Russ.).

Silantieva, M. V. (2012). Diffuse identity — modern version of civil identity., *Vestnik MGIMO universiteta* 2 (23), 173–179. (In Russ.).

Surina, I. A. (2005). Value orientations. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 4, 162–164. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2008). Russian people and national identity. *Rossiya v global'noj politike*, 6(4), 135–142. (In Russ.).

Brubaker, R. (1999). The Manichean myth: Rethinking the distinction between 'civic' and 'ethnic' nationalism. *Nation and national identity: The European experience in perspective*. (pp. 55–71).

Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond “Identity”. *Theory and Society*, 29(1), 1–47. <http://www.jstor.org/stable/3108478>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Борисова — старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga V. Borisova — Senior Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Ольга Леонидовна Сытых — д-р филос. наук, профессор кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga L. Sytykh — Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2024;
принята к публикации 25.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 25.02.2024;
accepted for publication 25.02.2024.

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-04

Организация и качество отдыха детей льготных категорий в оценках родителей

Дина Кабдуллиновна Танатова

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
dktanatova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>

Наталья Николаевна Сёмочкина

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
odinokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9872-8339>

Таисия Викторовна Леонтьева

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
taechka_2511@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1257-2896>

Аннотация. Создание условий для отдыха и оздоровления детей в России является приоритетным направлением социальной политики. Особое внимание уделяется созданию условий для отдыха отдельных категорий детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и обеспечению их льготными путевками. Однако анализ организации и качества детского отдыха опирается в большей степени на мнение экспертов и отчетные документы соответствующих ведомств. По мнению авторов, недоучтенным остается мнение родителей и иных лиц, которые представляют законные интересы детей. В статье анализируются оценки родителей детей льготных категорий, которые отдыхали в учреждениях детского

отдыха и оздоровления в течение последних двух лет. Для анализа использовались результаты всероссийского опроса, проведенного Российским государственным социальным университетом в 2023 г. В опросе участвовали родители ($n = 4532$). Из общего массива были отобраны анкеты родителей, указавших, что их семья относится к льготной категории ($n = 973$). Основываясь на данных опроса, авторы выделяют группы проблем, связанных с информированностью о возможностях получения льготных путевок, подготовкой к отдыху, его организацией и качеством оказываемых услуг. Выявленные проблемы с оформлением документов, высокими расходами семей, плохим состоянием материальной базы учреждений, низким качеством питания детей, их медицинским обслуживанием, организацией занятий и досуга, безопасностью пребывания на территории учреждений отдыха позволяют сделать вывод о необходимости развития национальных проектов отдыха и оздоровления детей льготных категорий и принятия дополнительных мер, способствующих повышению качества отдыха и реализации государственных гарантий для данных категорий детей. На основе мнений родителей авторами составлен модальный портрет семьи льготных категорий, которая в наибольшей мере не удовлетворена отдыхом ребенка. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования мер, связанных с реализацией государственной политики в области организации детского отдыха.

Ключевые слова: детский отдых, льготные категории семей, оценки родителей, дети-инвалиды, организация отдыха, качество отдыха

Финансирование: исследование подготовлено в рамках НИР на тему: «Анализ организации отдыха и оздоровления детей, оценка качества и удовлетворенности детским отдыхом» по заданию Совета по попечительству в социальной сфере Правительства РФ.

Для цитирования: Танатова Д.К., Семочкина Н.Н., Леонтьева Т.В. Организация и качество отдыха детей льготных категорий в оценках родителей // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 52–65. doi: 10.14258/ssi(2024)1-04.

Parents' Assessments of the Organization and Quality of Recreation of Children of Vulnerable Categories

Dina K. Tanatova

Russian State Social University, Moscow, Russia
dktanatova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>

Natalia N. Semochkina

Russian State Social University, Moscow, Russia
odinokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9872-8339>

Taisia V. Leontieva

Russian State Social University, Moscow, Russia
taechka_2511@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1257-2896>

Abstract. Creating conditions for recreation and health improvement for children in Russia is a priority area of social policy. Special attention is paid to creating conditions for recreation for certain categories of children in difficult life situations and providing them with preferential vouchers. The article analyses the assessments of parents of children of privileged categories who have spent their holidays in children's recreation and health improvement institutions over the past two years. The results of a nationwide survey conducted by the Russian State Social University in 2023 were used for the analysis. Parents who indicated that their family belonged to the preferential category took part in the survey (N = 973). Based on the survey data, the authors distinguish groups of problems related to awareness of the opportunities to receive preferential vouchers, preparation for recreation, its organization, and the quality of services. The identified problems indicate the need to develop national projects for recreation and health improvement for children in privileged categories and take additional measures to improve the quality of recreation and implement state guarantees for this category of children. On the basis of parents' opinions, the authors have compiled a modal portrait of families of privileged categories that are most dissatisfied with their children's recreation. The results obtained can be used to improve measures related to the implementation of state policy in the field of children's recreation.

Keywords: children's recreation, vulnerable families, parental assessments, children with disabilities, organization of recreation, quality of recreation

Financial Support: The study was prepared as part of the research work on the topic: "Analysis of the organization of children's recreation and recuperation, assessment of the quality and satisfaction with children's recreation" under the assignment of the Social Care Council of the Government of the Russian Federation.

For citation: Tanatova, D.K., Semochkina, N.N., Leontieva, T.V. (2024). Parents' Assessments of the Organization and Quality of Recreation of Children of Vulnerable Categories. *Society and Security Insights*, 7(1), 52–65. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-04.

Введение

Право на отдых и бесплатное санаторно-курортное лечение детей, относящихся к льготным категориям граждан, закреплено в законе 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹.

Согласно этому закону перечень категорий детей, имеющих право на отдых по льготным путевкам, устанавливается в каждом регионе России. Как правило, в этот список входят категории, отнесенные ст. 1 ФЗ-124 к понятию «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации»: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; дети с инвалидностью и ОВЗ; дети из малоимущих семей; дети военнослужащих и ветеранов боевых действий; дети из семей беженцев и т.д.

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в РФ: Федеральный закон от 02.07.1998 № 124-ФЗ. Консультант+. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/

По данным Федеральной службы государственной статистики в России число детей в возрасте до 18 лет включительно превышает 30 млн. чел.¹, среди них: численность детей из отдельных категорий семей, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъекта РФ, составляет 8 262 415; детей-инвалидов — 722 000, численность детей из малоимущих семей составляет 2 688 400, т.е. почти каждый третий ребенок относится к льготным категориям населения.² Статистические данные о реализации прав детей на отдых по каждой льготной категории отсутствуют. Доля детей-инвалидов, которые воспользовались правом на отдых и оздоровление, составляет 6% от числа детей, относящихся к данной льготной категории, можно предположить, что доля отдохнувших детей в оздоровительных учреждениях среди других категорий льготников также невелика.

В нашей стране традиции отдыха детей, в том числе льготных категорий, имеют долгую историю (Ганьшина, Шляпина, 2015). Всероссийские здравницы, курорты Краснодарского края, «Артек», «Орленок» — эти названия знакомы каждому россиянину (Домнич, 2017). Но, несмотря на масштабы, научное изучение мнений родителей практически не проводится.

Одним из наиболее разработанных направлений исследования является анализ пользы отдыха для здоровья (Кузнецова, 2010) и развития (Гасанбеков, Алиев, 2008) ребенка. В работах авторов большое внимание уделяется проблемам организации отдыха. Например, в исследовании А. А. Юрова отмечено, что высокая стоимость детского отдыха зависит от финансовых возможностей регионов, на которые возложено его финансирование (Юров, 2011). К этим же выводам приходит В. К. Целиковский (2010), отмечая необходимость централизации государственного регулирования и реализации федеральных программ.

А. М. Ветитнев и Е. В. Оргина (2012) в своем исследовании отмечали возрастающие отличия организации отдыха и оздоровления детей в разных регионах РФ. Общей негативной тенденцией является сокращение числа стационарных и загородных лагерей (Самарская, Ильин и Румянцева, 2022).

О. Ф. Селиверстова (2016) изучала исторические аспекты и современные проблемы организации и обеспечения отдыха и оздоровления детей, в том числе из льготных категорий, и обосновала необходимость координации действий региональных органов исполнительной власти, обеспечивающих оздоровление детского населения, и развития новых форм отдыха. Среди описанных ею проблем — критическое состояние материальной базы, необходимость капитального ремонта, стоимость проезда к месту отдыха, длительная разлука ребенка и семьи.

Организация отдыха детей льготных категорий часто изучается как отдельное направление туризма — социальный. В первую очередь речь идет о детях-инвалидах (Папуша, 2018). А. К. Ганиева (2015) пишет о том, что именно социаль-

¹ Численность населения РФ по полу и возрасту на 1 января 2023 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

² Семейная политика детствосбережения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807#> (дата обращения: 26.12.2023).

ный туризм должен финансироваться государством на основе государственного задания, которое распределяет детей разных категорий по регионам РФ в зависимости от потребностей восстановления здоровья ребенка.

Исследователи указывают, что организация отдыха в любом регионе будет способствовать его развитию, в первую очередь экономическому (Драчева, 2017; Огурцова, Тимакова и Рамзина, 2023).

В 2015 г. на парламентских слушаниях были озвучены такие проблемы организации детского отдыха и оздоровления, как межведомственная разобщенность, низкое качество услуг, кадровая обеспеченность и квалификация сотрудников и, конечно, финансовые трудности (Правовые основы..., 2015). Разработаны федеральные документы по вовлечению льготных категорий в программы отдыха¹ (Соловьева, Комышанова, 2021). Спустя годы органы власти все еще признают, что, несмотря на выделяемые средства (в 2023 г. — 68,8 млрд руб.), в этой сфере все еще остается множество нерешенных вопросов².

В то же время эти проблемы анализируются через отчетные документы регионов, а изучение мнений родителей, которые представляют законные интересы детей, практически не проводится. С учетом значения отдыха для ребенка, в первую очередь льготных категорий, и того факта, что правом на отдых и оздоровление пользуется незначительное число детей льготных категорий, а также отсутствия научного обоснования сложившейся ситуации актуальность социологического анализа мнений родителей представляется очень высокой.

Методы исследования

Исследование направлено на изучение оценок родителями организации и качества отдыха детей льготных категорий. Для анализа использованы данные Всероссийского опроса родителей (n = 4532), проведенного РГСУ в 2023 г. В выборочной совокупности представлены все регионы РФ, в опросе принимали участие родители, чьи дети посещали учреждения отдыха и оздоровления в течение последних двух лет. В общем массиве данных выбраны анкеты тех респондентов, которые указали, что их семья относится к льготным категориям семей (n = 973). Сбор данных проводился в сентябре — октябре 2023 г. методом онлайн-опроса. Обработка и анализ данных выполнены с помощью пакета SPSS. Используются инструменты одномерного и многомерного анализа.

---

¹ Методические рекомендации по реализации проектов создания и реконструкции детских оздоровительных лагерей в рамках механизма государственно-частного партнерств. Минпросвещения РФ. URL: <https://914004.selcdn.ru/turcenter-prod/unauth/17dbff/7447690150037ecfc5421ac2adaa1b7bdde28855.pdf>

² Татьяна Голикова: В летней оздоровительной кампании планирует принять участие более 39 тыс. организаций, они обеспечат отдых более 5,1 миллиона детей (31 мая 2023) // Официальный сайт Минсвязи РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/44706/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f

Результаты

Характеристика выборки

Среди опрошенных 46,2% относятся к категории «многодетные семьи», 17,3% — малообеспеченные, 8,5% — имеющие в составе детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, 7,3% — замещающие семьи, 5,0% — семьи военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей, 4,0% — семьи беженцев или вынужденных переселенцев, 11,7% — другие льготные категории. Часть опрошенных (40%) проживают в городах с численностью населения более 500 тыс. человек, 33,3% — менее 500 тыс. человек, 8,7% — в поселках городского типа, 16,3% — в сельской местности, 1,8% — выбрали вариант «другое».

Среднее количество детей в семьях опрошенных — 3. Преобладают мальчики (55,5%). В зависимости от возраста детей семьи можно поделить на группы: 10 и менее лет — доля родителей таких детей в опросе составила 12,1%; 11–12 лет — доля родителей таких детей составила 28,7%; родители детей 13–14 лет составили 31,4%; родители детей 15 лет и старше — 27,8% из числа опрошенных.

В среднем ребенок отдыхал в учреждениях детского отдыха и оздоровления 1,8 раза за последние два года. Чаще всего дети отдыхали в санаторно-оздоровительном лагере (31,4%), загородном лагере (28%) и лагере с дневным пребыванием (20,2%). Наименее распространенной формой отдыха является отдых в трудовом (9,5%) или палаточном (4,3%) лагере.

По уровням принадлежности лагерей чаще всего дети отдыхали в федеральном лагере (30,3%), школьном (19,8%), республиканском (областном, краевом) (12,9%), муниципальном (городском) (12,9%), частном (9,2%). Реже всего — в ведомственных (корпоративных) (9,2%) лагерях.

подавляющее большинство (83%) опрошенных указали, что лагерь имел определенную специализацию, чаще всего лечебно- или спортивно-оздоровительную, реже всего — семейную или туристическую.

Большинство (98,6%) детей отдыхали в России и только 1,4% — за границей РФ. Дети, относящиеся к льготным категориям, отдыхали в своем регионе — 28,3%, за городом — 24,7%, в своем городе — 23,6%, в другом регионе — 22%. То есть чаще всего дети отдыхали недалеко от своего места жительства и только 22% детей имели возможность отдыхать в другом регионе.

Большинство родителей (73,1%) указали, что ребенок отдыхал в течение летних каникул, 10% — зимних, 8,7% — осенних, 8,1% — весенних. В среднем в лагере ребенок провел 15 дней, с модальным значением 21 день.

Оценка процесса оформления документов

Респондентам был задан вопрос «Возникали ли у Вас сложности при оформлении необходимых документов?». Более половины (52,5%) ответили, что сложностей не возникало. Рассмотрим виды сложностей, с которыми столкнулись остальные респонденты (табл.).

Виды проблем с оформлением документов

Types of paperwork problems

Сложности с оформлением документов	Доля среди столкнувшихся с проблемами, %
Избыточное количество необходимых справок	33,0
Большое количество времени, потребовавшегося для оформления	28,4
Бюрократические проволочки	21,6
Трудности в общении с организаторами отдыха	15,5
Другое	1,6
итого	100,0

Источник: данные SPSS.

Чаще всего родители сталкиваются с проблемами слишком большого количества требуемых справок для оформления документов, что, в свою очередь, занимает слишком большое количество времени. Бюрократизация процесса оформления также вызывает недовольство родителей.

Информированность о возможностях отдыха и оздоровления детей

Другой блок вопросов касался проблем с получением информации об имеющихся возможностях отдыха (рис. 1).

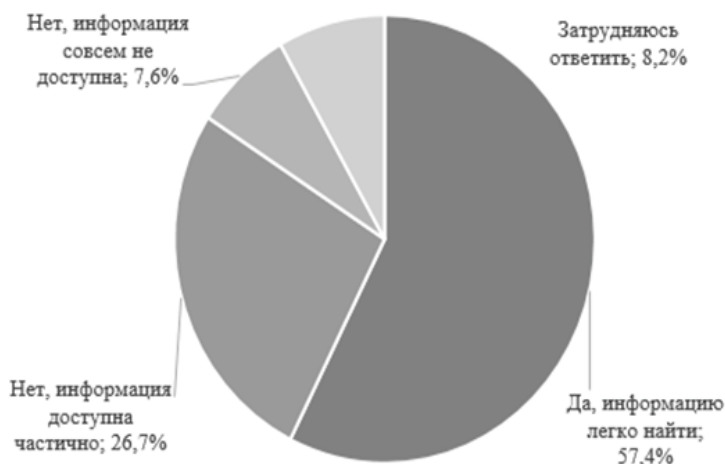

Рисунок 1 — Информированность родителей, %.

Figure 1 — Parental awareness, %.

Более половины респондентов отмечают наличие информации и ее доступность. Однако более трети родителей сталкиваются со сложностями.

Чаще всего родители узнают о месте предполагаемого отдыха от учителей

или тренеров в школе (32,2%), через интернет (17,7%), знакомых (16%), специалистов государственных учреждений (15,5%). Реже всего — через рекламу (1,1%) или телевидение, прессу (5,6%).

Оценка расходов на отдых ребенка

Полностью бесплатным детский отдых был у 43,7% опрошенных, чьи дети относятся к льготным категориям населения, частично платным — 35,5%, полностью платным — 20,8%. То есть более половины родителей, имеющих детей льготных категорий, вынуждены частично или полностью оплачивать отдых и оздоровление своих детей. При этом более 60% опрошенных оценили стоимость отдыха в сумму менее 30 тыс. руб., 30–50 тысяч — 22,7%, 50–100 тысяч — 12%, дороже 100 тысяч — 3,9%. Однако 57,4% семей считают эту стоимость приемлемой, 34% — завышенной, 8,6% — слишком высокой. Только 22,9% семей получили компенсацию затрат на отдых ребенка, 49,7% не получили, хотя знали о возможности, 27,4% не получили и не знали о ней.

Менее 40% родителей воспользовались централизованной бесплатной перевозкой детей, 18,1% добрались до места отдыха самостоятельно без затрат, 17% родителей оплачивали централизованную перевозку, 26% самостоятельно организовали и оплатили перевозку, т.е. помимо затрат на оплату путевки в места отдыха и оздоровление детей льготных категорий 43% родителей несли затраты на оплату транспорта к месту отдыха и обратно.

Оценка доступности среды

Степень доступности услуг инклюзивного отдыха в учреждении, где отдыхал ребенок, оценивалась родителями как высокая, где созданы все условия для отдыха и оздоровления детей с ОВЗ/инвалидностью — 36,6%, средняя, условия для инклюзивного отдыха созданы частично — 23,7% и низкая, условия для инклюзивного отдыха отсутствуют — 7%. При этом почти треть родителей затруднилась с ответом (32,8%).

Оценка персонала

Больше половины (59,2%) опрошенных родителей характеризуют персонал учреждений отдыха и оздоровления, где отдыхал ребенок, относящийся к льготным категориям, как «отзывчивых и коммуникабельных людей, профессионалов своего дела», 12,6% считают, что персонал должен быть строже, а 11,7% — наоборот, добрее. Только 6,3% считают персонал случайными людьми, которые не разбираются в педагогике и не уделяют детям должного внимания.

Общение с персоналом чаще всего ведется по телефону / через мессенджеры с воспитателями/вожатыми напрямую (22,9%) или с администрацией лагеря (17,9%), а также в родительском чате (17,5%). Получают информацию из социальных сетей лагеря 14,8% опрошенных, на сайте лагеря — 12,3%. Наименее популярная форма — общение по электронной почте. В целом 82,3% респондентов выражают высокий уровень удовлетворенности персоналом и общением с ним.

Анализ неудовлетворительных оценок

Опрошенные родители больше всего были недовольны состоянием материальной базы учреждений отдыха и оздоровления (33,1%), питанием детей (33%),

организацией досуга (29,9%). Респонденты также характеризовали следующие категории как неудовлетворительные: медицинское обслуживание (18,1%), стоимость отдыха и оздоровления детей (17,5%), персонал лагеря (17,2%), безопасность (16,1%), отношения в детском коллективе (15,3%).

Среди проблем с состоянием материально-технической базы родители достаточно единодушно называли: отсутствие ремонта помещений, ветхая мебель, отсутствие спортивной инфраструктуры, устаревшее оборудование, отсутствие/неисправность бытовых приборов, отсутствие необходимых гигиенических условий. Относительно питания в детских учреждениях отдыха и оздоровления детей родители указали, что чаще всего их дети, из числа не удовлетворенных этим параметром, жаловались на невкусные блюда (48,8%), однообразное питание (39,4%), отсутствие магазина, где можно приобрести дополнительные продукты (27,5%), невозможность выбора специального типа питания (диетического, вегетарианского, антиаллергенного) (21,3%). Некоторые дети жаловались на недостаточный объем питания (17,3%), некомфортные условия принятия пищи (16,5%) и несоблюдение принципов здорового питания (12,6%).

Недовольство качеством развлекательных мероприятий основано на недостаточности развлекательных мероприятий (22,1%) или, наоборот, их избытке (11,4%), плохой организации (22,8%), несоответствии возрасту ребенка развлекательных программ (16,2%), несовременных, устаревших скучных программах (15,9%), несоблюдении мер безопасности (10,7%).

В отношении организации образовательных и других развивающих программ чаще всего родителей беспокоили отсутствие занятий (24,5%), несоответствие занятий интересам ребенка (20,1%), их излишняя легкость (16,5%) или, наоборот, сложность (6,8%) для ребенка, излишняя длительность занятий (12,1%), отсутствие необходимого оборудования, наглядных материалов (10,8%), проведение занятий неквалифицированными педагогами (8,9%).

Среди причин неудовлетворенности медицинским обслуживанием — жалобы детей на не оказание детям своевременной помощи (32,3%), избыточные медицинские процедуры (20,5%), неверные рекомендации врача (20,5%), отсутствие изоляции заболевших детей от здоровых (35,4%), устаревшее медицинское оборудование и отсутствие нужных медикаментов (43,3%).

Оценивая удовлетворенность детей качеством проводимых во время отдыха спортивно-оздоровительных мероприятий, родителей детей, относящихся к льготным категориям, указывают на то, что на занятия было выделено слишком малое количество времени (18,4%), на отсутствие спортивных объектов (бассейн, спортивный зал, спортивная площадка и др.) (17,7%) или инвентаря (15,4%), на несоответствие занятий спортивным интересам ребенка (16,2%), неквалифицированных тренеров (12,4%), сложность (7,9%) или простоту (11,3%) занятий для ребенка.

Говоря о проблемах безопасности, респонденты указывают, что дети были часто предоставлены сами себе, учреждение не охранялось или профессионализм охранников вызывал сомнения, на территорию учреждения могли попасть

посторонние люди, детей беспрепятственно выпускали за территорию учреждения, дети вступали в конфликты, а воспитатели не вмешивались.

35,4% опрошенных сообщили, что у них отсутствовала возможность прямой связи с ребенком, так как на территории лагеря не было доступа к сети Интернет. Остальные указали, что возможность связи с ребенком посредством мессенджеров была.

Среди причин недовольства общением с персоналом наиболее популярные ответы родителей: отсутствовал доступ к информации о ребенке (34,6%), сотрудники вели себя часто невежливо во время общения (34,1%). Родители также указывали, что персонал не реагировал на жалобы и обращения (16,1%), периодически возникали конфликты с сотрудниками (14,2%).

Общая оценка

В целом полностью удовлетворены качеством пребывания ребенка в учреждении детского отдыха и оздоровления 58,6% опрошенных, частично удовлетворены — 28,1%, частично не удовлетворены — 6,4%, совершенно не удовлетворены — 3,0%. Еще 4% затруднились ответить.

Желание вернуться в лагерь — один из важнейших показателей удовлетворенности. Родителям был задан вопрос: «Ваш ребенок хотел бы еще раз отдохнуть в том же учреждении детского отдыха и оздоровления?». Ответы распределены следующим образом (рис. 2).

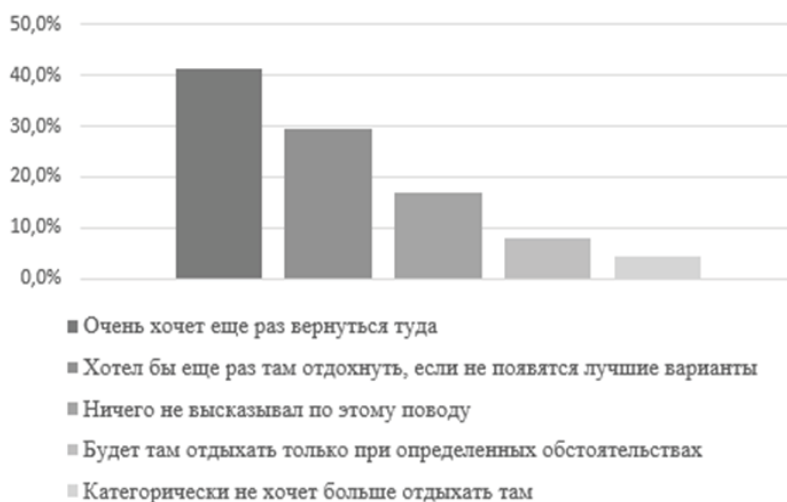

Рисунок 2 — Желание ребенка вернуться в лагерь, %.

Figure 2 — Child's desire to return to camp, %.

Можно составить модальный портрет ребенка, который больше не хочет отдыхать в том же лагере: чаще девочка, младшего возраста, бесплатно отдохавшая впервые в муниципальном или школьном лагере, не имеющем специализации

или относящемся к лечебно-оздоровительному профилю, в течение летних каникул. При этом стоимость ее отдыха составила менее 10 тыс. руб., но родители оценивают эту стоимость как завышенную. Чем дольше срок пребывания, тем ниже желание вернуться в лагерь. Вид льготной категории не влияет на желание повторно отдохнуть.

Обсуждение

Проведенное исследование выявило целый ряд проблем, которые снижают удовлетворенность родителей отдыхом и оздоровлением детей, относящихся к льготным категориям. Особо требует проверки необходимость для родителей нести дополнительные затраты. Это делает отдых условно бесплатным, что противоречит государственным гарантиям.

С учетом российских традиций детского отдыха, обширности территорий, необходимости их развития, включения жителей новых регионов — организация отдыха детей из льготных категорий является общегосударственной задачей. Проблемы с ремонтом, оборудованием, питанием, безопасностью должны решаться в ближайшее время. Достоин обсуждения вопрос о возможности развития новых форм — трудовых, палаточных, туристических и семейных лагерей, особенно с учетом текущей повестки.

Заключение

Детский отдых — закрепленное на федеральном уровне право детей, особенно для детей из семей льготных категорий. Однако в настоящее время наблюдается низкий уровень участия этих семей в программах отдыха. Проведенный анализ мнений родителей детей позволил выявить следующее.

Среди льготных категорий чаще всего отдыхают дети из многодетных семей. Наиболее распространенный вид учреждения — санаторно-оздоровительный или загородный федеральный лагерь, имеющий лечебно- или спортивно-оздоровительную специализацию, расположенный в регионе проживания семьи.

Родители детей отмечают сложности с оформлением документов, в первую очередь избыточное количество необходимых справок и затраты времени на их оформление, а также сложности с поиском и доступностью информации об имеющихся возможностях.

Несмотря на положенные льготы, более половины семей несут частичные или полные затраты, которые могут составлять до 30 тыс. руб. Только каждая пятая семья получает компенсацию расходов на отдых и проезд к его месту.

Выделенные проблемы касаются не только бюрократизации процесса и вынужденных расходов родителей на отдых, но также и самой организации. Родители чаще всего недовольны состоянием материальной базы, питанием детей, организацией досуга, низким качеством медицинского обслуживания, проблемами с безопасностью пребывания на территории. Среди положительных моментов отдыха родители отмечают доступность услуг инклюзивного отдыха в учреждениях, профессионализм персонала и общение с ним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ветитнев А. М., Оргина Е. В. Региональные особенности организации отдыха и оздоровления детей в новых нормативно-правовых и экономических условиях // Сервис plus. 2012. № 1. С. 20–29.
- Ганиева А. К. Проблемы развития детского социального туризма в Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 9(1). С. 77–86.
- Ганьшина Г. В., Шляпина Е. Д. Детские оздоровительные лагеря в России: от истоков к современности // Образование и наука в современных условиях. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 25–29.
- Гасанбеков А. Г., Алиев М. Н. Воспитательный и оздоровительный потенциал детских оздоровительных учреждений // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2008. № 3. С. 34–39.
- Домнич Е. А. Организация летнего отдыха и укрепление здоровья детей в пионерских и оздоровительных лагерях в Краснодарском крае в 80-е годы XX века // История: факты и символы. 2017. № 2. С. 9–15.
- Драчева Е. Л. Социально-экономическое значение детского лечебно-оздоровительного туризма для развития Евпатории // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. № 4 (4). С. 29–39.
- Кузнецова И. В. Междисциплинарный подход к формированию здорового образа жизни детей в условиях загородного оздоровительного лагеря // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 125. С. 113–120.
- Огурцова Ю. Н., Тимакова Р. Т., Рамзина С. А. Развитие оздоровительно-развлекательного отдыха на Урале // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 10. С. 4153–4168. DOI: 10.18334/erpp.13.10.118979.
- Папуша Е. Н. Особенности формирования адаптивных воспитательных систем детских оздоровительных лагерей // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 165–168.
- Правовые основы и тенденции развития системы детского отдыха и оздоровления детей : материалы парламентских слушаний. 26.02.2015. М. : Издание Государственной Думы, 2015. 144 с.
- Самарская Н. А., Ильин С. М., Румянцева А. В. Современное состояние сферы детского отдыха и оздоровления: проблемы и перспективы развития // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 9. С. 2561–2578.
- Селиверстова О. Ф. Анализ проблем обеспечения отдыха и оздоровления детей в Российской Федерации // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 29 (71). С. 1–10.
- Соловьева И. Л., Комышанова К. Э. Дети с ОВЗ и специфика организации их отдыха и оздоровления: лучшие региональные практики. М. : Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения, 2021. 56 с.
- Целиковский В. К. Совершенствование государственных механизмов развития детского оздоровительного туризма // Terra Economicus. 2010. № 8 (1–3). С. 96–102.

Юров А. А. Региональные аспекты развития системы поддержки детского оздоровления на примере Краснодарского края // Управление экономическими системами. 2011. № 33. С. 30–39.

REFERENCES

- Vetitnev, A. M., Orgina, E. V. (2012). Regional features of organizing recreation and health improvement for children in new legal and economic conditions. *Servis plus*, 1, 20–29. (In Russ.).
- Ganieva, A. K. (2015). Problems of development of children's social tourism in Crimea. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 9(1), 77–86. (In Russ.).
- Gan'shina, G. V., Shlyapina, E. D. (2016). Children's health camps in Russia: from origins to modern times. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh* (pp. 25–29). Cheboksary: Interaktiv plus. (In Russ.).
- Gasanbekov, A. G., Aliev, M. N. (2008). Educational and health-improving potential of children's health institutions. *Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 3, 34–39. (In Russ.).
- Domnich, E. A. (2017). Organization of summer recreation and promotion of children's health in pioneer and health camps in the Krasnodar region in the 80s of the 20th century. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2, 9–15. (In Russ.).
- Dracheva, E. L. (2017). Socio-economic importance of children's medical and health tourism for the development of Evpatoria. *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee*, 4(4), 29–39. (In Russ.).
- Kuznecova, I. V. (2010). An interdisciplinary approach to the formation of a healthy lifestyle for children in a country health camp. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, 125, 113–120. (In Russ.).
- Ogurcova, Yu. N., Timakova, R. T., Ramzina, S. A. (2023). Development of health and entertainment recreation in the Urals. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo*, 13(10), 4153–4168. (In Russ.).
- Papusha, E. N. (2018). Features of the formation of adaptive educational systems of children's health camps. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 6, 165–168. (In Russ.).
- Legal foundations and trends in the development of the system of children's recreation and children's health* (2015). Materials of parliamentary hearings. 02/26/2015. Moscow : Izdanie Gosudarstvennoj Dumy. (In Russ.).
- Samarskaya, N. A., Il'in, S. M., Romyanceva, A. V. (2022). The current state of the sphere of children's recreation and health improvement: problems and development prospects. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo*, 12(9), 2561–2578. (In Russ.).
- Seliverstova, O. F. (2016). Analysis of problems of providing recreation and health improvement for children in the Russian Federation. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 29(71), 1–10. (In Russ.).
- Solov'eva, I. L., Komyshanova, K. E. (2021). *Children with disabilities and the specifics of organizing their recreation and recovery: best regional practices*. Moscow: Federal'nyj centr detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya. (In Russ.).

Celikovskij, V. K. (2010). Improving state mechanisms for the development of children's health tourism. *Terra Economicus*, 8(1–3), 96–102. (In Russ.).

Yurov, A. A. (2011). Regional aspects of the development of a system for supporting children's health using the example of the Krasnodar Territory. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 33, 30–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дина Кабдуллиновна Танатова — д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.

Dina K. Tanatova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Наталья Николаевна Семочкина — канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.

Natalia N. Semochkina — Cand. Sci. (Sociology), Docent of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Таисия Викторовна Леонтьева — канд. социол. наук, эксперт Лаборатории социологического анализа Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.

Taisiya V. Leontieva — Cand. Sci. (Sociology), Expert of the Laboratory of Sociological Analysis, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024;
одобрена после рецензирования 15.02.2024;
принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 15.02.2024;
accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 338.43

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-05

Развитие человеческого капитала приоритетных геостратегических территорий как базис социально-экономической безопасности государства

Наталья Михайловна Полянская

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Аннотация. Происходящие в последние годы в стране и мире события призывают нас задуматься, переосмыслить деформированную пирамиду ценностей, накрепко прижившуюся в нашей стране, и переориентировать ее в сторону постиндустриального общества, где основным богатством и достоянием нации признаются человеческий капитал и инновационное развитие. Качество человеческого капитала, выражающееся в образованности, здоровье, профессионализме, удовлетворенности жизнью, свободе творческого подхода к своему развитию, высокой производительности труда, является главной движущей силой развития науки, технологий, инноваций и социально-экономического роста в целом. Без высококачественного человеческого капитала все амбициозные проекты правительства эфемерны: их просто будет некому реализовать. Именно высококачественный человеческий капитал создает предпосылки сохранения и укрепления социально-экономической безопасности регионов и стран. В последние годы в российских регионах сохраняется высокая миграционная убыль населения, усиливается утечка высококвалифицированных кадров, возрастают бедность и имущественная сегрегация, ухудшается структура питания, растет заболеваемость и в целом снижается уровень жизни населения. Это может стать предпосылкой роста напряженности и нестабильности в обществе.

Дальневосточный федеральный округ признан приоритетной геостратегической территорией России, и на него возложены соответствующие задачи по достижению опережающего социально-экономического развития. Последнее возможно лишь при обеспеченности высококачественным человеческим капиталом. Автор постарался описать взаимосвязь между качеством человеческого капитала и уровнем социально-экономической безопасности, проанализировал основные параметры уровня жизни населения дальневосточных регионов, обозначил главные проблемы и определил концептуальные направления их решения. Статья носит обзорно-аналитический характер, может быть интересна как исследователям-теоретикам, так и управленцам-практикам, занимающимся вопросами развития человеческого капитала и регулирования социально-экономических процессов.

Ключевые слова: социально-экономическая безопасность, человеческий капитал, уровень жизни, население, демография, регионы, бедность, развитие, управление, государственное регулирование

Финансирование: статья подготовлена при поддержке проекта 24-05-01 «Качественное продовольственное обеспечение как фактор повышения уровня жизни населения Республики Бурятия», реализуемого в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова.

Для цитирования: Полянская Н.М. Развитие человеческого капитала приоритетных гео-стратегических территорий как базис социально-экономической безопасности государства // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 66–86. doi: 10.14258/ssi(2024)1-05.

The Development of Human Capital in Priority Geostrategic Territories as the Basis of Socio-Economic Security of the State

Natalya M. Polyanskaya

Banzarov Buryat state University, Ulan-Ude, Russia
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Abstract: The events taking place in the country and the world in recent years urge us to reflect, rethink the deformed pyramid of values that has become entrenched in our country, and reorient it towards a post-industrial society, where human capital and innovative development are recognized as the main wealth of the country. The quality of human capital, expressed in education, health, professionalism, life satisfaction, freedom of creative approach to their development, high labor productivity, is the main driving force for the development of science, technology, innovation and socio-economic growth in general. Without high-quality human capital, all ambitious government projects are ephemeral: there will simply be no one to implement them. It is high-quality human capital that creates the prerequisites for preserving and strengthening the socio-economic security of regions and countries. In recent years, the Russian regions have maintained a high migration decline in the population, the leakage of highly qualified personnel is increasing, poverty and property segregation are increasing, the nutritional structure is deteriorating, morbidity and crime are increasing, and in general, the standard of living of the population is decreasing. This can become a prerequisite for the growth of tension and instability in society.

The Far Eastern Federal District has been recognized as a priority strategic territory of Russia, and it has been assigned the appropriate tasks to achieve advanced socio-economic development. The latter is possible only with the provision of high-quality human capital. The author tried to describe the relationship between the quality of human capital and the level of socio-economic security, analyzed the main parameters of the standard of living of the population of the Far Eastern regions, identified the main problems and identified conceptual directions for their solution. The article is of an overview and analytical nature, and may be of interest to both theoretical researchers and practical managers dealing with issues of human capital development and regulation of socio-economic processes.

Keywords: socio-economic security, human capital, standard of living, population, demography, regions, poverty, development, management, government regulation

Financial Support: the article was prepared with the support of the project 24-05-01 “High-quality food supply as a factor in improving the standard of living of the population of the Republic of Buryatia”, implemented at the Buryat State University named after D. Banzarov.

For citation: Polyanskaya, N.M. (2024). The Development of Human Capital in Priority Geostrategic Territories as the Basis of Socio-Economic Security of the State. *Society and Security Insights*, 7(1), 66–86. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-05

Введение

В одной из своих научных публикаций академик А. Г. Аганбегян (2021: 5) очень ярко обозначил актуальнейшую для России проблему — демографическую. Академик цитирует письмо М. В. Ломоносова, написавшего в свое время основателю Московского государственного университета графу И. И. Шувалову: «Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»¹. Великий ученый еще 270 лет назад выразил крайне важную идею: для любого государства наиглавнейшей ценностью является человеческий капитал, а не обширные квадратные километры, кубометры, килоджоули, гигакалории, триллионы рублей и тому подобные объемы ресурсов. Именно люди — главное достояние страны. Умом, волей, трудом человека на основе природных богатств создаются все рукотворные блага. Поэтому людей надо беречь, дорожить ими, заботиться о них, улучшать качество их жизни, а значит, и качество их самих (если можно так сказать о людях). Качество человеческого капитала в нашей стране сейчас находится под угрозой из-за объективных обстоятельств. Не то чтобы повышение качества, даже простое воспроизводство (о расширенном остается пока мечтать) человеческого капитала в России сейчас очень затруднительно. Особенно остро это проявляется в дальневосточных регионах России. В принятой в 2019 г. Стратегии пространственного развития России на период до 2025 г. в качестве одной из проблем названа высокая межрегиональная дифференциация в социально-экономическом развитии страны и отмечено существенное отставание Дальневосточного макрорегиона по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня. Неблагоприятно, что и сейчас здесь продолжается значительный миграционный отток населения. Дальневосточный федеральный округ Стратегией определен как приоритетная геостратегическая территория, т.е. «имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»². В качестве одной из задач Стратегии обозначено обеспечение опережающего социально-экономического развития и устойчивого прироста численности постоянного населения в этом макрорегионе. Для решения этой задачи требуется наличие человеческого капитала в нужном количестве и качестве. Однако этот капитал постепенно истощается, и его дальнейшее устойчивое воспроизводство находится под большим вопросом. В этой связи возрастает инте-

¹ Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М. ; Л. : 1950–1983. С. 384.

² Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.02.2024)

рес многих исследователей к данной теме, усиливается стремление разобраться в причинно-следственных связях происходящего и попытаться найти пути решения этих проблем.

Цель данной работы — исследовать базовые условия развития человеческого капитала как основы социально-экономической безопасности геостратегических территорий и всего государства. Для достижения цели решены задачи:

- раскрыта сущность феномена социально-экономической безопасности и рассмотрены ее основные характеристики;
- выполнен анализ основных параметров уровня жизни, среднедушевого потребления и производства продовольствия в регионах Дальневосточного федерального округа.

В ходе исследования использованы общенаучные методы. Информационную базу составили научные публикации, нормативные документы и статистические данные.

Результаты исследования могут быть полезны как научным изыскателям по данной тематике, так и уполномоченным специалистам госструктур, ответственных за регулирование социально-экономического развития регионов.

Социально-экономическая безопасность и ее основные характеристики

На фоне происходящих на планете геополитических событий все более обостряется проблема обеспечения социально-экономической безопасности в отдельных регионах и странах. В целом безопасность во всех ее аспектах привлекает немалое внимание по той причине, что в мире с каждым днем все более возрастают различные риски — техногенные, эпидемиологические, продовольственные, экологические, климатические, военно-политические, террористические, финансово-экономические (имущественные) и др. В этой связи люди испытывают обеспокоенность по поводу своей защищенности от таких угроз. Тревога вносит в сознание одних людей ощущение безнадеги и отчаяния, вызывает желание забыться, отстраниться от проблем; люди впадают в алкогольную зависимость, или, говоря бытовым языком, спиваются. В умах других людей появляется некое стремление сопротивляться, защищаться, и в этом случае генерируются потенциальные импульсы выражения несогласия и недовольства. Эти импульсы при возникновении определенных мощных триггеров могут воплотиться в реальные социальные волнения и протесты. А это уже угрожает подрвать социально-экономическую безопасность и стабильность.

В научном сообществе известны разные подходы к толкованию данного явления. Одни исследователи рассматривают его через призму развития человеческого потенциала с учетом возможных вызовов, угроз и их следствий (Кузнецова, 2021: 1173). Другие под социально-экономической безопасностью понимают «стабильное функционирование социальных структур государства, обеспечивающих устойчивое развитие общества» (Хаджалова, 2010: 59). Третьи рассматривают ее как «комплексное понятие, объединяющее в себе две крупные сферы публично-правового регулирования общественных отношений: социальная безопасность включает в себя качество и уровень жизни, морально-этические и культур-

ные ценности; экономическая безопасность отвечает за защиту национальной экономики страны, единство ее экономического пространства, независимость» (Мирюкова, 2023: 105). Некоторые исследователи, представляя социально-экономическую безопасность как часть общенациональной безопасности, во главу угла ставят бедность населения и необходимость принятия комплексных мер по ее преодолению (Логвинова, 2023: 63).

Социально-экономическая безопасность, таким образом, — это интегральное явление, объединяющее в себе общественные и финансово-хозяйственные отношения, складывающиеся между индивидами, между государством и социумом в целом, а также между государством и индивидами. Эти отношения могут привести либо к повышению устойчивости функционирования экономики и общества, либо к их дестабилизации. Все зависит от содержания этих отношений и характера социально-экономических процессов. Если, например, внутренняя политика правительства не способствует демографическому росту, обеспечению занятости, повышению благосостояния, заботе о здоровье граждан и сохранению народонаселения, то формируются предпосылки дестабилизации социума и возникновения разных деформаций в отраслевой и региональной структуре экономики. А неравномерное развитие регионов и отраслей порождает новые диспропорции — в уровне доходов населения и параметрах имущественного расслоения, в состоянии и развитии инфраструктуры, в параметрах бюджетно-налоговой системы, в конъюнктуре рынка труда, рынка капиталов, рынка недвижимости. И так далее. Ведь все в мире взаимосвязано.

Совокупность факторов социально-экономического развития того или иного региона предопределяет и генерирует качество жизни людей и в целом — условия формирования и развития человеческого капитала. В свою очередь, качество жизни и качество человеческого капитала — важнейшие движущие силы обеспечения и сохранения социально-экономической безопасности в регионах, а значит, и во всей стране.

Емко и точно, на наш взгляд, термин «качество жизни» определен группой авторов, утверждающих, что он используется «прежде всего, для общей оценки того, насколько хороша жизнь отдельных людей и общества в целом, а также для оценки качества жизни по уровню полной физической, психической и социальной удовлетворенности» (Шевкуненко, 2023: 274). Действительно, качество жизни не ограничивается лишь высокими доходами и комфортным бытом, оно предполагает совокупность объективных обстоятельств и субъективных условий жизнедеятельности и возможностей развития человеческого капитала. Качество жизни — не изолированное явление, а комплексное понятие, «вплетенное» в социально-экономическую систему того или иного региона, страны в целом.

В научном знании сейчас очень востребованы исследования, направленные на развитие человеческого капитала и повышение уровня жизни. Последний диагностируется, главным образом, удельной величиной доходов населения. Они, в свою очередь, определяют степень благосостояния населения регионов. Благосостояние выражается в платежных возможностях удовлетворять свои матери-

альные и духовные потребности: в жилье, бытовых благах, медицинских услугах, образовании и творческой реализации, культурно-досуговых запросах и др. Именно благосостоянием определяются параметры качества жизни людей — комплекса характеристик, включающих: физическую и экономическую доступность рационального питания, состояние здоровья, продолжительность жизни, обеспечение прав и свобод человека, комфортность быта, занятость и условия труда, возможности профессиональной реализации, обеспеченность транспортом, доступность отдыха и путешествий, возможности просвещения и духовно-культурного роста, санитарно-экологическое благополучие, социальную среду и социальное обеспечение и др.

Состояние и развитие человеческого капитала значительно зависит от степени удовлетворения потребностей людей, исходя из иерархии потребностей (рис. 1).

Рисунок 1 — Пирамида потребностей А. Маслоу.

Figure 1 — The Pyramid of Needs by A. Maslow.

Чем более высокий «ярус» пирамиды удовлетворен, тем выше ступень, которой удалось достичь в развитии человеческого капитала, тем с большей уверенностью можно говорить о социально-экономическом прогрессе. Если же население озадачено тем, как выжить, прокормить свое семейство и не замерзнуть зимой, то можно утверждать, что налицо — регрессивное развитие. На Дальнем Востоке часть регионов расположена в зоне экстремального климата, и вопросы выживания здесь очень актуальны. Каждая зима здесь — это «испытание на прочность». Высоки денежные и трудовые затраты по обеспечению жилища теплом, людям необходимы очень теплая одежда и обувь, а также стабильное пи-

тание с повышенной энергетической ценностью, чтобы в таких суровых условиях сохранить здоровье и работоспособность. В некоторых сельских поселениях простые потребности людей в отоплении домов, в покупке питательной еды и теплой одежды полностью удовлетворить очень затруднительно из-за малой экономической доступности этих благ. В деревнях есть семьи, где не хватает денег на покупку дров, а «пилить лес» запрещено. То есть даже базовые потребности очень сложно удовлетворить, и существенным препятствием при этом выступает низкий уровень жизни, а проще говоря — бедность и даже нищета. О театрах, художественных выставках и путешествиях люди лишь мечтают. В ряде регионов бедное население составляет значительную часть, и уже уместно рассуждать о наличии предпосылок угрозы социально-экономической безопасности. Между тем население российских регионов отличается невероятной выносливостью и феноменальным терпением, и трудно даже предположить, какую грань нужды и, что важно, ради чего люди способны принять и пережить.

Уровень жизни, среднедушевое потребление и производство основных продуктов питания в регионах ДФО

К великому стыду нашего государства, в XXI в., когда цивилизованный мир переживает постиндустриальную эпоху, практически 1/5 часть населения многих регионов живет (точнее, существует) в нищете (рис. 2).

Рисунок 2 — Численность населения с доходами ниже границы бедности на начало 2023 г., процент от общей численности населения.¹

Figure 2. The number of people with incomes below the poverty line at the beginning of 2023, % of the total population.

¹ Рисунки и таблицы составлены автором по данным Росстата (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.).

В ДФО параметры бедности значительно сегрегированны. Так, в Чукотском автономном округе, Сахалинской и Магаданской областях уровень бедности заметно ниже среднероссийского, что во многом связано с особенностями отраслевой структуры экономики и среднедушевыми доходами (здесь развита добыча полезных ископаемых). В Еврейской автономной области, Бурятии и Забайкальском крае, а также Республике Саха доля бедных граждан значительно выше, чем в целом по России.

Еврейская автономная область, Республика Бурятия и Забайкальский край — регионы, которые можно с уверенностью назвать депрессивными: производительность общественного труда, инвестиционная активность экономики и доходы населения здесь очень низки (Полянская, 2023), а жилищные условия крайне неблагоприятны (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Уровень благоустройства жилья на начало 2023 г., %
The level of housing improvement at the beginning of 2023, %

Регион	Удельный вес общей площади, оборудованной			
	водопроводом	канализацией	отоплением	горячим водоснабжением
Республика Бурятия	54,4	51,7	55,7	44,4
Республика Саха (Якутия)	55,9	54,6	80,4	50,7
Забайкальский край	54,1	52,3	56,3	45,5
Камчатский край	96,0	90,9	92,6	79,6
Приморский край	78,9	75,9	81,8	58,5
Хабаровский край	82,7	82,1	86,0	78,7
Амурская область	70,0	66,9	77,4	61,4
Магаданская область	90,5	89,5	95,4	87,4
Сахалинская область	94,8	91,9	98,3	86,5
Еврейская автономная область	63,6	62,1	66,6	50,2
Чукотский автономный округ	93,9	91,7	98,2	90,0
ДФО	72,1	69,9	77,4	61,4
Российская Федерация	86,1	81,3	88,4	75,0

Обеспеченность жителей благами цивилизации в некоторых регионах крайне низка. Так, в Еврейской автономной области, Забайкальском крае, республиках Бурятия и Саха практически половина жилья не оборудована горячим водоснабжением. Велика доля жилья, не имеющего водопровода и канализации. Низкий

уровень жизни, проблемы с занятостью, неполная физическая и экономическая доступность многих жизненных благ приводит к естественной убыли (рождаемость ниже смертности), а также к миграционной убыли — люди меняют место жительства, покидая Дальний Восток (табл. 2).

На начало 2023 г. наблюдалась заметно высокая естественная убыль населения в регионах, что вызвано преобладанием смертности над рождаемостью. Исключение составляют Республика Саха и Чукотка, где рождаемость выше смертности. Положительно и то, что во всех регионах ДФО за последний год произошло снижение естественной убыли населения. Однако миграционная убыль в большинстве регионов заметно возросла. Это вызывает сомнения относительно реалистичности выполнения амбициозных задач, поставленных в Стратегии пространственного развития страны до 2025 г.

Таблица 2

Table 2

Основные демографические показатели развития регионов

The main demographic indicators of regional development

Регион	На начало года				
	2006	2011	2021	2022	2023
Коэффициент естественного прироста/убыли населения (на 1000 чел.)					
Республика Бурятия	-1,6	4,3	0,9	-1,5	-1,0
Республика Саха (Якутия)	4,0	7,0	4,1	1,6	3,5
Забайкальский край	-3,7	2,1	-1,9	-4,4	-2,6
Камчатский край	-1,5	-0,6	-2,3	-4,4	-3,0
Приморский край	-5,8	-2,5	-5,9	-7,7	-6,2
Хабаровский край	-5,5	-1,7	-5,0	-6,6	-4,4
Амурская область	-4,9	-1,5	-6,3	-9,0	-5,7
Магаданская область	-2,6	-1,5	-3,1	-6,4	-4,0
Сахалинская область	-6,1	-2,8	-2,2	-4,4	-3,1
Еврейская автономная область	-6,5	-1,9	-5,6	-8,1	-5,7
Чукотский автономный округ	3,8	0,9	0,4	-0,7	0,4
ДФО	-3,9	-0,6	-2,8	-4,9	-3,2
Российская Федерация	-5,9	-1,7	-4,8	-7,1	-4,0
Коэффициент миграционного прироста/убыли (на 10 000 чел. населения)					
Республика Бурятия	-26	-24	-21	-15	-23
Республика Саха (Якутия)	-28	-71	66	90	-38
Забайкальский край	-47	-46	-82	-96	-55

Регион	На начало года				
	2006	2011	2021	2022	2023
Камчатский край	-199	-41	-81	24	-102
Приморский край	-51	-35	-45	-9	-57
Хабаровский край	-93	-31	-67	49	-23
Амурская область	-100	-60	-53	-41	-40
Магаданская область	-180	-141	-62	-41	-77
Сахалинская область	-104	-63	-70	-24	-87
Еврейская автономная область	-159	-49	-83	-114	-87
Чукотский автономный округ	73	-174	-206	76	-18
ДФО	-70	-46	-42	-4	-47
Российская Федерация	20	19	13	39	4

На сегодняшний день, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, актуальнейшими стратегическими вызовами для России являются сохранность народонаселения и переход «от стагнации и кризиса к устойчивому социально-экономическому росту как средству для сбережения народа и подъема его благосостояния» (2022: 14). Демографический кризис и проблема низкого уровня жизни населения актуальны для России в целом, и в особенности для ее восточной части. Бедность — одна из причин убыли населения. Исследователи отмечают, что «население теряют не только дальневосточные субъекты, в европейской части страны также немало территорий с убылью населения» (Авдеев, 2021). Между тем Дальний Восток вызывает особый интерес исследователей в силу его геостратегической значимости при слабой населенности и росте угрозы обезлюдения обширных территорий. По данным статистики¹ на начало 2023 г. плотность населения ДФО составила 1,14 чел. на 1 км² при среднероссийской плотности 8,5 чел. на 1 км². Народонаселение неуклонно сокращается: рождаемости не под силу «обогнать» смертность, а приток мигрантов ниже оттока. Важнейшим фактором демографического развития является уровень жизни населения — среднедушевые доходы, качество питания, жилищные условия и др.

Все более актуальной для населения регионов становится проблема физической и экономической доступности продовольствия. Если на физическую доступность влияют в основном параметры местного производства и ввоза продуктов, а также состояние транспортно-логистической, рыночной и социальной инфраструктуры, то экономическая доступность предопределяется параметрами доходов населения и уровнем цен.

Доходы населения являются одной из характеристик уровня жизни, а последний, в свою очередь, рассматривается как важный фактор устойчивого,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.

стабильного социально-экономического развития страны и ее регионов (Дементьева, 2023). Важным показателем уровня жизни является медианный среднедушевой денежный доход населения (рис. 3).

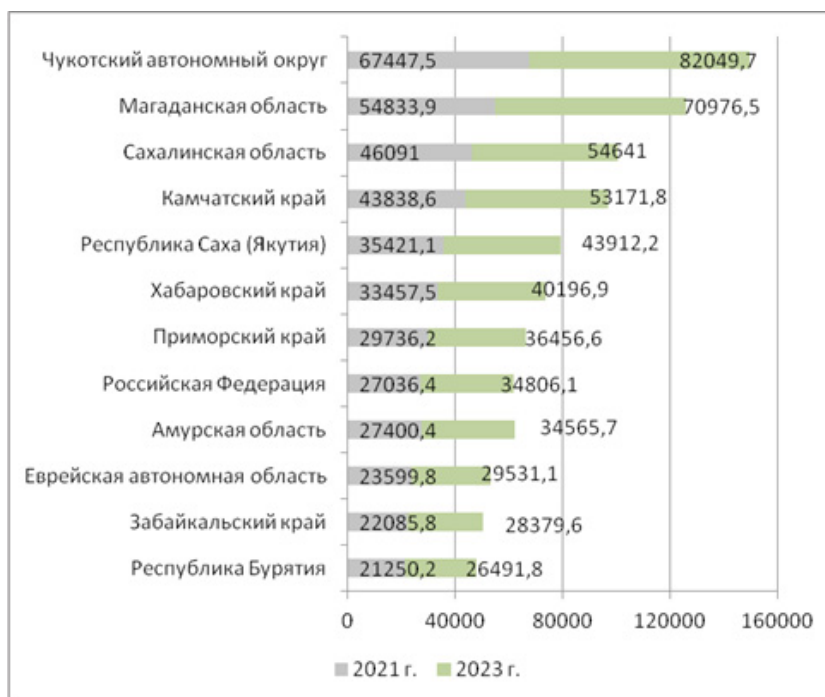

Рисунок 3 — Медианный среднедушевой денежный доход населения на начало года, руб. в месяц.

Figure 3 — The median per capita monetary income of the population at the beginning of the year, rubles per month.

Медианный среднедушевой денежный доход жителей Республики Бурятия, Забайкальского края и Еврейской автономной области значительно ниже, чем в остальных регионах ДФО и в среднем по стране. Эти регионы характеризуются крайне низкой общественной производительностью труда (Полянская, 2023), что тоже во многом предопределяет складывающиеся параметры бедности в регионах.

Большая часть населения Бурятии, Забайкальского края и Еврейской автономной области живет в нищете; жители этих регионов могут купить на свой месячный доход не более четырех минимальных наборов продуктов питания, что значительно ниже показателей по другим регионам ДФО и по стране в целом (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Параметры бедности населения на начало 2023 г.

Population poverty parameters at the beginning of 2023

Регион	Граница бедности, руб. в месяц	Численность населения с доходами ниже границы бедности, процент от общей численности	Прожиточный минимум, руб. в месяц	Медианный среднедушевой денежный доход	
				к прожиточному минимуму	к стоимости минимального набора продуктов питания
Республика Бурятия	14992	19,0	15172	1,75	4,0
Республика Саха (Якутия)	20556	15,5	21019	2,09	4,9
Забайкальский край	15746	17,6	16286	1,74	3,8
Камчатский край	25056	12,8	25223	2,11	6,0
Приморский край	16474	11,4	16564	2,20	4,7
Хабаровский край	18055	10,5	18558	2,17	5,0
Амурская область	15745	13,3	16174	2,14	5,0
Магаданская область	24581	7,4	24220	2,93	6,9
Сахалинская область	18740	7,0	18930	2,89	6,9
Еврейская автономная область	18462	20,0	18758	1,57	3,8
Чукотский автономный округ	26152	6,6	31736	2,59	6,0
РФ	13545	9,8	13919	2,50	5,7

В этих регионах ниже и отношение медианного среднедушевого денежного дохода к прожиточному минимуму.

Медицинской наукой давно доказано влияние качества питания на здоровье населения. Очевидно, во многом из-за нерациональной структуры рациона состояние здоровья жителей ДФО имеет неблагоприятную динамику (табл. 4).

Таблица 4

Table 4

Заболееваемость по классам болезней, случаев на 1000 чел.

Morbidity by disease class, cases per 1000 people

Регион	Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ		Болезни системы кровообращения		Болезни органов дыхания		Новообразования	
	2011	2023	2011	2023	2011	2023	2011	2023
Республика Бурятия	13,3	14,2	20,7	26,4	292,9	407,4	6,7	9,5
Республика Саха (Якутия)	16,7	8,9	29,8	24,5	461,5	659,3	10,7	9,1
Забайкальский край	11,1	10,5	25,2	27,5	313,7	446,8	8,4	7,3
Камчатский край	6,9	12,3	40,9	23,5	384,3	464,0	10,7	10,4
Приморский край	7,5	7,8	19,5	29,0	308,7	400,4	9,6	13,1
Хабаровский край	8,2	8,2	15,6	21,8	329,4	408,8	7,8	7,2
Амурская область	15,2	11,3	23,2	21,0	319,3	497,1	8,2	7,8
Магаданская область	11,5	38,0	17,1	16,5	331,3	421,9	8,5	7,3
Сахалинская область	13,6	9,6	26,7	16,8	358,7	350,3	10,7	11,1
Еврейская автономная область	11,2	6,1	20,1	20,2	309,4	370,8	9,1	10,4
Чукотский автономный округ	11,2	14,8	32,6	24,5	570,6	673,3	14,7	12,1
ДФО	11,1	10,3	22,6	24,7	337,3	451,1	8,9	9,6
РФ	10,2	12,5	26,1	33,6	324,0	422,0	10,8	10,9

Во всех регионах динамика преимущественно неблагоприятная, параметры заболеваемости высоки, в том числе потому, что уровень продовольственного обеспечения недостаточен, самообеспеченность регионов жизненно важными свежими продуктами критически мала и в целом доступность качественного продовольствия низка. Неполная для отдельных категорий населения физическая и экономическая доступность продовольствия приводит к тому, что рацион жителей является (по медицинским нормам) неполноценным, а систематическое недоедание важных энергетических и питательных веществ, витаминов, макро- и микроэлементов приводит к ухудшению здоровья, снижению продолжительности жизни людей. Разумеется, на состояние здоровья и динамику заболеваемости населения влияет и множество других факторов — экологическое состояние

местности, наличие/отсутствие у граждан вредных привычек, культура питания, физическая активность, наследственность, духовно-моральное настроение, стрессоустойчивость и др. Однако непосредственное и перманентное влияние на здоровье, самочувствие, настроение и работоспособность людей оказывает именно качество и количество питания.

В настоящее время население всех без исключения регионов значительно недопотребляет молочную и овощебахчевую продукцию. Жители Республики Бурятия, Еврейской автономной области, а также Чукотского автономного округа вдобавок к этому в недостаточном объеме потребляют мясные продукты и яйца (табл. 5).

Таблица 5

Table 5

Среднедушевое потребление продуктов питания населением на начало 2023 г.

Average per capita consumption of food by the population at the beginning of 2023

Регионы	Хлебные продукты		Картофель		Овощи и бахчевые		Мясо		Молоко		Яйцо	
	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	шт	процент к норме
Республика Бурятия	105	108,2	75	83,3	63	45,0	62	83,8	175	54,3	204	78,5
Республика Саха	133	137,1	80	88,9	65	46,4	87	117,6	272	84,5	248	95,4
Забайкальский край	108	111,3	97	107,8	78	55,7	74	100,0	258	80,1	166	63,8
Камчатский край	100	103,1	88	97,8	110	78,6	78	105,4	155	48,1	250	96,2
Приморский край	108	111,3	100	111,1	100	71,4	91	122,9	171	53,1	290	111,5

Регионы	Хлебные продукты		Картофель		Овощи и бахчевые		Мясо		Молоко		Яйцо	
	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	шт	процент к норме
Хабаровский край	108	111,3	63	70,0	107	76,4	72	97,3	208	64,6	300	115,4
Амурская область	133	137,1	126	140,0	127	90,7	67	90,5	204	63,4	330	126,9
Магаданская область	116	119,6	56	62,2	85	60,7	83	112,2	261	81,1	269	103,5
Сахалинская область	98	101,0	84	93,3	94	67,1	92	124,3	154	47,8	298	114,6
Еврейская автон. область	109	112,4	130	144,4	94	67,1	55	74,3	190	59,0	202	77,7
Чукотский автон. округ	58	59,8	42	46,7	35	25,0	46	62,2	106	32,9	194	74,6
ДФО	112	115,5	88	97,8	91	65,0	78	105,4	204	63,4	261	100,4
РФ	113	116,5	84	93,3	104	74,3	78	105,4	241	74,8	288	110,8

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, Приказу Минздрава РФ¹

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава РФ от 19.08.2016 № 614 (ред. от 30.12.2022). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

При этом во всех регионах (кроме Чукотского автономного округа) наблюдается избыточное потребление хлебных продуктов, а в Еврейской автономной и Амурской областях — и картофеля. Нерациональность структуры питания неблагоприятно влияет на здоровье и трудоспособность людей, что с экономической точки зрения государству в принципе невыгодно (при и без того критически низкой производительности труда).

Сбалансированность рациона, наличие в нем всех важных микро- и макроэлементов, витаминов и свежей растительной клетчатки — это не просто должностная «прихоть» учреждений здравоохранения, это неперемное условие обеспечения качества питания и здоровой жизнедеятельности современного человека.

Суровые природно-климатические условия дальневосточных регионов требуют повышенной энергетической и питательной ценности рациона местных жителей, однако статистика свидетельствует, что даже стандартные (не повышенные) нормы рационального питания населением не соблюдаются. Основная причина этого — неполная физическая и экономическая доступность молочной, мясной, овощебахчевой продукции и яиц для значительной части населения (табл. 6).

Таблица 6

Table 6

Среднедушевое производство продукции на начало 2023 г.

Average per capita production at the beginning of 2023

Регионы	Хлебные продукты		Картофель		Овощи и бахчевые		Мясо		Молоко		Яйца	
	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	шт.	процент к норме
	Республика Бурятия	119,7	123,4	105,3	117,0	38,6	27,6	43,7	59,1	93,9	29,2	95
Республика Саха	10,1	10,4	73,7	81,9	26,5	18,9	23,5	31,8	158,0	49,1	155	59,6
Забайкальский край	173,0	178,4	93,4	103,8	17,8	12,7	46,7	63,1	318,5	98,9	51	19,6
Камчатский край	1,0	1,0	142,4	158,2	45,4	32,4	23,2	31,4	80,4	24,9	233	89,6

Регионы	Хлебные продукты		Картофель		Овощи и бахчевые		Мясо		Молоко		Яйца	
	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	кг	процент к норме	шт.	процент к норме
Приморский край	352,4	363,3	114,1	126,8	53,2	38,0	45,1	60,9	73,1	22,7	153	58,8
Хабаровский край	12,8	13,2	60,0	66,7	31,9	22,8	4,8	6,5	18,5	5,7	235	90,4
Амурская область	590,8	609,1	256,8	285,3	65,7	46,9	48,9	66,1	189,6	58,9	266	102,3
Магаданская область	0	0	57,3	63,7	32,8	23,4	2,2	2,9	45,4	14,1	215	82,7
Сахалинская область	0	0	141,3	157,0	88,4	63,1	24,1	32,6	122,9	38,2	286	110,0
Еврейская автон. область	64,4	66,4	183,7	204,1	54,2	38,7	6,8	9,2	65,1	20,2	87	33,5
Чукотский автон. округ	0	0	2,1	2,3	6,3	4,5	12,6	17,0	0	0	156	60,0
ДФО	178,7	184,2	112,5	125,0	42,5	30,4	32,6	44,1	121,6	37,8	168	64,6
РФ	1076,1	1109,4	128,4	142,7	92,9	66,4	80,2	108,4	225,2	69,9	315	121,2

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, Приказу Минздрава РФ¹

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава РФ от 19.08.2016 № 614 (ред. от 30.12.2022). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

В то время как экономическая доступность продовольствия во многом определяется платежеспособностью граждан, на физическую доступность, как отмечалось, значительно влияет местное производство. Сельскохозяйственное производство в регионах не способно в полном объеме покрыть самообеспеченность, особенно в молочной продукции, овощах и бахчевых, которые фактически потребляются в объемах ниже рациональных норм населением не только дальневосточных регионов, но и в среднем по стране.

Значительная часть территории страны (69,6%) расположена в арктической зоне и характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями (Самсонова, 2016). Потенциал сельского хозяйства Дальнего Востока ограничен, и не все регионы имеют возможности собственного производства продовольствия. В целом ДФО способен обеспечить себя хлебными продуктами и картофелем, однако в отдельных регионах это невозможно, поэтому необходимая продукция ввозится из других регионов. Мясные ресурсы тоже производятся в недостаточном количестве, и дефицит восполняется ввозом. Поэтому здесь крайне важно развивать транспортно-логистическую, социальную и рыночную инфраструктуру, повышать доступность жизненных благ для людей. Только так можно удержать и даже, возможно, привлечь население на Дальний Восток.

Устойчивое, прогрессивное развитие агропродовольственного сектора возможно только при условии повышенной государственной поддержки из бюджетов всех уровней, при принятии комплекса мер в области кадрового, материально-технического, инфокоммуникационного, финансово-инвестиционного обеспечения. Без «родительского», заботливого участия государства решить обозначенные проблемы, сохранить и преумножить человеческий капитал не представляется возможным. Местные жители в одиночку не в состоянии решить такие масштабные, серьезные проблемы.

Пока же, по оценке исследователей, «человеческий капитал как базовый ресурс российского общества используется нерационально. Происходит снижение его эффективности, своеобразное истощение и деградация» (Черепанова, 2021: 36). Поэтому для сохранения человеческого капитала и повышения его качества необходим комплекс первоочередных государственных мер, направленных на всестороннее повышение качества жизни. Комплексность предполагает выработку и принятие согласованных решений в области улучшения жилищных условий, создания рабочих мест, повышения производительности труда, развития транспортно-логистической, социальной и рыночной инфраструктуры, ресурсного потенциала агропродовольственного сектора и оптимизацию параметров продовольственного обеспечения. На Дальний Восток возложены крупные стратегические проекты страны (освоение и развитие северного морского пути и арктического шельфа, освоение уникальных природных ресурсов, использование кратчайшего пути между Европой и Азией), и их реализация во многом зависит от качества человеческого капитала, воспроизводство которого должно стать государственной задачей номер один.

Вывод

Главное богатство любой территории — это человеческий капитал, являющийся неперенным условием любого развития. Дальний Восток, несущий немалую нагрузку по многим амбициозным проектам России, нуждается в комплексной поддержке со стороны государства в направлении повышения качества жизнедеятельности людей. Если своевременно не решить этот вопрос, то в дальнейшем все остальные вопросы решить будет просто невозможно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Авдеев Ю. А. Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемиические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 299–313.

Аганбегян А. Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 4–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1

Аганбегян А. Г. Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 14–30.

Дементьева И. Н. Продовольственное благополучие жителей региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 99–115. doi: 10.14258/ssi(2023)2-07

Кузнецова Е. И., Осипова А. Н. Уровень развития человеческого потенциала как важная характеристика социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4, № 4. С. 1167–1180. doi: 10.18334/ecsec. 4.4.113144

Логвинова И. В., Горьковенко Н. А. Социально-экономическая безопасность как основа национальной безопасности страны и региона // Журнал прикладных исследований. 2023. № 9. С. 63–68.

Мирюкова М. А., Соколова В. Ф. Формирование социально-экономической безопасности как системообразующего элемента национальной безопасности // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2023. № 3 (45). С. 104–110. [http://doi.org/10.57070/2304-4497-2023-3\(45\)-104-110](http://doi.org/10.57070/2304-4497-2023-3(45)-104-110)

Полянская Н. М. Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 66–85. doi: 10.14258/ssi(2023)1-04

Самсонова И. В., Ярлыкапов А. Б. Продовольственное обеспечение населения районов Крайнего Севера России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 1. № 4. С. 13-18.

Хаджалова Х. М. Социально-экономическая безопасность и угрозы социальной стабильности в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 2(59). С. 58-62.

Черепанова М. И., Сафронова Е. Ю., Максимов М. Б., Илюшников К. К. Социально-экономические условия функционирования человеческого капитала в регионах России // *Society and Security Insights*. 2021. Т. 4, № 4. С. 31–43.

Шевкуненко М. Ю., Стадник М. С., Григорян М. А., Курдакова Е. Г. Основные направления улучшения качества и безопасности жизни населения РФ как фактор обеспечения социально-экономической безопасности // *Вестник Академии знаний*. 2023. № 2 (55). С. 273–279.

REFERENCES

Avdeev, Yu. A. (2021). Far East: how can we stop the outflow of population and make it attractive? (polemical reflections). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 17(3), 299–313. (In Russ.).

Aganbegyan, A. G. (2021). How to restore the safety of the people of Russia. *Narodonaselenie*, 24(2), 4–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1. (In Russ.).

Aganbegyan, A. G. (2022). Two main challenges facing Russia: to reduce catastrophically high mortality while restoring the safety of the people and the transition to sustainable socio-economic growth. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1(71), 14–30. (In Russ.),

Dementieva, I. N. (2023). Food well-being of the inhabitants of the region in the context of ensuring food security. *Society and Security Insights*, 6(2), 99–115. doi: 10.14258/ssi(2023)2-07 (In Russ.),

Kuznetsova, E. I., Osipova, A. N. (2021). The level of human potential development as an important characteristic of socio-economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*, 4(4), 1167–1180. doi: 10.18334/ecsec. 4.4.113144 (In Russ.).

Logvinova, I. V., Gorkovenko, N. A. (2023). Socio-economic security as the basis of national security of the country and the region. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, 9, 63–68. (In Russ.),

Mikryukova, M. A., Sokolova, V. F. (2023). Formation of socio-economic security as a system-forming element of national security. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta*, 3(45), 104–110. [http://doi.org/10.57070/2304-4497-2023-3\(45\)-104-110](http://doi.org/10.57070/2304-4497-2023-3(45)-104-110) (In Russ.).

Polyanskaya, N. M. (2023). The main trends in the development of scientific, technical and innovative potential of Russia: territorial differences. *Society and Security Insights*, 6(1), 66–85. doi: 10.14258/ssi(2023)1-04 (In Russ.).

Samsonova, I. V., Yarlykapov, A. B. (2016). Food security of the population of the regions of the Far North of Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 1(4), 13–18. (In Russ.)

Khadzhalova, H. M. (2010). Socio-economic security and threats to social stability in the region. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2(59), 58–62. (In Russ.).

Cherepanova, M. I., Safronova, E. Yu., Maksimov, M. B., Ilyushnikov, K. K. (2021). Socio-economic conditions of human capital functioning in the regions of Russia. *Society and Security Insights*, 4(4), 31–43. (In Russ.).

Shevkunenko, M. Yu., Stadnik, M. S., Grigoryan, M. A., Kurdakova, E. G. (2023). The main directions of improving the quality and safety of life of the population of the Russian Federation as a factor of ensuring socio-economic security. *Vestnik Akademii znaniy*, 2(55), 273–279. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Михайловна Полянская — канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

Natalya M. Polyanskaya — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 04.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 04.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 316.44

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.14258/SSI\(2024\)1-06](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-06)

Цифровой социальный капитал российских регионов: теоретические подходы и практические аспекты

Максим Александрович Бородкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
maksim.a.borodkin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4807-2331>

Аннотация. Цифровизация является одним из стратегических направлений региональной повестки в России, при этом проблема цифрового неравенства в различных регионах РФ остается актуальной, что влияет на экономические и социальные возможности населения этих регионов. Актуальность исследования определяется научной и практической значимостью изучения факторов, определяющих масштаб и темпы развития цифровых технологий для расширения различных сфер деятельности в регионах России и, в частности, формирующих цифровую среду социального капитала регионов. Цель статьи — рассмотреть теоретические подходы к пониманию цифрового капитала, включая соотношение цифрового и человеческого капитала, а также проанализировать практику формирования цифрового капитала в регионах России. Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата, представленные в виде диаграмм с последующим описанием и анализом. Результаты показывают отсутствие существенного цифрового неравенства регионов, при этом за период 2018–2022 гг. наблюдается поступательный рост цифровизации во всех регионах РФ. Развитие цифрового капитала региона определяется не только формированием цифровой среды, но и созданием условий для увеличения цифрового капитала населения в части соответствующих потребностей, навыков и компетенций проживающих там граждан. При этом особое внимание должно быть уделено людям пожилого возраста и лицам с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: цифровизация, социальный капитал, цифровой капитал, регионы России, цифровые технологии, интернет, социальные услуги

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00246-П, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бородкин М.А. Цифровой социальный капитал российских регионов: теоретические подходы и практические аспекты // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 87–102. doi: 10.14258/ssi(2024)1-06.

Digital Social Capital in Russian Regions: Theoretical Approaches and Practical Issues

Maksim A. Borodkin

St Petersburg University, St. Petersburg, Russia
maksim.a.borodkin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4807-2331>

Abstract. Digitalization is one of the strategic directions of the regional agenda in Russia, while the problem of digital inequality in various regions of the Russian Federation remains relevant, which affects the economic and social opportunities of the population of these regions. The relevance of the study is determined by the scientific and practical significance of studying the factors that determine the scale and pace of development of digital technologies for the expansion of various fields of activity in the regions of Russia and, in particular, shaping the social capital of the regions in the digital environment. The purpose of the article is to consider theoretical approaches to understanding digital capital, including the relationship between digital and human capital, as well as to analyze the practice of forming digital capital in the regions of Russia. The empirical basis of the study was made up of Rosstat data, presented using tables with subsequent description and analysis. The results show the absence of significant digital inequality in the regions, while for the period 2018–2022. There is a progressive increase in digitalization in all regions of the Russian Federation. The development of the digital capital of the region is determined not only by the formation of the digital environment, but also by the creation of conditions for increasing the digital capital of the population in terms of the relevant needs, skills and competence of the citizens living there. It should be noted, that special attention should be paid to elderly people and people with disabilities.

Keywords: digitalization, social capital, digital capital, Russian regions, digital technologies, internet, social services

Financial Support: the research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 19-18-00246-P, implemented at St Petersburg University.

For citation: Borodkin, M.A. (2024). Digital Social Capital in Russian Regions: Theoretical Approaches and Practical Issues. *Society and Security Insights*, 7(1), 87–102. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)1-06.

Введение

Интенсивное использование цифровых технологий существенно меняет модели ведения бизнеса, государственного управления, труда, досуга и, следовательно, является одним из драйверов социально-экономических преобразований на современном этапе, особенно на региональном уровне. Создание новых механизмов социального регулирования, а также адаптация постиндустриальной экономики к современным цифровым параметрам приводит к появлению новых объектов исследования, таких как цифровой социальный капитал регионов, требующих исследования как фундаментального, так и прикладного характера.

Информационно-коммуникационные технологии обычно относятся к технологиям, которые используются для передачи, обработки и хранения данных с использованием электронных средств (электронная почта, текстовые SMS-сообщения, видеочат, социальные сети онлайн и т.д.) и различных вычислительных устройств, таких как компьютеры, смартфоны и т.д. (Перрон и др., 2010). Цифровые технологии представляют, передают и хранят данные посредством электронных носителей, что упрощает и ускоряет процесс обработки существующих данных. Благодаря массовому внедрению этих технологий в разные сферы жизни становится доступно множество цифровых решений, которые Еврофонд (Molinuevo, 2020) структурирует по трем основным направлениям: 1) автоматизация работы, 2) цифровизация процессов, 3) работа через цифровые платформы. Процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий и цифровых технологий в практику различных учреждений и служб государственного и неправительственного секторов называется «цифровизацией».

В свою очередь, социально-экономическое развитие стран и регионов, основанное на масштабном использовании цифровых технологий, принято называть цифровым развитием. Управление цифровым развитием регионов предполагает не только решение вопросов развития и использования цифровых технологий, но и влияние на условия масштабного и эффективного использования этих технологий. Типичным примером может быть ситуация с компьютеризацией и подключением школ к Интернету.

В России существует программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая активно обсуждается в российском научном дискурсе, в частности, ее потенциал и перспективы реализации в современных российских условиях (Бабкин и др., 2017; Савина, 2018).

Исследования, посвященные детерминантам цифрового неравенства в регионах, довольно редки. Ряд таких исследований относится к объяснению региональных различий в уровне использования Интернета населением. Используя материалы из регионов США, некоторые авторы выявляют и обосновывают такие факторы различий в использовании Интернета, как уровни образования и доходов (Srooper, 2003). Европейские исследователи используют более широкий спектр факторов для объяснения этого явления, таких как ВРП на душу населения, уровень безработицы, плотность населения, человеческий капитал (Billon et al., 2008). Кроме того, учитывается еще один фактор — доля занятых в науке и технологиях, что вместе с уровнем ВРП на душу населения положительно влияет на уровень использования Интернета домохозяйствами (Vicente & Lopez, 2011).

Проблематикой исследования настоящей статьи является анализ теоретических подходов к определению цифрового социального капитала российских регионов, а также анализ фактических данных о цифровизации регионов Российской Федерации. Результат исследования предполагает формирование дефиниции цифрового капитала в контексте российских регионов с учетом оценки таких факторов, как цифровая среда региона, а также цифрового спроса, соответствующих навыков и компетенций граждан.

Теоретические подходы

Человеческий и социальный капитал

Для определения содержания и составляющих элементов цифрового социального капитала представляется целесообразным сначала обозначить теоретические подходы к пониманию и описанию человеческого капитала во взаимодействии с социальным капиталом, поскольку последний непосредственно влияет на создание человеческого капитала.

Основателями современной теории человеческого капитала являются американские экономисты Т. Шульц и Г. Беккер.

Первое определение человеческого капитала принадлежит Т. Шульцу. В своей работе «Инвестирование в человеческий капитал» Т. Шульц писал, что понятие капитала основано на наличии чего-то реально существующего, обладающего экономическим свойством предоставления будущих услуг, имеющих некоторую ценность. Понимание капитала как чего-то, что обеспечивает будущие услуги, позволяет перейти к последующему разделению целого на две части: человеческий и нечеловеческий капитал (Schulz, 1961).

Г. Беккер разработал теорию человеческого капитала. Он внес наибольший вклад в это научное направление и поэтому считается общепризнанным создателем научной школы в рамках концепции человеческого капитала. В книге «Инвестирование в человеческий капитал», вышедшей в 1962 г., Г. Беккер писал, что человеческий капитал формируется посредством инвестиций в людей. Основными областями инвестиций он считал образование, производственное обучение, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах (Becker, 1962). По его мнению, эти затраты в различной степени способствуют развитию производительных сил, интеллектуального и культурного потенциала человека.

Дж. Коулман отмечает, что человеческий капитал создается изменениями в людях, которые приводят к появлению навыков и способностей, позволяющих им действовать по-новому. Однако социальный капитал возникает благодаря изменениям во взаимоотношениях между людьми, которые облегчают действия. Если физический капитал вполне осязаем, будучи воплощенным в наблюдаемой материальной форме, а человеческий капитал менее осязаем, воплощаясь в навыках и знаниях, приобретенных личностью, то социальный капитал еще менее осязаем, поскольку он существует во взаимоотношениях между людьми. В своих работах Дж. Коулман пытался ввести в социальную теорию понятие «социальный капитал», аналогичное понятиям финансового капитала, физического капитала и человеческого капитала, но воплощенное в отношениях между людьми. Это часть теоретической стратегии, которая предполагает использование парадигмы рационального действия, но без предположения об атомистических элементах, лишенных социальных отношений. Автор продемонстрировал использование этой концепции, показав влияние социального капитала в семье и обществе на формирование человеческого капитала (Coleman, 1986, 1988).

Таким образом, из приведенного выше содержательного описания человеческого и социального капитала следует, что все социальные отношения и соци-

альные структуры в той или иной форме способствуют созданию социального капитала. При этом субъекты устанавливают эти отношения или продолжают их до тех пор, пока они приносят пользу. Особо следует отметить эффект социального капитала как его влияние на создание человеческого капитала в настоящее время и в следующем поколении. Именно нематериальные ресурсы, такие как социальный капитал, являются средством достижения прогресса, который, в свою очередь, удовлетворяет потребности нынешнего и будущих поколений.

Цифровой капитал и цифровая грамотность

Одной из ключевых категорий формирования и содержания цифрового капитала является цифровая грамотность. Следует отметить, что цифровая грамотность отражает прежде всего индивидуальный уровень, тогда как цифровой капитал является более общим понятием.

А. Букхорст (2013) указывает на взаимосвязь большого количества «грамотностей» друг с другом: медиаграмотности, компьютерной, визуальной, критической, новостной грамотности и др. Часто понятия «цифровая грамотность», «электронная грамотность», «информационная грамотность» и «интернет-грамотность» используются авторами как синонимы, поскольку констатируют факт эволюции понятия грамотности, ее статуса и связанных с ним процессов (Касинскайте-Буддеберг, 2013). Букхорст приходит к выводу, что грамотность включает в себя компоненты технологического и информационно-коммуникационного содержания.

По мнению П. Гилстера, цифровая грамотность создает новые формы поведения, способы поиска информации и особенности общения. Поэтому критериями достижения цифровой грамотности являются, с одной стороны, критерии медиаграмотности, с другой стороны, навыки поиска необходимой информации и инструментов для работы с ней, умение быстро овладевать этими инструментами, умение общаться с другими пользователями, производить информацию в различных формах и форматах (Gilster, 1997).

Российский ученый А. Шариков предлагает четырехкомпонентную модель цифровой грамотности (Шариков, 2016):

1. «Технические и технологические возможности». Данная составляющая связана со сферой образовательной деятельности, которую часто организуют крупные компании, производящие оборудование и программное обеспечение.
2. «Содержательно-коммуникативные возможности». Этот компонент охватывает широкую область практик, традиционно рассматриваемых в контексте медиаобразования. Ставятся задачи по созданию собственных информационных материалов — от текстов и фотографий до видеосъемок, аудио- и видеомонтажа. Кроме того, в рамках данного компонента развиваются аспекты понимания медиатекстов, умения их оценивать и интерпретировать.
3. «Технико-технологические угрозы». В данном случае наблюдается сходство с областью практик, связанной с компонентом «технико-технологические возможности». Инициатива в основном исходит от крупных ИТ-компаний, которые занимаются вопросами кибербезопасности.

4. «Социопсихологические угрозы». В нем представлен обзор существующих подходов, проблем и практик, касающихся психологических, этических и правовых аспектов информационной безопасности при работе с цифровыми технологиями.

Таким образом, можно резюмировать, что наличие цифрового капитала предполагает определенный уровень цифровой грамотности, которая является одной из его ключевых составляющих. При этом цифровой капитал включает в себя как определенные компетенции и навыки (т.е. цифровую грамотность), так и соответствующую технологическую среду, без которой развитие этих компетенций крайне проблематично. Цифровая грамотность, с одной стороны, предоставляет людям определенные возможности, с другой — нейтрализует угрозы цифровой среды, в которой живет и функционирует большая часть населения в XXI в. Работы Букхорста, Гильстера, Шарикова показывают, что цифровая грамотность представляет собой многоуровневое понятие. Оно включает в себя как определенные компетенции в разных видах деятельности, так и определенные модели поведения, которые позволяют человеку не только ориентироваться и быть успешными в современной цифровой среде, но и противостоять негативному влиянию такой среды на формирование личности и жизни в целом.

Цифровой социальный капитал

Теоретические предпосылки изучения фундаментальных оснований капитала. Пьер Бурдьё выделял уровень социальных обменов во внешнем капитале и доступе к институциональным ресурсам в качестве его основы (Bourdieu, 1986). В то же время, несмотря на структурные и институциональные ограничения, связанные с указанным статусом, полом и этнической принадлежностью, Бурдьё рассматривает социальный капитал как характеристику личности, а не группы (Bourdieu, 1992). Кроме того, Бурдьё отмечает, что конвертируемость различных видов капитала лежит в основе стратегий, направленных на обеспечение воспроизводства капитала (и занимаемого положения в социальном пространстве) посредством конверсий, минимально затратных с точки зрения конверсионной работы и снижения конверсионных потерь. Различные виды капитала можно определить с точки зрения их воспроизводимости, точнее, до сих пор легко они передаются с появлением или увеличением потерь. Скорость потерь и степень сокрытия имеют тенденцию изменяться обратно пропорционально (Bourdieu, 1986).

В рамках исследования рассматривается цифровой капитал как вид социального капитала в цифровом обществе. Цифровой капитал — это концепция, открытая для дискуссий, которую необходимо изучить, чтобы определить ее составные элементы. Согласно дефиниции, предложенной М. Рагнетта, цифровой капитал определяется как накопление цифровых компетенций (информация, связь, безопасность, создание контента и решение проблем), а также цифровых технологий (Ragnedda, 2018).

Анализируя вышеприведенные подходы к человеческому и социальному капиталу, цифровой грамотности, цифровому капиталу, а также учитывая фокус настоящего исследования на региональной составляющей, автор настоящей

статьи предлагает свое понимание цифрового социального капитала регионов, который можно определить как накопление цифровых компетенций, информационных ресурсов и цифровых технологий людьми, проживающими в определенном регионе. Предполагается, что регионы с более молодой долей населения потенциально и фактически находятся в более выгодном положении с точки зрения формирования цифрового социального капитала.

Методы исследования

Эмпирическую основу исследования составляют официальные данные Федерального статистического наблюдения (данные Росстата) в сфере цифровизации общества в разрезе субъектов Российской Федерации по федеральным округам (данные за 2018–2022 гг.), такие как:

- использование населением персональных компьютеров;
- доступность широкополосного доступа в Интернет для населения (домохозяйств);
- использование Интернета населением;
- использование населением сети Интернет для получения товаров и/или услуг;
- использование населением сети Интернет для взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Пятилетний период выбран для того, чтобы показать динамику цифровизации регионов Российской Федерации, начиная с 2018 г. — года запуска национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Кроме того, в этот период (с 2020 по 2022 г.) произошла эпидемия COVID-19, которая способствовала росту цифровых технологий и, следовательно, могла повлиять на формирование социального цифрового капитала.

Результаты

Цифровизация выражается прежде всего в доступности технологий, наличии доступа к Интернету, цифровым сервисам и услугам. В этой связи в фокусе настоящего исследования находятся несколько основных категорий по цифровизации, представленных в статистике Росстата. Для удобства восприятия эти данные представлены в виде диаграмм с последующим авторским анализом.

По представленным показателям за 2018–2022 годы наблюдается рост во всех федеральных округах РФ использования населением персональных компьютеров в пределах 10 пунктов (рис. 1). Наибольший прирост за этот период произошел в Северо-Кавказском федеральном округе — с 76,7% в 2018 г. до 87,3% в 2022 г. При этом в цифровом выражении по итогам 2022 г. лидирует Центральный федеральный округ с 92,4% пользователей среди населения в возрасте 15–74 лет. Следует отметить, что уже по состоянию на 2018 г. количество пользователей персональных компьютеров было достаточно высоким (более 80% во всех федеральных округах, за исключением Северо-Кавказского федерального округа), поэтому горизонт роста уже был относительно достигнут, и дальнейшее увеличение составило ограниченный диапазон в 10 процентов.

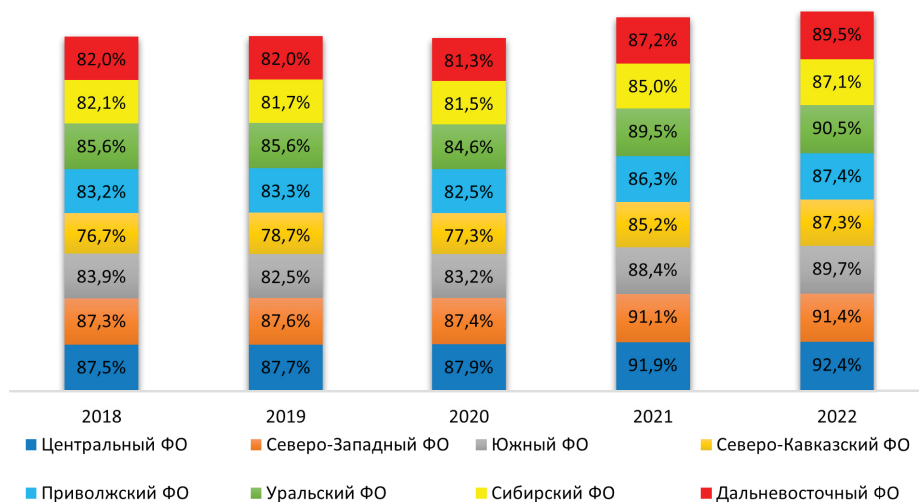

Рисунок 1 — Использование населением персональных компьютеров.

Figure 1 — Use of personal computers by the population.

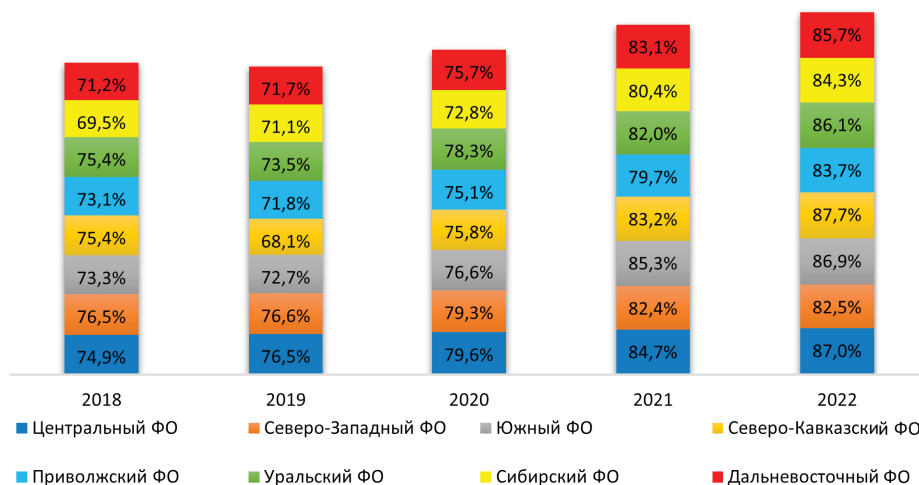

Рисунок 2 — Доступность широкополосного доступа в Интернет для населения (домохозяйств).

Figure 2 — Availability of broadband Internet access for the population (households).

Наличие широкополосного доступа в Интернет у населения (в домохозяйствах) также отмечается ростом показателей во всех федеральных округах (рис. 2). В отличие от предыдущей категории, здесь динамика роста выше — в пределах

15% за пятилетний период. Анализируя эти показатели, можно отметить, с одной стороны, значительное увеличение доступности Интернета для населения. С другой стороны, в эти годы доступ к Интернету не ограничивается домашними условиями, поскольку люди также имеют доступ к Интернету на работе, через смартфоны и т.д. Логично предположить, что реальная (абсолютная) доступность Интернета еще выше, что, в частности, подтверждают показатели следующей рассматриваемой категории.

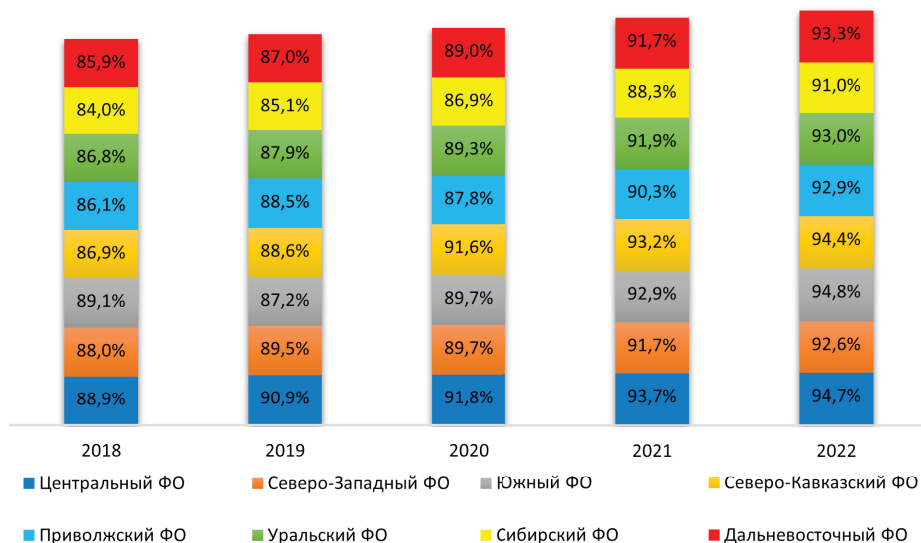

Рисунок 3 — Использование Интернета населением.

Figure 3 — Internet use by the population.

Показатели распространенности и доступности Интернета в период 2018–2022 гг. ожидаемо высокие, что связано как с развитием цифровых технологий, так и с другими факторами, такими как эпидемия COVID-19. Люди вынуждены еще больше обращаться к цифровой среде для делового общения и работы, а также отдыха. В результате мы видим, что по состоянию на 2022 г. во всех регионах РФ использование Интернета превысит 80% (рис. 3).

В отличие от трех предыдущих категорий, где отмечается умеренный рост показателей, в данном случае можно наблюдать не просто рост численности, а фактическое формирование нового массового сегмента — интернет-потребительства. В 2018 г. лишь небольшая часть населения (около трети в разных федеральных округах) использовала Интернет для получения товаров и/или услуг, однако к 2022 г. все федеральные округа перешагнули отметку в 50%, а показатель Центрального федерального округа даже достиг 65,8% (рис. 4). Это опять же может быть связано как с последствиями эпидемии COVID-19, так и с формирова-

нием новой цифровой среды в целом, в которой людям просто удобнее (по времени, местоположению и т. д.) размещать заказы онлайн.

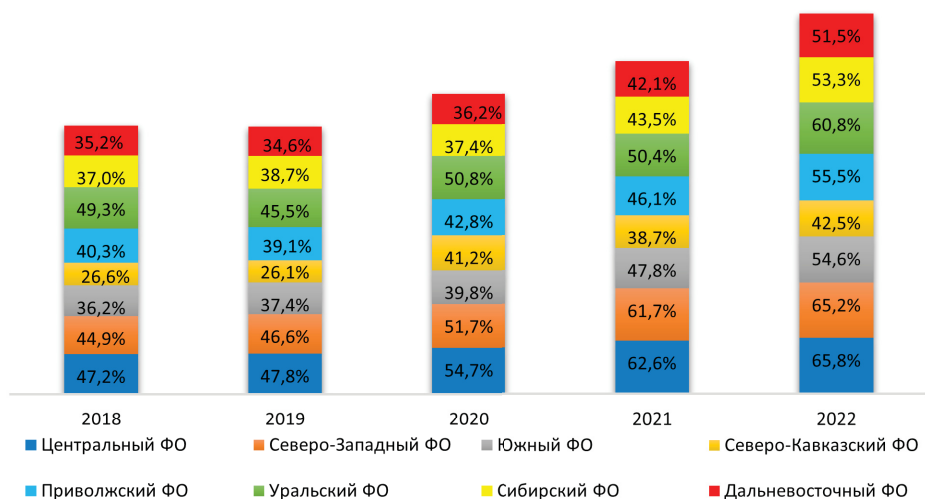

Рисунок 4 — Использование населением сети Интернет для получения товаров и/или услуг.

Figure 4 — Use of the Internet by the population to obtain goods and/or services.

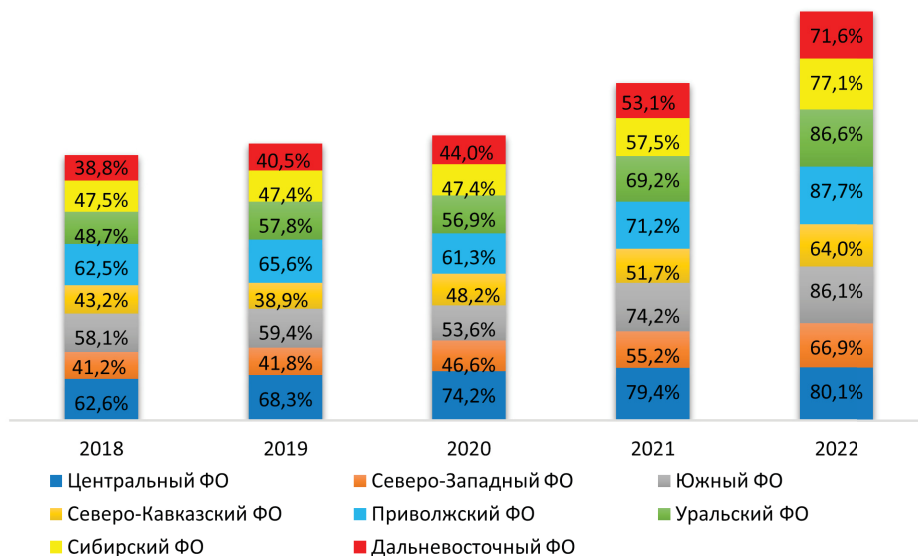

Рисунок 5 — Использование населением сети Интернет для взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Figure 5 — Use of the Internet by the population to interact with state authorities and local self-government.

Представленные показатели показывают чрезвычайно высокий уровень использования Интернета населением (в целом по России — 93,5% за 2022 г.), что свидетельствует о полномасштабном вовлечении населения в использование Интернета на всей территории страны. В связи с этим особый интерес для данной работы представляет другой тип данных, а именно неиспользование Интернета населением в возрасте 15–74 лет. Причинами неиспользования Интернета являются: соображения безопасности, отсутствие необходимости (нежелание пользоваться / отсутствие интереса), отсутствие соответствующих навыков, высокая стоимость подключения к Интернету и другие причины.

Как и в предыдущей категории, впечатляющий рост можно отметить во взаимодействии населения и органов власти через Интернет (рис. 5). Показательны, например, данные по Дальневосточному федеральному округу, показавшие рост с 38,8% в 2018 г. до 71,6% в 2022 г. Аналогичные цифры и по другим регионам — рост около 20%. Это также является признаком формирования новой цифровой среды, когда доступ к государственным услугам в форме их посещения фактически заменяется цифровым форматом — людям гораздо проще получать услуги онлайн, когда это возможно. В этой связи значимым замечанием является возраст респондентов 15–74 года, при этом именно люди пожилого возраста (старше 70 лет) являются основными потребителями социальных услуг и их вовлеченность в процесс цифровизации, с одной стороны, крайне важна, а с другой стороны, наблюдается существенное отставание в развитии цифровых услуг пожилыми людьми по сравнению с другими категориями населения. Следовательно, есть основания предполагать, что регионы с более высокой долей пожилого населения имеют меньший цифровой социальный капитал, чем регионы с иной возрастной структурой.

Проанализировав вышеприведенные данные Росстата по отдельности, следует также отметить общую корреляцию этих данных, а именно поступательный рост цифровизации по всем приведенным категориям в рассматриваемых федеральных округах. Государство должно выступать ключевым игроком в оценке цифрового капитала, создавая соответствующую информационную и образовательную среду, включая инфраструктуру. В целях развития цифровизации в Российской Федерации создана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Согласно этой программе на период 2018–2024 гг. планируется: 1) увеличение инвестиций в развитие цифровых технологий в различных отраслях экономики; 2) создание инфраструктуры безопасной передачи, обработки и хранения больших данных, доступной всем организациям; 3) увеличение доли «интернетизации» (с широкополосным доступом в Интернет) социально значимых объектов инфраструктуры и домохозяйств; 4) переход на создание и использование отечественного программного обеспечения. Таким образом, данная программа является ответом на развитие современных цифровых технологий и сервисов, определяющих глобальное развитие. Результатом реализации данной национальной программы является определенный уровень использования информационных технологий населением регионов России, что отражено приведенными данными Росстата за 2018–2022 гг.

Следует особо отметить социальную составляющую цифровизации. Отдельные категории граждан — пожилые люди и люди с ограниченными возможностями — нуждаются не просто в компьютерах и других современных средствах связи, а в компьютерах и средствах связи, адаптированных к их потребностям. Формирование и дальнейшее развитие цифрового капитала является важной задачей государственного управления, и в условиях цифровизации социальной сферы особое внимание требуется к социально-демографическим группам, находящимся в социально уязвимом положении в силу возраста или состояния здоровья. В этой связи важно отметить, что значительное повышение доступности цифровой среды, безусловно, является положительным показателем, тогда как полное использование потенциала цифровизации невозможно без качественного повышения цифровой грамотности.

Заключение

Показатели использования цифрового контента и услуг во всех федеральных округах Российской Федерации в период 2018–2022 гг. свидетельствуют не просто о развитии и росте цифровизации, а о формировании новой цифровой среды, которую можно охарактеризовать как цифровое потребление в самом широком смысле. Это обстоятельство, в свою очередь, формирует цифровой социальный капитал конкретных регионов, который можно определить как накопление цифровых компетенций, информационных ресурсов и цифровых технологий людьми, проживающими в определенном регионе.

Очевидно, что доступ к современным цифровым технологиям необходим повсеместно, но этого недостаточно для формирования цифрового социального капитала. В случае неиспользования или минимального использования этих технологий отдельными группами населения, например пожилыми людьми старше 70 лет, можно говорить о развитом цифровом социальном капитале конкретного региона только в ограниченном контексте. При этом данные Росстата показывают ограниченность использования цифровых технологий населением в категории 15–74 лет. Рассмотренные пять категорий относятся к базовым цифровым компетенциям, тогда как более сложные цифровые навыки (например, использование определенных программных продуктов), требующих специальной квалификации, доступны скорее ограниченному кругу людей.

Анализ цифровизации российских регионов показывает, что в настоящее время существенного регионального цифрового неравенства не существует. Использование цифровых технологий достаточно велико (более 80%), и этот показатель сопоставим в разных регионах РФ. Аналогичная ситуация наблюдается, по данным Росстата, с наличием компьютеров у населения и использованием Интернета, что свидетельствует об относительно равномерной общей цифровизации российских регионов.

Обобщая приведенные выше данные по федеральным округам РФ, можно сделать вывод, что в регионах России наблюдаются значительные темпы цифровизации, однако имеются вышеуказанные ограничения (возраст респондентов,

сложность компетенций). Цифровизация может определяться как частной инициативой и потребностями граждан в цифровой среде, так и усилиями государства, в частности, посредством реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Результаты исследования не фиксируют прямой корреляции между «цифровым благополучием» конкретного региона и структурой населения региона. У молодых людей более высокий уровень цифрового капитала, тогда как у старших возрастных групп, которые являются основными получателями социальных услуг, наиболее острые проблемы с качеством цифрового капитала. Соответственно регионы с более молодой долей населения потенциально и фактически находятся в более выгодном положении с точки зрения формирования цифрового социального капитала.

Резюмируя представленные выше данные и оценки, представляется обоснованным сделать вывод о том, что развитие цифрового капитала региона определяется не только формированием цифровой среды, но и созданием условий для увеличения цифрового капитала населения. Данное обстоятельство предполагает создание ресурсных систем для различных социальных групп, в том числе молодежи и пожилых людей. Последним, с одной стороны, сложно освоить новые цифровые навыки; с другой стороны, эта категория граждан является основной среди потребителей социальных услуг, которые с каждым годом становятся все более технологичными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 3. С. 9–25. doi: 10.18721/JE.10301.

Букхорст А. Медиа- и информационная грамотность. Медийно-информационная грамотность для общества знаний. М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. С. 35–44.

Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. URL: www.rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.12.2023).

Касинская-Буддербег И. На пути к единому подходу к грамотности: медиа- и информационная грамотность // Медийно-информационная грамотность для общества знаний. М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. С. 23–28.

Савина Т. Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. 2018. № 3. С. 579–590. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.579>.

Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 87–98.

- Becker G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70, no. 5. P. 9–49.
- Billon M., Ezcurra R., Lera-López F. Spatial distribution of the Internet in the EU: Does geographical proximity matter? *European Planning Studies*. 2008. Vol. 16, no 1. P. 119–142. doi:10.1080/09654310701748009.
- Borodkina O.I., Sibirev V.A. The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. Vol. 19, no. 1. P. 129–142. doi: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.
- Bourdieu P. The Forms of Capital. In: J.G. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. NY : Greenwood Press. 1986. P. 241–258.
- Bourdieu P., L. Wacquant P. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 348 p.
- Coleman J. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 91, no 6. P. 1309–1335.
- Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
- Gilster P. *Digital Literacy*. NY : Wiley, 1997. 130 p.
- Molinuevo D. *Impact of Digitalisation on Social Services*. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020.
- Perron B., Taylor H., Glass J., Margerum-Leys J. Information and Communication Technologies in Social Work. *Advances in Social Work*. 2010. Vol. 11, no 2. P. 67–81.
- Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018. Vol. 35, no. 8. P. 2366–2375. doi:10.1016/j.tele.2018.10.006.
- Schulz T. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51, no. 1. P. 1–17.
- Spooner T. Internet Use by Region in the United States. Regional variations in Internet use mirror differences in educational and income levels, 2003. <http://www.pewinternet.org/2003/08/27/internet-use-by-region-in-the-u-s/> (дата обращения: 20.12.2023).
- Vicente M., López A. Assessing the regional digital divide across the European Union. *Telecommunications Policy*. 2011. Vol. 35, no 3. P. 220–237.

REFERENCES

- Babkin, A.V., Burkaltseva, D.D., Kosten, D.G., Vorobyev, Yu.N. (2017). Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*, 10(3), 9–25. doi: 10.18721/JE.10301 (In Russ.).
- Boekhorst, A. (2013). Media and Information Literacy. In: *Media and information literacy for the knowledge society* (pp. 35–44). Moscow : Mezhhregional'nyj centr bibliotekhnogo sotrudnichestva. (In Russ.).
- Results of federal statistical observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population available at the official web-*

site of the Federal State Statistics Service. <https://www.rosstat.gov.ru>

Kasinskaite-Buddeberg, I. (2013). Towards a unified approach to literacy: media and information literacy. In: *Media and information literacy for the knowledge society* (pp. 23–28). Moscow : Mezhhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva. (In Russ.).

Savina, T.N. (2018). Digital economy as a new development paradigm: challenges, opportunities and prospects. *Finansy i kredit*, 24(10), 579–590. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.579>. (In Russ.).

Sharikov, A. V. (2016). About the four-component model of digital literacy. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 14(1), 87–98. (In Russ.).

Becker, G. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, 70(5), 9–49.

Billon, M., Ezcurra, R., Lera-López, F. (2008). Spatial distribution of the Internet in the EU: Does geographical proximity matter? *European Planning Studies*, 16(1), 119–142. doi:10.1080/09654310701748009.

Borodkina, O. I., Sibirev, V. A. (2021). The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(1), 129–142. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142>.

Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In: J. G. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258). NY : Greenwood Press.

Bourdieu, P., L. Wacquant, P. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago : University of Chicago Press.

Coleman, J. (1986). Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*, 91(6), 1309–1335.

Coleman, J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*, 94, 95–120.

Gilster, P. (1997). *Digital Literacy*. NY : Wiley, 130.

Molinuevo, D. (2020). *Impact of Digitalisation on Social Services*. Luxembourg : Publications Office of the European Union.

Perron, B., Taylor, H., Glass, J., Margerum-Leys, J. (2010). Information and Communication Technologies in Social Work. *Advances in Social Work*, 11(2), 67–81.

Ragnedda, M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35(8), 2366–2375. doi:10.1016/j.tele.2018.10.006.

Schulz, T. (1961). Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 51(1), 1–17.

Spooner, T. (2003). Internet Use by Region in the United States. *Regional variations in Internet use mirror differences in educational and income levels*. <http://www.pewinternet.org/2003/08/27/internet-use-by-region-in-the-u-s/>

Vicente, M., López, A. (2011). Assessing the regional digital divide across the European Union. *Telecommunications Policy*, 35(3), 220–237.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бородкин Максим Александрович — исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Maksim A. Borodkin — researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 10.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL RESEARCHES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-07

Качество работы организаций отдыха и оздоровления детей в оценках родителей

Ирина Владимировна Долгорукова

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
dolgorukovaiv@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0003-2151-7116>

Ирина Валерьевна Шавырина

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
ShavyrinalV@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0003-0956-9992>

Аннотация. Целью данной работы является выявление качества работы организаций отдыха и оздоровления детей на основе социологической оценки отзывов родителей. В статье анализируются ключевые показатели качества детского отдыха и оздоровления, в числе которых — качество материально-технической базы учреждений, система обеспечения безопасности детей, качество питания и медицинского обслуживания и др. Были выделены нормативно-правовые основания организации детского отдыха и оздоровления и ключевые особенности его организации в регионах Российской Федерации. Для выявления ключевых тенденций были использованы результаты репрезентативных исследований, проведенных

крупными социологическими центрами, такими как ВЦИОМ, НАФИ и др. В основу работы легли также результаты, полученные авторами в ходе социологического исследования организации отдыха и оздоровления детей, оценки качества и удовлетворенности детским отдыхом, проведенного на базе Российского государственного социального университета осенью 2023 г. Участников отбирали по следующим критериям: проживание на территории Российской Федерации, наличие детей/внуков в возрасте от 7 до 18 лет. Были проанализированы наиболее популярные форматы детского отдыха и оздоровления, ключевые показатели качества организации рекреационной деятельности для детей на каникулах. По результатам исследования были выявлены распространенные в российских организациях детского отдыха и оздоровления методы и практики работы с детьми. Научная новизна исследования заключается в выявлении и измерении ключевых показателей качества детского отдыха и оздоровления в Российской Федерации. На основе полученных результатов авторами были сформулированы рекомендации по совершенствованию работы рекреационных детских учреждений.

Ключевые слова: качество социальных услуг, детский отдых и оздоровление, организация детского отдыха, учреждение детского отдыха и оздоровления

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по попечительству в социальной сфере Правительства РФ в рамках НИР на тему: «Анализ организации отдыха и оздоровления детей, оценка качества и удовлетворенности детским отдыхом».

Для цитирования: Долгорукова И.В., Шавырина И.В. Качество работы организаций отдыха и оздоровления детей в оценках родителей // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 103–115. doi: 10.14258/ssi(2024)1-07.

The Quality of Work of Children's Recreation and Health Organizations as Assessed by Parents

Irina V. Dolgorukova

Russian State Social University (RGSU), Moscow, Russia,
dolgorukovaiv@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0003-2151-7116>

Irina V. Shavyrina

Russian State Social University (RGSU), Moscow, Russia,
ShavyrinalV@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0003-0956-9992>

Abstract. The purpose of this work is to identify the quality of work of recreation and recreation organizations for children based on a sociological assessment of parental feedback. The article analyzes the key indicators of the quality of children's recreation and recreation, including the quality of the material and technical base of institutions, the system of ensuring the safety of children, the quality of nutrition and medical care, and others. The regulatory and legal bases for the organization of children's recreation and recreation and the key features of its organization

in the regions of the Russian Federation were highlighted. To identify key trends, the results of representative studies conducted by major sociological centers such as VTSIOM, NAFI and others were used. The work is also based on the results obtained by the authors during a sociological study of the organization of recreation and recreation for children, an assessment of the quality and satisfaction with children's recreation, conducted on the basis of the Russian State Social University in the fall of 2023. The participants were selected according to the following criteria: residence in the territory of the Russian Federation, the presence of children/grandchildren aged 7 to 18 years. The most popular formats of children's recreation and recreation, key indicators of the quality of recreational activities for children on vacation were analyzed. According to the results of the study, common methods of working with children in Russian organizations of children's recreation and recreation were identified. The scientific novelty of the research lies in the identification and measurement of key indicators of the quality of child

Keywords: the quality of social services, children's recreation and wellness, organization of children's recreation, institution of children's recreation and wellness

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Council for Guardianship in the Social sphere of the Government of the Russian Federation within the framework of research on the topic: "Analysis of the organization of recreation and health improvement of children, assessment of quality and satisfaction with children's recreation".

For citation: Dolgorukova, I.V., Shavyrina, I.V. (2024). The Quality of Work of Children's Recreation and Health Organizations as Assessed by Parents. *Society and Security Insights*, 7(1), 103–115. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-07.

Введение

Актуальность проблематики детского отдыха и оздоровления связана с ростом интереса широкой общественности и научного сообщества к тому, как дети проводят каникулярный досуг и какую роль в досуговой деятельности ребенка играют учреждения, оказывающие рекреационные услуги. К таким организациям сегодня могут быть отнесены дневные лагеря, детские оздоровительные лагеря, лагеря-санатории, семейные санатории, детские оздоровительные лагеря санаторного типа, центры юношеского и детского туризма, детские оздоровительные центры и др. Качество работы таких учреждений крайне важно с точки зрения обеспечения возможностей рекреации, дополнительного обучения и социализации детей школьного возраста. Измерение и оценка качества детского отдыха и оздоровления становится сегодня объектом пристального внимания социологов и осуществляется на основе различных подходов и методических приемов социологического анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы И. А. Бирича (2023), В. А. Волгунова (2005), Т. В. Козыревой (2015), Н. П. Лушкиной (2005), Л. В. Поповой (2018), Е. Н. Сорочинской (2010), Г. С. Суховейко (2007), в рамках которых рассматриваются основные векторы развития современного российского образования, парадигмы социального воспитания подрастающего поколения, а также модели, принципы и условия формирования воспитательной среды детского оздоровительного лагеря в контексте современной социальной политики.

Вопросы организационного регулирования детского оздоровления и отдыха на государственном и региональном уровнях рассматриваются в работах А. М. Ветитнева (2012), А. В. Джеуса (2011), А. А. Левитской (2012), А. А. Юрова (2011) и др. Тем не менее оценка качества оказания услуг детского оздоровления и отдыха осуществляется в основном с позиции методологии таких научных дисциплин, как экономика, психология, педагогика и др. Это послужило основанием для социологического анализа показателей качества работы организаций отдыха и оздоровления детей в оценках родителей.

Методы исследования

Для изучения общностей каникулярного отдыха детей в семье авторы использовали такие методы общенаучного познания, как системный анализ и синтез, а также социологические методики, такие как онлайн-опрос и вторичный анализ данных.

Осенью 2023 г. Российским государственным социальным университетом был организован онлайн-опрос, целью которого стало выявление особенностей организации отдыха и оздоровления детей, оценка качества и удовлетворенности детским отдыхом. Среди прочих показателей анализировались виды и типы семейного каникулярного досуга, эффективность организации отдыха детей в семье и родительского контроля в каникулярные периоды. Выборка включала жителей российских городов и сельских поселений, имеющих детей/внуков, которые побывали в учреждениях детского отдыха и оздоровления в 2022–2023 гг. В онлайн-опросе приняли участие 4534 респондента. Был реализован направленный тип выборки. Критериями отбора выступали следующие характеристики респондентов: проживание на территории Российской Федерации, наличие детей/внуков, которые побывали в учреждениях детского отдыха и оздоровления в 2022–2023 гг.

Результаты

1. Организация отдыха и оздоровления детей в Российской Федерации

Деятельность по организации детского отдыха и оздоровления в Российской Федерации регламентируется Национальным стандартом РФ «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления (ГОСТ Р 52887-2018), действующим с 1 марта 2019 г. (далее — Стандарт).¹ Стандартом установлены виды и формы данных услуг, их состав и порядок предоставления. В соответствии со Стандартом качество услуг должно обеспечиваться наличием и состоянием документации; укомплектованностью организации отдыха и оздоровления специалистами, уровнем их квалификации; условиями размещения организации отдыха и оздоровления; техническим оснащением; наличием системы внутреннего контроля.

В 2023 г. организация отдыха и оздоровления детей в регионах Российской Федерации была основана прежде всего на программах и проектах Общероссийского движения детей и молодежи «Движение Первых», а также национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». В регионах были реализованы

¹ Об утверждении национального стандарта Российской Федерации: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31.07.2018. № 444-ст.

профильные смены «Время первых» по направлениям: спорт и здоровье, медиа и коммуникации, культура и искусство, туризм и дипломатия, наука и технологии, экология, волонтерство и патриотизм¹.

К особенностям организации отдыха и оздоровления детей в регионах можно отнести губернаторские проекты. Так, например, в Ярославской области был реализован проект «Артек Ярославии», направленный на содействие в раскрытии потенциала одаренных детей (осуществляется бесплатно)². В Ленинградской области реализованы проекты «Киноканикулы», «Губернаторский молодежный трудовой отряд», «Инженерные каникулы» (научно-технический интенсив), «Точка роста» в школах сельской местности. В Республике Коми для многодетных семей с семьей и более детьми летний отдых детей был бесплатным³, а в Ямало-Ненецком автономном округе были впервые организованы билингвальные смены в летних лагерях⁴. Для детей из арктических регионов Приморья была реализована программа «Дети Арктики»⁵.

Таким образом, реализация региональных программ детского отдыха и оздоровления сегодня в основном связана с географическими особенностями региона, его инфраструктурным и социально-экономическим развитием.

2. Удовлетворенность качеством питания и медицинского обслуживания в организациях отдыха и оздоровления детей

Согласно результатам исследования, качество питания в организациях отдыха и оздоровления детей находят удовлетворительным только 51,6% опрошенных. В зависимости от организационно-правовой формы учреждения детского отдыха большую удовлетворенность качеством питания высказали опрошенные, чьи дети отдыхали в частном лагере, — 59,4%. Неудовлетворенность качеством питания высказали родители детей, отдыхающих в республиканских (52,7%), ведомственных (52,2%), а также муниципальных (52,1%) лагерях (рис. 1).

Наибольшую неудовлетворенность у родителей вызывает наличие невкусных блюд (56,1%), недостаточное разнообразие блюд (39,7%), отсутствие магазина, в котором ребенок может приобрести дополнительные продукты (25,2%), невозможность выбора специального типа питания (диетическое, вегетарианское, антиаллергенное и др.) (19,3%), а также недостаточный объем питания (18,1%) (рис. 2).

¹ РДДМ «Движение Первых». URL: <https://будвдвдвижении.рф/shifts> (дата обращения: 21.01.2024).

² Тематическая смена в рамках губернаторского проекта «Артек Ярославии» // Департамент образования. URL: https://www.yarregion.ru/depts/dobr/Pages/Artek_Yaroslavii.aspx (дата обращения: 08.02.2024).

³ В Коми 700 детей участники СВО смогут летом бесплатно отдохнуть и оздоровиться // Комиинформ. URL: <https://komiinform.ru/news/248290/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Для ямальских школьников впервые организуют билингвальные смены в летних лагерях. URL: <https://leto.yanao.ru/news/23/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ «Дети Арктики-2023»: работает программа по организации детского отдыха. URL: <https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/deti-arktiki-2023-rabotaet-programma-po-organizacii-detskogo-otdyha> (дата обращения: 08.02.2024).

Рисунок 1 — Распределение ответов на вопрос «Насколько Ваш ребенок был удовлетворен качеством питания во время отдыха?» в зависимости от организационно-правовой формы учреждения детского отдыха, процент от общего числа опрошенных.

Figure 1 — Distribution of answers to the question “How satisfied was your child with the quality of food during rest?” depending on the organizational and legal form of the children’s recreation institution, in % of the total number of respondents.

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос «Какие параметры организации питания вызвали у ребенка недовольство?», процент от общего числа опрошенных, не удовлетворенных качеством питания.

Figure 2 — Distribution of answers to the question “What parameters of nutrition organization caused the child’s dissatisfaction?”, in % of the total number of respondents dissatisfied with the quality of nutrition.

Удовлетворенность качеством медицинского обслуживания ребенка во время отдыха выразили только 46,7% опрошенных. В зависимости от организационно-правой формы учреждения детского отдыха в наибольшей степени удовлетворены качеством медицинского обслуживания родители, чьи дети отдыхали в государственном (53,2%) и частном (52,2%) лагерях, не удовлетворены качеством медицинского обслуживания в ведомственном (51,5%), республиканском (50,5%), а также муниципальном (44,5%) лагерях.

Недовольство качеством медицинского обслуживания было вызвано наличием устаревшего медицинского оборудования и отсутствием необходимых медикаментов (45,9%), заболевшие дети не изолировались от здоровых (32,0%), а также не оказывалась своевременно помощь (29,1%) (рис. 3).

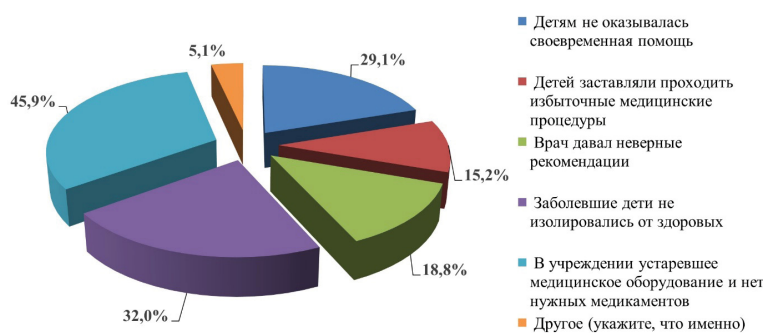

Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос «Какие параметры организации медицинского обслуживания вызвали недовольство?», процент от общего числа опрошенных, не удовлетворенных медицинским обслуживанием.

Figure 3. — Distribution of answers to the question “What parameters of the organization of medical care caused dissatisfaction?”, in % of the total number of respondents dissatisfied with medical care.

В целом опрошенные высказали удовлетворенность качеством питания и медицинского обслуживания в организациях отдыха и оздоровления детей, но при этом в ведомственных, республиканских, а также муниципальных лагерях показатель неудовлетворенности значительно выше.

3. Удовлетворенность материально-технической базой и обеспечением безопасности в организациях отдыха и оздоровления детей

Согласно полученным данным, только 42,9% родителей в целом удовлетворены материально-техническим обеспечением и уровнем развития инфраструктуры в организациях отдыха и оздоровления детей. Родители, чьи дети отдыхали в частных лагерях, выражают большую удовлетворенность материально-технической базой (55%), в то время как наблюдается неудовлетворенность материально-технической базой в ведомственных (58,6%), республиканских (58,2%), муниципальных (57,1%) лагерях.

Рисунок 4 — Распределение ответов на вопрос «Какие параметры материально-технического обеспечения и уровня развития инфраструктуры учреждения вызвали у ребенка недовольство?», процент от общего числа опрошенных, не удовлетворенных качеством материально-технического обслуживания и развития инфраструктуры.

Figure 4 — Distribution of answers to the question “What parameters of material and technical support and the level of infrastructure development of the institution caused dissatisfaction in the child?”, in % of the total number of respondents dissatisfied with the quality of material and technical services and infrastructure development.

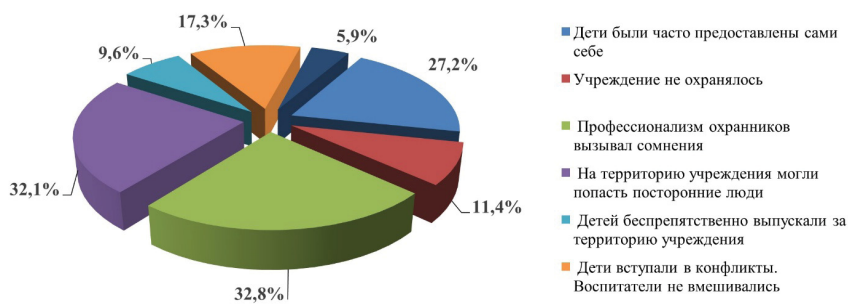

Рисунок 5 — Распределение ответов на вопрос «Какие параметры обеспечения безопасности детей во время отдыха вызвали недовольство?», процент от общего числа опрошенных, не удовлетворенных качеством обеспечения безопасности детей во время отдыха.

Figure 5. — Distribution of answers to the question “What parameters of ensuring the safety of children during rest caused dissatisfaction?”, in % of the total number of respondents dissatisfied with the quality of ensuring the safety of children during rest.

К числу параметров материально-технического обеспечения и уровня развития инфраструктуры учреждения, вызвавших наибольшее неудовлетворение, можно отнести устаревшее оборудование (электрические приборы, сантехника,

компьютеры, отсутствие доступа к Wi-Fi и др., 43,1%), ветхая мебель (37,9%), отсутствие ремонта помещений (37,8%), отсутствие спортивной инфраструктуры (бассейн, спортивный зал, спортивная площадка и др., 33,0%), а также отсутствие необходимых гигиенических условий (замена белья, уборка помещений, возможность выстирать/высушить свои вещи и др., 29,7%) (рис. 4).

Острой проблемой явился доступ к Wi-Fi. Так, 37,8% респондентов указали на отсутствие доступа к Wi-Fi, 30,5% отметили, что доступ к Wi-Fi предоставлялся в определенных местах, соответственно только 31,7% указали на наличие доступа к Wi-Fi на всей территории. Проблема доступа к Wi-Fi распространяется на все типы учреждений, но при этом особенно очевидна данная проблема в лагерях с дневным пребыванием — на отсутствие доступа к Wi-Fi указали 54,2%.

Уровень обеспечения безопасности детей во время отдыха (наличие охраны, видеонаблюдение и др.) высоко оценили 36,2% респондентов, на среднем уровне — 51,5%. Недовольство родителей было связано с определенным сомнением в профессионализме охранников (32,8%), с возможностью посещения территории посторонними людьми (32,1%), невниманием к детям, которые часто были предоставлены сами себе (27,2%) (рис. 5).

В целом респонденты выразили достаточно высокую удовлетворенность материально-технической базой и обеспечением безопасности в организациях отдыха и оздоровления детей, но при этом наблюдается определенная зависимость между организационно-правовой формой учреждения (материально-техническая база республиканских, муниципальных и ведомственных лагерей вызывает большее неудовлетворение). При оценке уровня обеспечения безопасности детей во время отдыха в большей степени вызывает сомнение уровень профессионализма охранников учреждения.

Обсуждение

Проблематика детского отдыха и оздоровления достаточно часто сегодня становится предметом эмпирических исследований. Это связано с востребованностью этого вида рекреационных услуг и возрастающей необходимостью совершенствования качества детского отдыха. Однако достаточно часто такие исследования концентрируют внимание на отдельных аспектах организации рекреационной деятельности для детей, оставляя без внимания другие.

Так, в 2022 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения было проведено всероссийское обследование семей, в которых дети отдыхали в летних оздоровительных лагерях. Был сделан вывод о том, что в целом востребованность лагерного отдыха сохраняется на одном уровне: каждый пятый родитель сообщил, что в последние 2–3 года отправлял туда хотя бы одного из своих детей (19%, 2020 г. — 22%)¹. Тем не менее результаты исследования выявили ряд опасений в родительской среде, связанных прежде всего с недостаточным вниманием руководства лагеря к санитарно-эпидемиологической ситуации. Эти тревоги во многом могут

¹ Дети летом: дома или в лагере? 2022 год отдыха // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-letom-doma-ili-v-lagere> (дата обращения: 10.02.2024)

быть следствием недавней пандемии и страхами, связанными с ее возможным возвращением. В 2023 г. такие опасения отходят на второй план в сравнении с желанием обеспечить безопасность ребенка, но при этом и сэкономить на путевке.

Напротив, результаты исследования, проведенного Национальным агентством финансовых исследований в 2022 г., свидетельствуют о незначительной популярности организованного отдыха. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что наиболее популярным форматом детского отдыха у россиян остается сегодня дачный отдых и поездки на природу с родителями. Причем в качестве основной причины отказа от организованного формата детского отдыха в лагерях называется дороговизна путевок¹.

Но такие факторы востребованности услуг организаций детского отдыха и оздоровления, как материально-техническая оснащенность учреждения, качество питания, обеспечение безопасности, медицинские услуги и др., не были учтены. Однако результаты авторского социологического исследования показали, что данные параметры являются весьма значимыми при выборе родителями формата отдыха для ребенка.

Заключение

Социологический анализ организации отдыха и оздоровления детей, качества и удовлетворенности детским отдыхом, проведенный в 88 регионах Российской Федерации, показал, что родители в целом удовлетворены пребыванием детей в учреждениях отдыха и оздоровления (59,5%). В целом опрошенные высказали удовлетворенность качеством питания и медицинского обслуживания в организациях отдыха и оздоровления детей, но при этом в ведомственном, республиканском, а также муниципальном лагерях показатель полной и частичной неудовлетворенности значительно выше.

Как показали результаты опроса, материальная база учреждений детского отдыха требует регулярного обновления. Острой проблемой явился доступ к Wi-Fi, она распространяется на все типы учреждений, но особенно ощутима в лагерях с дневным пребыванием. При оценке уровня обеспечения безопасности детей во время отдыха в большей степени вызывает сомнение уровень профессионализма охранников учреждения.

Важно обратить внимание на мероприятия по совершенствованию и модернизации инфраструктуры лагерей и повышению качества услуг, оказываемых отдыхающим детям. Необходима разработка разнообразного и сбалансированного рациона, позволяющего выбрать специальный тип питания (диетическое, антиаллергенное, белковое и др.), увеличение объема порций и вкусовых характеристик приготовленной пищи. Принципиально важно обновление медицинского оборудования, приобретение необходимых медикаментов, оборудование отдельных боксов для заболевших детей. Респонденты отмечали важность модернизации ин-

¹ Всероссийский социологический опрос. 41% родителей хотели бы воспользоваться программой детского туристического кешбэка. Исследование НАФИ (2022 год) [Электронный ресурс] // URL: <https://nafi.ru/analytics/41-roditeley-vospolzuyutsya-programмой-detskogo-turisticheskogo-keshbeka/> (Дата обращения: 10.02.2024)

фраструктуры учреждений детского отдыха (бассейн, спортивный зал, спортивная площадка и др.); предоставление возможности пользоваться Интернетом через Wi-Fi в специально отведенных местах; осуществление тщательного подбора охранных агентств и профессиональных кадров, осуществляющих охранную деятельность.

В заключение можно сказать, что в восприятии родителей система организации детского отдыха и оздоровления работает отлаженно и стабильно. Однако важно непрерывно совершенствовать этот механизм, разрабатывать программы и мероприятия, направленные на популяризацию новых, современных, актуальных для подростков, отвечающих вызовам цифровых технологий видов отдыха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

В Коми 700 детей участников СВО смогут летом бесплатно отдохнуть и оздоровиться / Комиинформ // URL: <https://komiinform.ru/news/248290/> (дата обращения: 08.02.2024).

Ветитнев А. М., Оргина Е. В. Региональные особенности организации отдыха и оздоровления детей в новых нормативно-правовых и экономических условиях // Сервис plus. 2012. № 1. С. 20–29.

Волгунов В. А., Зайкин М. И. Воспитательная среда детского оздоровительного лагеря: модель, принципы и условия формирования. Н. Новгород : Растр-НН, 2005. 238 с.

Всероссийский социологический опрос. 41% родителей хотели бы воспользоваться программой детского туристического кешбэка / Исследование НАФИ (2022 год) // URL: <https://nafi.ru/analytics/41-roditeley-vospolzuyutsya-programmoj-detskogo-turisticheskogo-keshbeka-/> (дата обращения: 10.02.2024).

Гуманизм и пути развития российского образования : коллектив. моногр. / И. А. Бирич, Б. Н. Бессонов, В. М. Кондратьев и др. М. : Издательский дом «Русская философия», 2023. 210 с.

Дети Арктики-2023: работает программа по организации детского отдыха. URL: <https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/deti-arktiki-2023-rabotaet-programma-po-organizacii-detskogo-otdyha> (дата обращения: 08.02.2024).

Дети летом: дома или в лагере? 2022 год отдыха // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-letom-doma-ili-v-lagere> (дата обращения: 10.02.2024).

Джеус А. В. Детское лагерное движение России // Народное образование. 2011. № 3. С. 32–36.

Для ямальских школьников впервые организуют билингвальные смены в летних лагерях. URL: <https://leto.yanao.ru/news/23/> (дата обращения: 08.02.2024).

Козырева Т. В. Взаимодействие социальных и личностных факторов развития инновационных процессов в образовании // Личность в процессе социализации : коллектив. моногр. / под ред. В. А. Мищенко. Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2015. С. 212–234.

Левитская А. А. Государственная политика в сфере отдыха и оздоровления уча-

щихся // Народное образование. 2012. № 3. С. 11–14.

Лушкина Н. П., Барабанова Н. А., Литвинова Е. В. Особенности образа жизни детей, находящихся на отдыхе во всероссийском детском центре «Орленок» // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2005. № 4. С. 80–84.

Попова Л. В. Особенности менторства как формы сотрудничества и развития в образовании одаренных обучающихся // Нижегородское образование. 2018. № 2. С. 4–9.

Сорочинская Е. Н. Проблема совершенствования парадигмы социального воспитания // Педагогическое образование в России. 2010. № 1. С. 18–24.

Суховейко Г. С. Детский оздоровительный отдых как неотъемлемая часть современной социальной политики: Тезисы науч.-практ. конф. Новосибирск: Центр гуманитарной литературы, 2007. 96 с.

Тематическая смена в рамках губернаторского проекта «Артек Ярославии» // Департамент образования. URL: https://www.yarregion.ru/depts/dobr/Pages/Artek_Yaroslavii.aspx (дата обращения: 08.02.2024).

Юров А. А. Совершенствование государственных механизмов развития системы детского оздоровления (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. экон. наук. Сочи, 2011. 173 с.

REFERENCES

In Komi, 700 children of the participants will be able to relax and improve their health in the summer for free. <https://komiinform.ru/news/248290/> (In Russ.).

Vetitnev, A. M., Orgina, E. V. (2012). Regional features of the organization of recreation and recreation for children in new regulatory and economic conditions. *Service plus*, 1, 20–29. (In Russ.).

Volgunov, V. A., Zajkin, M. I. (2005). *Educational environment of a children's health camp: Model, principles and conditions of formation*. N. Novgorod : Rastr-NN. (In Russ.).

All-Russian sociological survey. 41% of parents would like to use the children's travel cashback program. *NAFI Research* (2022). [https://nafi.ru/analytics/41-roditeley-vospolzuyutsya-programmoy-detskogo-turisticheskogo-keshbeka -/](https://nafi.ru/analytics/41-roditeley-vospolzuyutsya-programmoy-detskogo-turisticheskogo-keshbeka-/) (In Russ.).

Humanism and the ways of development of Russian education: the collective monograph. (2023) Birich, I. A., Bessonov, B. N., Kondratiev, V. M. et al. Moscow : Izdatel'skij dom «Russkaya filosofiya» (In Russ.).

Children of the Arctic-2023: there is a program for organizing children's recreation. <https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/deti-arktiki-2023-rabotaet-programma-po-organizacii-detskogo-otdyha> (In Russ.).

Children in summer: at home or at camp? *The year 2022, VTSIOM recreation.* <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-letom-doma-ili-v-lagere> (In Russ.).

Dzheus, A. V. (2011). The children's camp movement of Russia. *Narodnoe obrazovanie*, 3, 32–36 (In Russ.).

Bilingual shifts in summer camps are organized for Yamal schoolchildren for the first time. <https://leto.yanao.ru/news/23/> (In Russ.).

Kozyreva, T. V. (2015). Personality in the process of socialization. In: V. A. Mishchenko (Ed.), *Interaction of social and personal factors in the development of innovative processes in education* (pp. 212–234). Khanty-Mansiysk : Yugorskij gosudarstvennyj universitet (In Russ.).

Levitskaya, A. A. (2012). State policy in the field of recreation and health improvement of students. *Narodnoe obrazovanie*, 3, 11–14 (In Russ.).

Lushkina, N. P., Barabanova, N. A., Litvinova E. V. (2005). Features of the lifestyle of children on vacation at the All-Russian children's center "Orlenok". *The Russian Academy of Medical Sciences. Bulletin of the National Research Institute of Public Health*, 4, 80–84 (In Russ.).

Popova, L. V. (2018). Features of mentoring as a form of cooperation and development in the education of gifted students. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2, 4–9 (In Russ.).

Sorochinskaya, E. N. (2010). The problem of improving the paradigm of social education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 1, 18–24 (In Russ.).

Sukhoveyko, G. S. (2007). *Children's health recreation as an integral part of modern social policy*. Novosibirsk: Centr gumanitarnoj literatury (In Russ.).

Thematic shift within the framework of the governor's project "Artek Yaroslavii". https://www.yarregion.ru/depts/dobr/Pages/Artek_Yaroslavii.aspx.

Yurov, A. A. (2011). *Improvement of state mechanisms for the development of the child health improvement system (based on the materials of the Krasnodar Territory)* (PhD thesis). https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005390717.pdf (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ирина Владимировна Долгорукова — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия.

Irina V. Dolgorukova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Ирина Валерьевна Шавырина — канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия.

Irina V. Shavyrina — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2024;
принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 11.02.2024;
approved after reviewing 20.02.2024;
accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 316.654, 330.163.12

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-08.

Вакцинацию детей от COVID-19 в период пандемии считали необходимой 38% родителей, но согласились бы на нее лишь 13%

Анна Викторовна Столь

Институт стратегических исследований Академии наук
Республики Башкортостан, Уфа, Россия,
stolav@isi-rb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9528-2893>

Аннотация. В период пандемии COVID-19 в обществе усилились протестные настроения по отношению к вакцинации детей, что подтверждают исследования в разных странах мира. Целью работы является оценка общественного мнения по отношению к вакцинации детей по результатам социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан в феврале 2022 г., и ее сравнительный анализ с аналогичными исследованиями в других регионах России и странах мира. Выявлено, что в России, и в частности в Башкортостане, доверие к детским вакцинам от COVID-19 меньше, чем в ряде других стран, что повлияло на более низкие темпы вакцинирования детей от COVID-19 в период пандемии после одобрения этих вакцин по итогам клинических испытаний. В Башкортостане 38% опрошенных родителей в 2022 г. считали вакцинацию детей от COVID-19 необходимой, но согласились бы на нее лишь 13%, 68% отказались бы от ее проведения для своих детей. Выявленная в ходе опроса острота реакции родителей способствовала смягчению в регионе требований к вакцинированию подростков 12–17 лет.

Ключевые слова: вакцинация детей, COVID-19, социологический опрос

Финансирование: исследование выполнено согласно государственному заданию Института стратегических исследований на 2024 г.

Благодарности: автор благодарит С. В. Егорышева — руководителя Научного центра изучения социального развития региона за помощь в проведении исследования и формулировке вопросов анкеты, Министерство образования и науки РБ, принявшее непосредственное участие в организации социологического опроса, а также всех родителей РБ — участников социологического опроса.

Для цитирования: Столь А.В. Вакцинацию детей от COVID-19 в период пандемии считали необходимой 38% родителей, но согласились бы на нее лишь 13% // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 116–136. doi: 10.14258/ssi(2024)1-08.

Vaccination of Children Against COVID-19 During the Pandemic was Considered Necessary by 38% of Parents, but Only 13% Would Agree to it

Anna V. Stol

Institute for Strategic Studies GBNU Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia,
stolav@isi-rb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9528-2893>

Abstract. During the COVID-19 pandemic, protest sentiments have intensified in society towards vaccination of children, especially against COVID-19, which was in line with studies in different countries of the world. The purpose of the work was to assess public opinion in relation to vaccinating children using the example of the Republic of Bashkortostan based on the results of a sociological survey conducted in February 2022 and their comparative analysis with similar studies in other regions of Russia and countries of the world. It has been revealed that in Russia and Bashkortostan, in particular, confidence in children's vaccines against COVID-19 is less than in a number of other countries, which influenced the lower rate of vaccination of children against COVID-19 during the pandemic after the approval of these vaccines based on the results of clinical trials. 38% of parents surveyed in Bashkortostan in 2022 considered vaccination of children against COVID-19 necessary, but only 13% would agree to it, 68% would refuse it for their children. The severity of parents' reactions revealed during the survey contributed to the relaxation of vaccination requirements for adolescents aged 12-17 years in the region.

Keywords: childhood vaccination, COVID-19, sociological survey

Financing: the research is carried out in accordance with the state assignment to the Institute for Strategic Studies for 2024.

Acknowledgements: we thank S.V. Egoryshev — the Director of the Scientific Center for the Study of Social Development of the Region for assistance in the research and formulation of the questionnaire, the Ministry of Education and Science of the Republic of Bashkortostan, which took part in organizing the sociological survey, as well as all the parents of the Republic of Bashkortostan who participated in the sociological survey.

For citation: Stol, A.V. (2024). Vaccination of Children Against COVID-19 During the Pandemic was Considered Necessary by 38% of Parents, but Only 13% Would Agree to it. *Society and Security Insights*, 7(1), 116–136. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-08.

Введение

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку коронавирусной инфекции эпидемией, а спустя три года — 5 марта 2023 г. — об окончании пандемии COVID-19¹. Пандемия COVID-19 превратилась в глобальную чрезвычайно острую не только медицинскую, но и социальную проблему (Егорышев, Гимаев, 2021).

Проблемы распространения COVID-19 и профилактики снижения заболеваемости, сокращения негативных последствий, включая вопросы вакцинации

¹ ВОЗ объявила об окончании пандемии COVID-19. URL: <https://rg.ru/2023/05/09/virus-ne-ushel.html>

и готовности населения к ней, остаются актуальными, несмотря на то что пандемию признали завершённой. Отношение населения к мерам в период пандемии, принимаемым правительствами разных стран, включая обязательную вакцинацию, показало наличие острых противоречий в обществе по отношению к медицине и вакцинации, в частности наличие потенциальных конфликтов, источников социальных протестов. Отношение населения к вакцинации требует исследования, оценок и анализа, на основе чего возможно обсуждение приемлемых и эффективных мер обеспечения безопасности в условиях пандемий, с которыми, вероятно, человечество столкнется еще не раз. Особенно возросла во время пандемии актуальность темы вакцинации детей и доверия к вакцинам, о чем свидетельствует исследование Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ): снижение доверия происходило на фоне крупнейшего за последние 30 лет устойчивого спада в сфере иммунизации детей, вызванного пандемией COVID-19. Пандемия прервала вакцинацию детей почти повсеместно, особенно из-за высоких требований к системам здравоохранения, отвлечения ресурсов иммунизации на вакцинацию против COVID-19, нехватки медицинских работников и мер по пребыванию дома (UNICEF, 2023). В числе факторов снижения доверия к вакцинам — дезинформация, снижение доверия к экспертам и политическая поляризация¹.

Россия в целом отставала от среднемировых значений в показателях вакцинации от COVID-19 и взрослых, и детей. На сайте <https://covid19.who.int/> представлена информация Всемирной организации здравоохранения по статистике заболеваемости COVID-19 и вакцинирования в мире. Так, по состоянию на январь 2024 г. во всем мире было зарегистрировано свыше 774 млн подтвержденных случаев заболевания COVID-19, в том числе почти 7 млн случаев с летальным исходом. Несмотря на объявление о завершении пандемии, вакцинация продолжается. По состоянию на 19 февраля 2024 г. всего введено около 13,59 млрд доз вакцины. Суммарные дозы вакцины, введенные на 100 чел. населения, в мире составили на эту дату 170,16, в РФ этот показатель ниже — 129. Лица, полностью вакцинированные последней дозой первичной серии, в расчете на 100 чел. составляют в мире в среднем 67, в РФ — 55 (WHO, 2023). В настоящее время ежедневно вводится 4549 доз, что существенно снизилось по сравнению с периодом пандемии. Только 32,6% людей в странах с низким уровнем дохода получили хотя бы одну дозу (Our World in Data, 2023).

По данным сайта stopkoronavirus.rf коллективный иммунитет, который рассчитывается в соответствии с эпидемиолого-математической моделью достижения коллективного иммунитета против новой коронавирусной инфекции в Российской Федерации, по состоянию на 8 августа 2022 г. составлял 8,6%.

Эксперты за рубежом в целом скептически относились к формированию коллективного иммунитета к коронавирусу из-за дельта-штамма, который распространялся среди полностью привитых людей. Так, Американское общество инфекционных болезней подсчитало, что новый штамм COVID-19 поднял порог выработки

¹ Во время пандемии в мире снизилось доверие к вакцинации // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/04/1440177>

коллективного иммунитета до уровня более 90%¹. Тем не менее показатель коллективного иммунитета использовался для оценки скорости и рисков распространения заболеваемости. Целевые значения достижения коллективного иммунитета в России по заявлениям официальных лиц варьировали от 60 до 90%². В условиях появления новых вариантов SARS-CoV-2, снижения тяжести течения заболевания, портал стопкоронавирус.рф приостановил подсчет данных о коллективном иммунитете против коронавирусной инфекции и числе вакцинированных³.

Критика применения понятия коллективного иммунитета не снижает актуальности и важности вакцинирования, так как эффективность вакцинирования клинически исследована и продолжает исследоваться. Например, в странах, которые достигли самого высокого уровня вакцинации, уровень смертности резко упал, есть также клинические подтверждения эффективности бустерных доз вакцин⁴.

Таким образом, обсуждение мер профилактики заболеваний и готовности общества к вакцинированию остается актуальным вопросом для целей минимизации заболеваемости, снижения нагрузки на систему здравоохранения и снижения негативных последствий для здоровья населения. Вакцинация как метод профилактики и предотвращения распространения болезней имеет ряд ограничений: наличие клинически испытанных эффективных вакцин, экономические возможности правительств наладить производство вакцин в необходимом количестве и медицину, способную обеспечить быстрый процесс вакцинирования, а также готовность населения вакцинироваться. В данной работе исследуется именно последний аспект, отражающий отношение населения к вакцинации одной из уязвимых категорий населения — детей, на примере отношения к вакцинации от COVID-19 детей в Республике Башкортостан Российской Федерации.

Цель данной работы — отразить итоги социологического исследования отношения родителей по вопросу вакцинирования детей от COVID-19, проведенного зимой 2022 г., и сравнить их с аналогичными исследованиями других авторов. Методы исследования — социологический опрос родителей школьников Республики Башкортостан.

В июне 2021 г. Всемирная организация здравоохранения впервые признала, что детей можно вакцинировать от коронавируса. Прививочная кампания должна была проходить в менее срочном порядке, если дети не входили в группу ри-

¹ Коллективный иммунитет к коронавирусу в России. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-herd-immunity>

² Коллективный иммунитет к коронавирусу в России. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-herd-immunity/>; Уровень коллективного иммунитета от COVID-19 в РФ приблизился к 50% // INTERFAX.RU. URL: <https://www.interfax.ru/russia/802245>

³ О публикации данных о коллективном иммунитете против коронавирусной инфекции и числе вакцинированных. URL: <https://стопкоронавирус.рф/news/20230307-1026.html>

⁴ Randall T., Sam C., Tartar A., Murray P. and Cannon C. Covid-19 Vaccine Tracker: Latest Updates, Global Distribution // <https://www.bloomberg.com/graphics/covid-vaccine-tracker-global-distribution/>; Ученые выяснили, что бустерная прививка на 95% увеличивает защиту от «омикрона» у пожилых // INTERFAX.RU. URL: <https://www.interfax.ru/world/818822/>; BioNTech и Pfizer сообщили о высокой эффективности бустерной дозы своей вакцины от ковида // ТАСС. 2021. 21 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12725797>

ска, поскольку они, как правило, переносили COVID-19 в более легкой форме, чем взрослые ¹.

К осени 2021 г. США, Канада, Израиль, Сингапур, Япония, Китай и большая часть европейских государств уже запустили прививки для населения 12–18 лет. За три недели с момента авторизации вакцины Pfizer-BioNTech для детей 5–11 лет в США охват составил 10% населения в этой возрастной группе. Коста-Рика оказалась первой в мире страной, которая вакцинацию от коронавируса внесла в обязательный календарь детских прививок для всех детей начиная с пяти лет. В Китае хотя бы первую дозу вакцины получили около половины детей в возрасте 3–11 лет к осени 2021 г. ²

Несмотря на активные меры правительств отношение населения к вакцинации детей противоречиво, не все были согласны с подходом обязательности вакцинации, особенно болезненно обществом во многих странах воспринималась вакцинация детей именно от COVID-19, доверие вакцинам от других заболеваний, несмотря на некоторое снижение, оставалось высоким.

Опрос Pew Research Center среди 10 701 взрослого населения США был проведен 13–19 марта 2023 г. с целью изучения общественного мнения о вакцинах. Американцы по-прежнему твердо верят в общую ценность детских вакцин, и за последние четыре года ничего не изменилось в подавляющем большинстве среди тех, кто говорил, что польза от детских вакцин против кори, эпидемического паротита и краснухи (MMR) перевешивает риски, согласно результатам исследовательского центра Pew. Результаты опроса подчеркнули значительный разрыв между более высоким общественным доверием к детским вакцинам и более низкими рейтингами вакцин против COVID-19. Поскольку пандемия COVID-19 в США подошла к концу, американцы разделились на три группы в зависимости от своих решений о вакцинации. Примерно треть взрослого населения США (34%) с энтузиазмом относились к вакцинам и прошли ревакцинацию, полностью вакцинированы. Аналогичная доля населения (33%) включала тех, кто полностью вакцинирован, но не прошел ревакцинацию, у многих из них были вопросы к безопасности и эффективности вакцин против COVID-19. 21% взрослого населения США отказались от вакцин, имея большие сомнения по поводу вакцин и их обязательности (Funk и др., 2023).

В последнее время эксперты в области общественного здравоохранения обеспокоены тем, что антипрививочные настроения вокруг вакцин против COVID-19 в США могли распространиться на плановую иммунизацию детей, включая прививки от полиомиелита, кори, и столбняка (Steel Fisher и др., 2023). Основанием этому служили в том числе данные ЮНИСЕФ о снижении доверия к детским вакцинам до 44% в некоторых странах во время пандемии COVID-19; так, 67 миллионов детей в мире пропустили одну или несколько прививок в течение трех лет

¹ ВОЗ пересмотрела позицию по вакцинации детей от коронавируса // РИА «Новости». 2021. 24 июня. URL: <https://ria.ru/20210624/vaktsinatsiya-1738354216.html>

² Портякова Н. Молодо-велено: кто в мире прививает детей от коронавируса. И что эксперты думают о целесообразности вакцинации самых маленьких. Известия, 23 ноября 2021. URL: <https://iz.ru/1253408/nataliia-portiakova/molodo-veleno-kto-v-mire-privivaet-detei-ot-koronavirusa>

из-за перебоев в предоставлении услуг, вызванных перенапряжением систем здравоохранения и отвлечением скудных ресурсов, конфликтами и нестабильностью, а также снижением доверия (UNICEF, 2023). Опросы общественного мнения показывают, что лишь немногим более трети (от 35 до 42%) населения США считали вакцины против COVID-19 «очень безопасными» для большинства детей. Другие показатели общественного мнения показывали аналогичные результаты: примерно 4 из 10 взрослых американцев выразили высокую уверенность безопасности для детей вакцин против COVID-19, то же самое справедливо и в отношении вакцин для взрослых. Сомнения в безопасности вакцин против COVID-19 не распространялись на другие давно известные детские вакцины (Steel Fisher и др., 2023).

Вопрос о том, следовало ли вакцинировать детей от COVID-19, оставался спорным вопросом во всем мире. Как отмечал Вильямс, важно признать, что не все представители общественности, включая родителей, поддерживали вакцинацию детей от COVID-19, и это имело значение для всего общества (например, чтобы помочь «защитить уязвимых взрослых»), хотя по сути рассматривалось как «личный выбор». Как показали исследования отношения к вакцинации взрослых, любые меры, которые воспринимаются как ущемляющие индивидуальный выбор, могут в конечном итоге оказаться контрпродуктивными (Williams, 2022, по Ledford, 2021).

По итогам опроса Нольсо в Великобритании половина родителей детей в возрасте 17 лет и младше (53%) говорили, что сделали бы им прививку, если бы вакцина от коронавируса стала доступной для детей, в то время как каждый пятый (18%) не сделал бы этого, а трое из десяти (29%) не уверены (Nolsoe, 2021).

В России была разработана и клинически исследована вакцина для подростков «Спутник-М», в конце января 2022 г. в России была начата прививочная кампания для детей в возрасте 12–17 лет¹. Несмотря на доступность вакцин для подростков 12–17 лет в России, масштаб вакцинирования детей был очень мал по сравнению с вакцинацией взрослого населения или вакцинацией детей в ряде зарубежных стран, что обусловлено разными причинами, в том числе недоверием к вакцинам для детей в РФ. Так, по данным сайта GOGOV.ru по состоянию на 10 августа 2022 г. в Российской Федерации было привито 134 036 детей, в том числе в Башкортостане 9430 детей². Число детей 12–17 лет в РФ составляло 9 574 683 чел., в РБ — 289 818 чел. (Росстат, 2023), таким образом, доля вакцинированных детей в возрасте 12–17 лет составляла 1,4% в РФ и 3,25% в РБ.

Общество во многих странах мира давно расколото на сторонников и противников вакцинации по отношению к любым вакцинам, появилось движение «антиваксеров», а поскольку тема детского здоровья и безопасности является очень чувствительной для большинства родителей, относительно вакцинирования детей новой вакциной реакция родителей зачастую была острой и болезненной.

Например, в анализе отношения общества к вакцинации от COVID-19 в отдельных странах ЦАРЭС: (Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан) выявлено, что в Казахстане 16 998 чел. отказались

¹ Можно ли привить подростка?. URL: <https://стопкоронавирус.рф/faq/>

² Статистика вакцинации от коронавируса. URL: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>

от вакцинации своих детей в 2019 г., еще до начала пандемии COVID-19. Наиболее частая причина — «отказы по личным причинам», на втором месте — «религиозные мотивы», на третьем — «медицинские показания» (Институт ЦАРЭС, 2021).

В Казахстане большинство участников опроса (43,7%) считало прививки не эффективными. Четверть респондентов (25,3%) в семи опрошенных странах затруднились оценить эффективность прививок, что демонстрировало недостаточность информации о необходимости массовой вакцинации во избежание ухудшения эпидемиологической ситуации. Респонденты затруднились дать оценку эффективности прививок в Грузии (44,5%), Кыргызстане (39%), Казахстане (27,1%), Монголии (21,8%), Пакистане (19,6%), Узбекистане (12,7%), Таджикистане (12,5%). Недостаток достоверной полной информации выразался в уровне доверия к разработанным в мире вакцинам. По всем семи странам только 24,5% респондентов считали, что все вакцины, которые были протестированы ответственными ведомствами, признаны безопасными. «Нельзя доверять вакцинам» — так считали 33,6% респондентов из Пакистана, 32,9% из Казахстана, 17,2% из Кыргызстана, 14,3% из Таджикистана, 12,5% из Грузии, 9,5% из Узбекистана, 5,1% из Монголии (Институт ЦАРЭС, 2021).

По данным ВЦИОМ по состоянию на 26 ноября 2021 г. более половины россиян (55%) положительно относились к массовой вакцинации граждан от коронавируса (63% среди жителей Москвы, 64% среди жителей Санкт-Петербурга), 32% относились к ней отрицательно, а 9% — безразлично (ВЦИОМ, 2021).

Данные других опросов в разных регионах России, проведенные в другие периоды, демонстрировали более осторожное отношение населения, хотя имели близкие значения показателей. Например, Департаментом здравоохранения Курганской области в период с 18 января по 1 февраля 2022 г. среди посетителей официального сайта и официальных групп департамента в социальных сетях был проведен социологический опрос на тему «Отношение населения Курганской области к вакцинации от коронавируса». Согласно данным опроса, в целом положительно относились к вакцинации от коронавируса 46,1% респондентов, скорее положительно — 26,9% опрошенных, скорее отрицательно ответили 11,5%, столько же респондентов относились к вакцинации отрицательно, затруднились ответить на вопрос — 1%. На вопрос «Делали ли Вы прививку от коронавируса?» 76,9% опрошенных ответили, что поставили прививку от коронавируса, 23,1% — нет (Единый портал медучреждений Курганской области, 2022).

На старте кампании по вакцинации социологи Челябинского филиала РАНХиГС провели опрос среди челябинцев о том, как выглядит российская вакцина «Спутник V», в сравнении с зарубежными препаратами (Челябинский филиал РАНХиГС, 2021). Опрос врачей показал позитивное отношение к российским вакцинам от COVID-19. Две трети опрошенных были намерены или уже прошли вакцинацию. Семь из 10 врачей доверяли эффективности и безопасности вакцины «Спутник V», в отношении двух других российских разработок эти цифры ниже ввиду недостаточной информации о них. Зарубежным вакцинам доверяли менее трети опрошенных, около половины специалистов не имели определенного

мнения об их качестве. Причины низких темпов вакцинации от COVID-19 врачи видели в недоверии населения существующим вакцинам и в негативном отношении общества к любым прививкам в целом (Левада-центр, 2021). Это согласуется с отношением к вакцинации у населения стран ЦАРЭС, что означает общую для многих стран тенденцию, связанную с уровнем образования, развитием критического мышления, а также, вероятно, с доверием к науке, к органам власти.

Что касается общественного мнения по теме вакцинации детей и подростков от COVID-19, данные о социологических опросах или дискуссии с медицинскими работниками мало представлены в СМИ. По имеющимся в наличии публикациям мнения врачей по вакцинированию детей различны, мнения родителей также разделились.

Например, было экспертное мнение, что дети переболели COVID-19 массово и бессимптомно еще в начале пандемии, и коллективная защита среди них сформировалась естественным путем. Поэтому и вакцинировать их лучше только по медицинским показателям, считал директор НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Пастера Арег Тотолян¹. Мнение академика РАН Лейлы Намазовой-Барановой по вопросу вакцинирования от COVID-19 состояло в том, что применять можно лишь препараты, прошедшие полный цикл клинических исследований с участием детей и подтвердившие свою безопасность. Применение вакцины необходимо для защиты ребенка от мультисистемного воспалительного синдрома, или кавасаки (это не проявление вируса, а именно отсроченное иммунно-воспалительное состояние)².

Опросы родителей, проведенные в социальных сетях журналистами, показывали неготовность большинства родителей к вакцинированию детей. Например, больше половины читателей VL.ru (Владивосток) заявили, что не стали бы прививать своих детей, даже если бы им запретили ходить на учебу из-за этого. Пятая часть опрошенных отказались бы при возможности. Почти столько же — были готовы на вакцинацию. Оставшиеся 7% участников опроса сделали бы прививки, если бы это стало единственным пропуском в школу³. В интервью «Российской газеты» с академиком РАН, заведующим кафедрой факультетской педиатрии РНИМУ им. Н.И. Пирогова, президентом Союза педиатров России, главным внештатным специалистом детства Минздрава России по профилактической медицине Лейлой Намазовой-Барановой корреспондент привела мнения мам, собранные в социальных сетях: «Многие мамы готовы сделать прививку себе, но не ребенку. И вот почему: „Прививка сырая, много побочных, нет инфор-

¹ Михальченко Н. Академик Арег Тотолян о готовности к новым эпидемиям и исчезающем страхе перед коронавирусом: «Настроение людей поменялось — прививки делают для поездки за границу» // Известия. 2022. 1 авг. URL: <https://iz.ru/1371572/nataliia-mikhalchenko/nastroenie-liudei-pomenialos-privivki-delaiut-dlia-poezdki-za-granitcu>

² Краснополянская И., Лебедева Н. Как вакцинация подростков от коронавируса обросла мифами // Российская газета. 2021. 25 июля. URL: <https://rg.ru/2021/07/25/kak-vakcinaciia-podrostkov-ot-koronavirusa-obrosila-mifami.html>

³ Не все родители во Владивостоке готовы прививать своих детей от коронавируса // Новости Владивостока. 2022. 22 янв. URL: <https://www.news1.ru/covid19/2022/01/27/206097/#ixzz7bXZhyDOR>

мации, кому можно ее прививать, а кому нельзя“. Испытания только начались, неясно, как и на ком будут испытывать...»¹.

В общей сложности 69% россиян были не готовы вакцинировать от коронавируса своих детей в возрасте от 12 до 17 лет, по данным опроса, проведенного летом 2021 г. сервисом по поиску работы Superjob среди 500 респондентов из 193 населенных пунктов страны. Среди людей, которые сами прошли вакцинацию от COVID-19, привить своих детей были готовы 47%. При этом среди непривитых эта доля была гораздо меньше — 17%². Таким образом, вероятность согласия на прививку детей от COVID-19 была выше среди тех, кто имел личный и, скорее всего, положительный опыт вакцинации. И в целом отношение родителей к вакцинации детей одинаково во всем мире, 20–40% были не готовы рисковать здоровьем детей в силу недоверия к мало испытанной вакцине от COVID-19, хотя в России доля таких родителей была примерно в два раза выше, чем в Великобритании или США, доверие к детским вакцинам в РФ сопоставимо со странами ЦАРЭС.

Исходя из этого очень важно иметь данные о мнениях родителей относительно вакцинирования детей на основе социологических опросов с учетом всех требований к получению объективных выводов, важно понимать, какие преобладали настроения у родителей по вопросу заболеваемости взрослых и детей COVID-19 в регионе, видели ли они вакцинирование как путь снижения заболеваемости или снижения тяжести болезни для своих детей, а также понять причины сложившегося отношения. На основе полученных данных можно было планировать разъяснительную работу и более эффективно выстраивать коммуникацию с родителями по вопросу вакцинирования детей как от COVID-19, так и от других заболеваний, если общество вновь встретится с новой пандемией. Именно такое исследование было проведено в Республике Башкортостан в начале 2022 г. В феврале 2022 г. сотрудниками Института стратегических исследований Республики Башкортостан по поручению и при поддержке Министерства образования и науки Республики Башкортостан был проведен социологический опрос родителей учащихся общеобразовательных школ по теме отношения к вакцинированию детей. Полученные результаты вызывают несомненный интерес и отражают общественное настроение и отношение как к организации профилактики заболевания COVID-19, так и готовности вакцинировать своих детей.

Отношение родителей к вакцинации детей

В ходе анкетирования было получено 58 644 ответа. Большинство (59,7%) отметили, что переболели всей семьей и болели на момент опроса, часть из них — без подтверждения диагноза COVID-19; 40,3% от общего числа респондентов, отметили, что в семье никто не болел. Вакцинацию взрослых считали необходимой более половины респондентов, вакцинация детей вызывала больше недоверия, ее поддерживали лишь чуть более трети респондентов. Так, вакцинацию детей в це-

¹ Краснопольская И., Лебедева Н. Как вакцинация подростков от коронавируса обросла мифами. URL: <https://rg.ru/2021/07/25/kak-vakcinaciia-podrostkov-ot-koronavirusa-obrosla-mifami.html>

² Опрос показал долю не желающих вакцинировать от COVID-19 детей россиян // Ведомости. 19 июля 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/07/19/878646-opros-pokazal-dolyu-ne-zhelayuschih-vaktsinirovat-ot-covid-19>

лом поддерживали 37,5%, а взрослых — 50,6% респондентов, ответивших на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к практике вакцинирования несовершеннолетних и взрослых?» (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к практике вакцинирования несовершеннолетних и взрослых?», %

Distribution of answers to the question: «Please tell me, how do you feel about the practice of vaccinating minors and adults?», %

Варианты ответов	Относительно несовершеннолетних	Относительно взрослых
Считаю вакцинацию необходимой и обязательной	5,3	16,2
Считаю вакцинацию необходимой, но делать ее надо по желанию	32,2	34,4
Считаю вакцинацию бесполезной	13,4	12,8
Полагаю, что вакцинация даже вредна	16,3	10,2
Трудно сказать, так как последствия вакцинации еще не проявились — пандемия продолжается	32,8	26,4
Всего ответивших	100,0	100,0

На вопрос: «Ответьте, пожалуйста, вакцинировались ли Вы сами и если еще нет, то собираетесь ли сделать прививку?» подавляющее большинство (78,3%) отметили, что вакцинировались или планируют это сделать (табл. 2).

Таблица 2.

Table 2.

Распределение ответов на вопрос: «Ответьте, пожалуйста, вакцинировались ли Вы сами и если еще нет, то собираетесь ли сделать прививку?»

Distribution of answers to the question: «Please answer, have you been vaccinated yourself and if not yet, are you going to get vaccinated?»

Ответы	Количество, ед.	Доля, %
Да, вакцинировался	41685	71,1
Нет, не вакцинировался, и не планирую	12736	21,7
Нет, не вакцинировался, но планирую	4223	7,2
Итого	41685	100,0

На вопрос: «Если возникнет вопрос о вакцинации Вашего ребенка, то какое решение Вы примете?» получены преимущественно отрицательные ответы. Подавляющее большинство не одобряло вакцинацию детей 12–17 лет, общее число

тех, кто откажутся по разным причинам, составляло 67,8% (табл. 3), что очень близко к 69%¹ из опроса Superjob летом 2021 г.

Таблица 3.

Table 3.

Распределение ответов на вопрос: «Если возникнет вопрос о вакцинации Вашего ребенка, то какое решение Вы примете?»

Distribution of answers to the question: « If the question arises about vaccinating your child, what decision will you take?»

Ответы	Доля, %
Дам согласие на вакцинацию ребенка (всех детей)	5,0
Дам согласие на вакцинацию в зависимости от возраста ребенка (детей)	7,8
Нет, категорически откажусь	60,5
Не дам согласия, так как у ребенка есть противопоказания по здоровью, из-за которых нет возможности сделать прививку, хотя хотелось бы	7,3
Затрудняюсь ответить	19,4

Таким образом, за полугодие не произошло серьезных изменений в настроении россиян по отношению к готовности вакцинировать своих детей. Скорее согласились бы на вакцинацию детей не более 12,8% респондентов. Многие в свободной форме отмечали в ответах на вопрос: «Что бы Вы хотели особо отметить по теме вакцинации детей 12–17 лет (напишите, пожалуйста)?», что вакцинация допустима лишь для более старших детей, например, с 14, 16 или 17 лет. Ответы отражали резко негативное отношение к практике принуждения к вакцинации. Отношение к вакцинации детей и взрослых заметно отличалось. Так, большая часть взрослых, которые сомневались в вакцинации или были против нее, не доверяли вакцине, в итоге принимали решение о вакцинации под давлением различных обстоятельств. В отношении вакцинации детей особо отмечали необходимость прививок от COVID-19 только по желанию, не доверяя детской вакцине вследствие малого срока ее апробации и исследования.

Соотношение привитых от COVID-19 родителей к вакцинации детей по сравнению с российскими данными опроса Superjob давало интересную картину. Среди людей, которые сами прошли вакцинацию от COVID-19, привить своих детей (сумма ответов «дам согласие» и «дам согласие с учетом возраста») были готовы 16% по итогам опроса в Башкортостане против 47% из опроса Superjob. При этом среди непривитых эта доля также была гораздо меньше — 1,3% (в опросе Superjob 17%). Столь существенное отличие согласных на вакцинацию детей со стороны привитых родителей может быть связано с негативным опытом, либо навязанной извне вакцинацией взрослых и накопленным раздражением, усталостью от темы

¹ Опрос показал долю не желающих вакцинировать от COVID-19 детей россиян // Ведомости. 19 июля 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/07/19/878646-opros-pokazal-dolyu-ne-zhelayuschih-vaktsinirovat-ot-covid-19>

COVID-19, либо в целом неблагоприятно в социально-психологической сфере большинства респондентов региона.

Полученное соотношение согласуется с данными повторного опроса Superjob. Исследование выявило корреляцию между вакцинальным статусом родителей и их решением о прививке для детей: за нее высказались 15% вакцинированных родителей и 2% невакцинированных¹. Однако в нем доля родителей, согласных на вакцинацию детей, составляла треть опрошенных, что в 3 раза превышает показатель РБ. Этот показатель по данным сервиса Superjob вырос к концу января 2022 г. с 26% до 33% на фоне распространения штамма «омикрон».

С учетом количества детей, имеющих у респондентов, у тех, кто ответил, что дал бы согласие на вакцинацию, — 4076 детей (5,0%), а у тех, кто дал бы согласие в зависимости от возраста, — 6443 детей (7,9%) от общего числа детей-школьников (81 937 детей), определенных расчетом. Распределение ответов по городам республики близко к общереспубликанским по структуре ответов на вопрос об отношении к вакцинации и на вопрос о согласии на вакцинацию детей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в столичном городе Уфе максимальная доля родителей, считающих вакцинацию детей необходимой, — 37,6% от общего числа респондентов, минимальная доля опрошенных, согласных на вакцинацию детей, в Салавате — 31,8% (табл. 4).

Максимальная доля родителей, кто дал бы согласие на вакцинацию в г. Уфе, — 5,4% от общего числа респондентов, минимальная доля согласных в Стерлитамаке — 3,9%. Максимальная доля от тех, кто категорически отказался бы, в г. Салавате — 67,5% (табл. 5).

Результаты опросов говорят о том, что вакцинация детей встречала сопротивление со стороны большинства родителей, особенно недопустимой и вызывающей раздражение родители считали практику принуждения к вакцинации. Обращает на себя внимание значительная разница между числом считающих вакцинацию детей необходимой (37,5% опрошенных родителей региона) и числом тех, кто дал бы согласие на ее проведение, — в 3 раза меньше, лишь 12,8% (в том числе 7,8% в зависимости от возраста детей).

Отношение родителей в вакцинации своих детей зависит от причин того или иного отношения к прививкам. Эти причины определяются уровнем образования и качеством мышления населения, информированностью о ходе заболевания, его симптомах и последствиях, пониманием механизма действия вакцин, доверием к конкретной вакцине, доверием в целом к системе здравоохранения, науке, органам власти.

В ходе исследования был определен характер информированности о заболевании и вакцинации (табл. 6).

¹ Доля готовых привить детей от COVID родителей выросла на фоне «омикрона» // РБК, 25 января 2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2022/61eef83c9a79473aeb5a56ae>

Абсолютное большинство опрошенных (91%) считали себя информированными по вопросам заболеваний детей COVID-19 (табл. 7). При этом хорошо информированы и следят за информацией 68,9% респондентов, а имели только общее представление и специально не следили за информацией 22,1% опрошенных.

Более осведомленными себя считали жители г. Стерлитамака. Там 92,6% ответили, что «информированы хорошо» или «информированы в общих чертах». Далее следуют г. Нефтекамск и г. Октябрьский — по 91,4%. Ниже этот показатель в Салавате — 90,9% и в Уфе — 89,1%. В принципе, значение показателей очень близкое.

Таблица 7.

Table 7.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько хорошо Вы информированы о возможностях и преимуществах вакцинации детей?», %

Distribution of answers to the question: «How well are you informed about the possibilities and benefits of vaccinating children?», %

	РБ	Уфа	Салават	Стерли- тамак	Нефте- камск	Октябрь- ский
Считаю, что информирован хорошо. Постоянно слежу за этим	50,8	52,7	55,9	51,7	48,5	49,5
Информирован, но только в общих чертах. Специально не интересуюсь	27,2	22,7	25,7	27,9	30,0	28,3
Совсем не информирован, не интересуюсь	7,5	9,0	6,1	8,6	8,0	9,8
Затрудняюсь ответить	14,5	15,6	12,3	11,8	13,5	12,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Более чем три четверти — 78,0% опрошенных считали, что информированы о возможностях и преимуществах вакцинации детей, в том числе почти треть опрошенных — 27,2%, информированы в общих чертах, а за информацией не следят. Более осведомленными (по сумме двух показателей) себя считали жители г. Салавата, где 81,6% респондентов ответили, что «информированы хорошо» или «информированы в общих чертах». Далее по убывающей следуют города Стерлитамак — 79,6%, Нефтекамск — 78,5%, Октябрьский — 77,8%. Менее информированы родители опять-таки в Уфе — 75,5%. И в этом случае значения показателей почти совпадают. Совсем не обладали информацией о заболевании 2,2% и о возможностях вакцинации — 7,5% опрошенных в регионе. Затруднившиеся с ответом составляли соответственно 6,8% и 14,5%, что не критично.

Предложенная анкета позволяла в свободной форме выразить свое мнение о вакцинации. Ответы были получены различные, и удельный вес тех, кто сформулировал эти ответы, тоже был разным. Наиболее часто встречающиеся и совпадающие по смыслу ответы были сгруппированы (табл. 8).

Таблица 8.

Table 8.

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы хотели особо отметить по теме вакцинации детей 12–17 лет (напишите, пожалуйста)?», %

Distribution of answers to the question: «What would you like to especially note on the topic of vaccination of children 12–17 years old (please write)?», %

Смысловое поле ответов	Количество, ед.	Доля, %
Нет комментариев (не ответили)	29830	50,9
За добровольную вакцинацию высказались 9,1% , в том числе:		
по желанию	1535	
«добровольно»	1422	
«родители решат сами»	807	
«по согласию родителей»	714	
«без принуждения»	541	
«не принудительно»	126	
«не обязательно»	114	
«если согласится сам ребенок»	34	
«по решению других взрослых членов семьи»	6	
Итого	5299	9,0
Причины отказа указали 4298 чел. или 9,0%		
«последствия еще не известны»	1025	
«испытания вакцины не завершены»	475	
«по опыту других семей»	422	
«информационное давление»	420	
«опасно»	351	
«может принести вред»	331	
«бесполезно»	319	
«противопоказано моим детям (ребенку)»	267	
«опыта старших детей пока нет»	263	
«это эксперимент над детьми»	196	
«не верится в безопасность для детского организма»	185	
«тест отрицательный»	171	
«ребенок уже перенес эту болезнь»	116	
«рано по возрасту делать прививку»	142	

Смысловое поле ответов	Количество, ед.	Доля, %
«результат вакцинации взрослых не известен, что говорить о детях»	127	
«знаний мало»	106	
«боюсь осложнений»	89	
«сомневаюсь»	69	
«нет доверия»	95	
«вопрос мало изучен»	15	
«мало исследован»	13	
Итого	5197	8,9

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы хотели особо отметить по теме вакцинации детей 12–17 лет (напишите, пожалуйста)?» отражало сильное недоверие к вакцине, полученной в короткий срок, мало изученной, не прошедшей длительный период испытаний, о которой было очень мало информации, в том числе о последствиях прививки (табл. 8). Родители опасались того, как дети перенесут прививку, на основании собственного опыта имеющей место тяжелой реакции на прививку (ключевое слово «перенес»). Часть родителей была уверена в бесполезности вакцины («бесполезна»), а часть — в негативных последствиях для иммунитета («опасно», «вредно») и будущих последствиях для репродуктивного здоровья детей. Некоторые родители эмоционально писали об отказе, о том, что «нельзя трогать детей», «ставить опыты» и «проводить эксперименты на детях».

Заключение

Проведенный опрос позволил спрогнозировать запрос родителей региона на вакцины «Спутник-М», а также сформировать более мягкий подход органов власти в организации вакцинирования детей от COVID-19 в Башкортостане.

Таким образом, при всей сложности прохождения обществом пандемии COVID-19 для многих стран мира остается актуальной проблема недоверия к вакцинации. В России к этому прибавлялись недоверие и недовольство системой здравоохранения, недоверие к науке и другим социальным институтам. В результате по итогам социологических опросов наблюдалась неготовность родителей к вакцинации детей от COVID-19. Родители ратовали за добровольность вакцинации, за то, что решение хотят принимать они сами, за согласие с их стороны и отсутствие информационного давления. Среди причин отказа респонденты в свободной форме указали на неизвестность последствий вакцинации, на незавершенность испытаний препаратов, на малый опыт других семей, информационное давление, на опасение вреда от прививки, на бесполезность вакцинации. Такое отношение к вакцинации детей характерно не только для родителей Республики Башкортостан, но и для родителей в других странах мира, поскольку здоровье детей является значимой ценностью для родителей, и любые риски для

здоровья детей — как от болезни, так и от последствий вакцинации — воспринимаются особенно остро.

По всей видимости, общее повышение уровня образования населения, повышение уровня доверия к органам власти и науке, информирование о накопленном в разных странах опыте вакцинации детей, об итогах клинических испытаний российской вакцины для подростков могут существенно повлиять на общественное мнение в России по отношению к вакцинации, в том числе могли бы повлиять на отношение к вакцинации от COVID-19. Изменение отношения родителей к вакцинированию возможно лишь в условиях свободы выражения различных мнений и сомнений, имеющих в обществе, открытой дискуссии представителей разных медицинских, научных, родительских сообществ. Открытое обсуждение и получение развернутых обоснованных и верифицированных данных по всем вопросам, беспокоящим родителей, позволит снять тревогу по отношению к вопросам эффективности, безопасности любых вакцин для детей, а значит, повысить долю родителей, согласных на вакцинацию своих детей и понимающих все риски и преимущества такого решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Анализ отношения общества к вакцинации от COVID-19 в отдельных странах ЦАРЭС: (Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан) : аналитический отчет // Институт ЦАРЭС. Апрель 2021. URL: <https://www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2021/04/CAREC-Institute-vaccination-attitudes-report-RUS-22-Apr-2021.pdf> (дата обращения: 19.02.2024).

Вакцинация от COVID-19: опрос врачей. // Левада-центр, 01.04.2021 URL: <https://www.levada.ru/2021/04/01/vaktsinatsiya-ot-covid-19-opros-vrachej/> (дата обращения: 19.02.2024).

Вакцина от коронавируса: поддержим отечественного производителя? Мнения челябинцев о российской вакцине разделились // Челябинский филиал РАН-ХиГС. 2021. URL: https://chel.ranepa.ru/nauka/sots-issledovaniya.php?ELEMENT_ID=391033&utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 19.02.2024).

Вакцинация от коронавируса: отношение россиян // ВЦИОМ. 26 ноября 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan> (дата обращения: 19.02.2024).

Егорышев С. В., Гимаев И. З. Проблемы социального одиночества в условиях пандемии COVID-19 // Пандемия и одиночество : сборник статей. Стамбул : Ускюдарский университет. С. 135–142.

Итоги опроса на тему «Отношение населения Курганской области к вакцинации от коронавируса» // Единый портал медучреждений Курганской области. URL: <https://kurgan-med.ru/news/itogi-oprosa-na-temu-otnoshenie-naseleniya-kurganskoj-oblasti-k-vaktsinatsii-ot-koronavirusa-/> (дата обращения: 19.02.2024).

Получите бустерную прививку от COVID-19. URL: <https://www.maine.gov/doe/sites/main.gov.doe/files/inline-files/COVID-19%20Booster%20Shot%20Orig%20-%20>

Russian_0.pdf (дата обращения: 19.02.2024).

Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-ru_01-01-2022.pdf (дата обращения: 19.02.2024).

Coronavirus (COVID-19) Dashboard // WHO URL: <https://covid19.who.int/table> (дата обращения: 19.02.2024).

Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (дата обращения: 19.02.2024).

Funk C., Tyson A., Kennedy B., Pasquini G. Americans' Largely Positive Views of Childhood Vaccines Hold Steady // URL: <https://www.pewresearch.org/science/2023/05/16/americans-largely-positive-views-of-childhood-vaccines-hold-steady/> (дата обращения: 19.02.2024).

Ledford H. Should children get COVID vaccines? What the science says // Nature. 2021. No 595. P. 638–639.

Nolsoe E. By 53% to 18%, parents with underage children say they would get them vaccinated against COVID-19 // YouGov 2021. URL: <https://yougov.co.uk/topics/health/articles-reports/2021/07/05/53-18-parents-underage-children-say-they-would-get> (дата обращения: 19.02.2024).

Steel Fisher G. K., Findling M. G., Caporello H. L., Stein R. I.. Has COVID-19 Threatened Routine Childhood Vaccination? Insights From US Public Opinion Polls. URL: <https://www.healthaffairs.org/content/forefront/has-covid-19-threatened-routine-childhood-vaccination-insights-us-public-opinion-polls> (дата обращения: 19.02.2024). doi: 10.1377/forefront.20230605.570346.

The State of the World's Children 2023: For Every Child, Vaccination // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/rosa/press-releases/new-data-indicates-declining-confidence-childhood-vaccines-44-percentage-points-some> (дата обращения: 19.02.2024).

Williams SN. «I don't want my son to be part of a giant experiment»: public attitudes towards COVID-19 vaccines in children. Public Health. 2022 Apr; 205:116–121. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8784572/> (дата обращения: 19.02.2024). doi: 10.1016/j.puhe.2022.01.016. Epub 2022 Jan 24. PMID: 35276527; PMCID: PMC8784572.

REFERENCES

Analysis of public attitudes towards COVID-19 vaccination in selected CAREC countries: (Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia, Pakistan, Tajikistan and Uzbekistan) : Analytical report. (2021). *Institute CAREC. April 2021.* <https://www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2021/04/CAREC-Institute-vaccination-attitudes-report-RUS-22-Apr-2021.pdf>. (In Russ.).

Vaccination against COVID-19: survey of doctors (2021) // Levada Center, 04 January 2021. <https://www.levada.ru/2021/04/01/vaktsinatsiya-ot-covid-19-opros-vrachej/>. (In Russ.).

Cheljabinskij filial RANHiGS *Coronavirus vaccine: should we support the domestic man-*

ufacturer? Chelyabinsk residents' opinions about the Russian vaccine are divided (2021). Chelyabinsk branch of RANEPa. https://chel.ranepa.ru/nauka/sots-issledovaniya.php?ELEMENT_ID=391033&utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (In Russ.).

Vaccination against coronavirus: the attitude of Russians. (2021). VCIOM. November 26, 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan>. (In Russ.).

Egoryshev, S. V., Gimaev, I. Z. (2021). Problems of social loneliness during the COVID-19 pandemic. *Pandemic and Loneliness. Digest of articles* (pp. 135–142). Istanbul : Uskudar University. (In Russ.).

Edinyj portal meduchrezhdenij Kurganskoy oblasti Results of a survey on the topic «Attitude of the population of the Kurgan region towards vaccination against coronavirus» (2022). *Unified portal of medical institutions of the Kurgan region*. <https://kurgan-med.ru/news/itogi-oprosa-na-temu-otnoshenie-naseleniya-kurganskoy-oblasti-k-vaktsinatsii-ot-koronavirusa>. (In Russ.).

Get your COVID-19 booster vaccine. https://www.maine.gov/doe/sites/maine.gov/doe/files/inline-files/COVID-19%20Booster%20Shot%20Orig%20-%20Russian_0.pdf (In Russ.).

Population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2022 (statistical bulletin) (2022). *Federal State Statistics Service (Rosstat)*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf. (In Russ.).

Coronavirus (COVID-19) Dashboard. WHO. <https://covid19.who.int/table> (дата обращения: 19.02.2024).

Coronavirus (COVID-19) Vaccinations. *Our World in Data*. <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (дата обращения: 19.02.2024).

Funk, C., Tyson, A., Kennedy, B., Pasquini, G. (2023). *Americans' Largely Positive Views of Childhood Vaccines Hold Steady*. <https://www.pewresearch.org/science/2023/05/16/americans-largely-positive-views-of-childhood-vaccines-hold-steady/>.

Ledford, H. (2021). Should children get COVID vaccines? What the science says. *Nature*, 595, 638–639.

Nolsoe, E. (2021). By 53% to 18%, parents with underage children say they would get them vaccinated against COVID-19. *YouGov 2021*. <https://yougov.co.uk/topics/health/articles-reports/2021/07/05/53-18-parents-underage-children-say-they-would-get>.

Steel Fisher, G. K., Findling, M. G., Caporello, H. L., Stein, R. I. (2023). *Has COVID-19 Threatened Routine Childhood Vaccination? Insights From US Public Opinion Polls*. <https://www.healthaffairs.org/content/forefront/has-covid-19-threatened-routine-childhood-vaccination-insights-us-public-opinion-polls>. doi: 10.1377/forefront.20230605.570346.

The State of the World's Children 2023: For Every Child, Vaccination. UNICEF. <https://www.unicef.org/rosa/press-releases/new-data-indicates-declining-confidence-childhood-vaccines-44-percentage-points-some>.

Williams, S. N. (2022). «I don't want my son to be part of a giant experiment»: public attitudes towards COVID-19 vaccines in children. *Public Health*. 2022 Apr; 205:116–121. doi:

10.1016/j.puhe.2022.01.016. Epub 2022 Jan 24. PMID: 35276527; PMCID: PMC8784572.
// <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8784572/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Викторовна Столь — канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научный центр изучения социального развития региона, Институт стратегических исследований Государственного бюджетного научного учреждения Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия

Anna V. Stol — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Scientific Center for the Study of the Social Development of the Region, Institute for Strategic Studies of the State Budgetary Scientific Institution of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2024;
принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 18.02.2024;
accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 322

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.14258/SSI\(2024\)1-09](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-09)

Общественно-политическая деятельность Иоанна Павла II и развал системы социализма в Европе

Александр Витальевич Красов

Барнаульская духовная семинария, Барнаул, Россия,
aleksander-krasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6233-8764>

Аннотация. Показаны роль и влияние общественно-политической деятельности Папы Римского Иоанна Павла II на социально-политические процессы в Польше, повлекшие за собой падение социалистической системы в Европе. Даны ответы на вопросы: как Иоанн Павел II, основываясь на личных политических убеждениях, использовал влияние религиозного фактора главы Римско-католической церкви на социально-политические процессы в Польше? Какова была его роль в смене конституционного строя в Польской Народной Республике? Как смена общественно-политического строя в Польше повлияла на развал социалистического лагеря в Европе? Существовала ли взаимосвязь общественно-политической деятельности Иоанна Павла II с процессами «перестройки» в Советском Союзе? Ответы на поставленные вопросы помогают осознать истоки общественно-политических перемен в восточноевропейских государствах, в первую очередь в Польше и СССР в конце 1970-х — начале 1990-х гг.

Ключевые слова: Иоанн Павел II, общественно-политические процессы, развал социализма, национальная безопасность, религиозный фактор, Варшавский Договор, профсоюз «Солидарность», Польша, М. С. Горбачев, Советский Союз

Для цитирования: Красов А.В. Общественно-политическая деятельность Иоанна Павла II и развал системы социализма в Европе // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 137–150. doi: 10.14258/ssi(2024)1-09.

Socio-Political Activity of John Paul II and the Collapse of the System of Socialism in Europe

Alexander V. Krasov

Barnaul Theological Seminary, Barnaul, Russia,
aleksander-krasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6233-8764>

Abstract. This article shows the role and influence of the socio-political activities of Pope John Paul II on the socio-political processes in Poland, which led to the fall of the socialist system in Europe. The article provides answers to the following questions: How did John Paul II, based

on his personal political beliefs, use the influence of the religious factor of the head of the Roman Catholic Church on socio-political processes in Poland? What was his role in changing the constitutional order in the Polish People's Republic? How did the change of the socio-political system in Poland affect the collapse of the socialist camp in Europe? Was there a relationship between the socio-political activities of John Paul II and the processes of "perestroika" in the Soviet Union?

The answers to these questions will make it possible to understand the origins of socio-political changes in Eastern European states, primarily in Poland, and the USSR in the late 1970s and early 1990s.

Keywords: John Paul II, socio-political processes, the collapse of socialism, national security, religious factor, Warsaw Pact, Solidarity trade union, Poland, M. S. Gorbachev, Soviet Union

For citation: Krasov, A.V. (2024). Socio-Political Activity of John Paul II and the Collapse of the System of Socialism in Europe. *Society and Security Insights*, 7(1), 137–150. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-09.

Введение

Субъектами общественно-политической деятельности могут быть государственные, политические и общественные деятели, в том числе главы религиозных объединений. Результаты политологических, социологических, философских и исторических исследований, проводимые на протяжении многих десятилетий, дают основание сделать вывод, что общественно-политическая деятельность оказывает влияние на национальную безопасность государства, вплоть до революционных изменений, влекущих смену общественно-политической системы и государственного строя. Примером этому могут служить события в России начала XX в.

Общественно-политическая деятельность главы религиозного объединения, в том числе духовенства, того или иного вероисповедания всегда содержит в себе проявление религиозного фактора, определение которого дано автором в статье «Богословское понимание термина „религиозный фактор“» (Красов, 2022). Таким образом, религиозный фактор, проявляющийся в общественно-политической деятельности главы религиозного объединения, в той или иной степени оказывает влияние на обеспечение национальной безопасности и социально-политические процессы в государстве.

Одним из глав религиозных объединений, чья общественно-политическая деятельность оказала существенное влияние на общественно-политическую систему в странах Европы, был глава Римско-католической церкви Иоанн Павел II (Gorbaciou, 1992).

Ранние исследования периода понтификата Иоанна Павла II касались его церковной и общественной деятельности. Новизна и научная значимость настоящей статьи заключаются в том, что в ней деятельность понтифика рассматривается через призму влияния религиозного фактора, проявившегося в общественно-политической деятельности Иоанна Павла II, на обеспечение национальной безопасности Польской Народной Республики и безопасность всей системы социализма в Европе. Результаты исследования дают возможность понимания проявления религиозного фактора в общественно-политической деятельности

отдельных лиц или организаций, воздействующего на социально-политические процессы и оказывающего влияние на обеспечение национальной безопасности. Осознание этих процессов имеет практическую значимость для организации системы обеспечения национальной безопасности, в частности в сфере защиты конституционного строя.

Методы исследования

Выбор методов исследования обусловлен необходимостью сопоставительного анализа внутривнутриполитических и международных событий, происходивших в социально-политической жизни Польши, Советского Союза и некоторых европейских социалистических стран с конца 1970-х до начала 1990-х гг. Автором проведен анализ текстов статей, проповедей, речей и выступлений Иоанна Павла II и политических деятелей того периода, а также обобщены другие политологические и исторические исследования, позволившие сделать вывод о влиянии общественно-политической деятельности Иоанна Павла II на процессы, оказавшие разрушительное воздействие на систему социализма в Европе.

Результаты

В результате Второй мировой войны Польская католическая церковь потеряла погибшими почти две тысячи священников и шестерых епископов, что явилось существенной потерей для ее духовенства. Послевоенное изменение государственных границ в Европе и массовые переселения людей¹ унифицировали национальный и религиозный облик польского общества, в котором доля исповедующих католицизм увеличилась с 65% до более чем 90%, от общей численности населения Польши (Грыз, 2016).

В июле 1958 г. 38-летний польский католический священник Кароль Войтыла становится самым молодым епископом в истории Польши. В октябре 1962 г. Кароль Войтыла, имея статус помощника архиепископа Кракова, принимает участие в работе первой сессии Второго Ватиканского Собора, являясь одним из младших участников, и в 1963 г. во время закрытия второй сессии Собора назначается архиепископом, митрополитом Краковским. В мае 1967 г. архиепископ Войтыла Папой Павлом VI назначается кардиналом.

По мнению О. Н. Четвериковой, польского священника и епископа Кароля Войтылу, представителя социалистической страны, активно продвигали его предшественники на Ватиканском престоле Пий XII и Павел VI, оказывавшие покровительство, видя его своим доверенным лицом в Польше. «Своим» Войтыла считался из-за его антикоммунистических и откровенно модернистских взглядов. «В Польше Войтылу знали как прогрессиста, либерала и антитрадиционалиста, не чужающегося активной светской жизни (увлечение турпоходами, спортом, современными рок- и джаз-оркестрами) <...> даже на фоне тогда уже широко распространенного модернизма взгляды Войтылы выглядели крайне радикаль-

¹ В 1968 г. была проведена массовая депортация из Польши людей еврейской национальности, которые в большей степени выехали во Францию.

ными. Они основывались на феноменологии Макса Шелера и Эдмунда Гуссерля, увлечение которой привело Войтылу к настолько глубокому искажению христианского учения, что оно означало фактически переход к чисто антропоцентричному мировоззрению, масонскому гуманизму» (Четверикова, 2018: 229).

Как иерарх Польской католической церкви, кардинал Кароль Войтыла осуществлял активную церковную деятельность, ориентируясь на широкие массы верующих людей, привлекаемых на мессы и богослужения в Краковскую архиепископию. Однако его проповеди имели не столько богословскую направленность, сколько являлись общественно-политической деятельностью в молодежной среде, содержали критику социально-политического строя в Польше и скрытые призывы к активизации антиправительственной деятельности. Такую деятельность Кароль Войтыла, будучи еще священником, начал в 1949 г. среди студентов Краковского университета. Этому способствовало преподавание им в университете общественной этики.

Помимо богословских вопросов кардинал Кароль Войтыла в своих выступлениях и статьях затрагивал вопросы европейского устройства. В этой связи интересна его статья «Граница Европы: где она?», в которой не только поднимается вопрос безграничного продвижения католического вероисповедания до Уральского хребта и вхождения славянских народов в европейскую семью, но и говорится о Польше как «ключе к Европе» (Иоанн Павел II, 1993), отделяя ее от СССР и всего социалистического лагеря.

Став в октябре 1978 г. Папой Римским, Иоанн Павел II активизирует свою общественно-политическую деятельность, направленную на изменение конституционного строя в Польской Народной Республике (ПНР)¹. Для этого использовались «апостольские поездки», проповеди и выступления перед многотысячными собраниями верующих как в самой Польше, так и в Ватикане, на встречах с польскими паломниками, а также встречи с представителями власти и общественности десятков государств.

После Второй мировой войны по инициативе СССР и во главе с ним из некоторых государств Восточной Европы был сформирован блок государств социалистического лагеря. В этих государствах внешняя и внутренняя политика, в том числе по отношению к религиозным объединениям, осуществлялись по образцу Советского Союза. Законодательно не запрещая деятельность религиозных организаций, власти проводили широкомасштабную атеистическую пропаганду.

С конца 1970-х гг. в польском обществе, в отличие от других государств Восточной Европы, входивших в Организацию Варшавского Договора (ОВД), возрастает авторитет католической церкви (костела) и значительно ослабевают антиклерикальные тенденции (Грыз, 2016). По мнению автора статьи, причиной этому были общественная деятельность кардинала Кароля Войтылы и последующее избрание его Папой Римским, которое стало возможным под руководством и при участии определенных госструктур и спецслужб США и их союзников по НАТО, при совпадении их геополитических интересов с интересами Ватикана.

---

¹ С 1944 по 1989 г. польское государство имело название «Польская Народная Республика» (ПНР).

Избрание на папский престол поляка серьезно осложнило общественно-политическую ситуацию в Польше. Как отмечает польский политолог Р. Грыз, «после конклава от 16 октября 1978 года Казимеж Конколь, глава Управления по делам вероисповеданий, вынужден был сказать члену Политбюро ЦК ПОРП¹ Станиславу Кане, отвечавшему за борьбу с Костелом: „Церковь мы можем отпустить. На ее политику наше влияние закончилось“» (Грыз, 2016).

Известие об избрании Папой Римским кардинала из социалистической страны, по мнению автора, было неожиданным и для руководства СССР. Как пишет Р. Грыз, «Эдвард Герек² на известие об избрании на папский престол митрополита Краковского, полученное от Станислава Кани, бросил: „Поляк стал папой римским. Великое это событие для польского народа и большие осложнения для нас“. Слабым утешением стало принятие тезиса Станислава Кани, выдвинутого на национальном совещании Службы безопасности МВД в феврале 1979 года: „Кароль Войтыла был бы более опасен для властей в качестве примаса Польши³, нежели как Папа Римский“» (Грыз, 2016).

В действительности, по мнению автора, член Политбюро ЦК ПОРП Станислав Кани⁴ оказался неправ, так как не придал должного значения влиянию религиозного фактора на социально-политические процессы в Польше.

О. Н. Четверикова в книге «Оборотни, или Кто стоит за Ватиканом» приводит слова последнего главы социалистического польского государства Войцеха Ярузельского, который признал, что «они неверно оценили способности Кароля Войтылы как политика, когда допустили его избрание архиепископом Краковским. Избрание его на папский престол было неожиданностью для польских властей, которые считали, что на конклаве всем заправлял Збигнев Бжезинский» (Четверикова, 2018: 242).

Слова Ярузельского являются подтверждением того, что католический кардинал проводил в Польше активную антиправительственную политическую деятельность, это существенно повлияло на рост протестных выступлений в Польше и активизацию деятельности Независимого самоуправляемого профессионального союза «Солидарность».

Основатель союза «Солидарность» и первый президент «независимой» Польши Лех Валенса так оценил роль Иоанна Павла II в социально-политических изменениях в Польше конца 1970-х — начала 1980-х гг.: «Заканчивалось второе тысячелетие христианства. Поляк стал папой римским. Он спустя год, в 1979-м, приехал в Польшу — и он нас организовал. Но только для молитвы. Не на борьбу, он не хотел борьбы, он хотел молиться. Но мы вдруг увидели, что нас много. Нам стало понятно, что это неправда, что нас нету. А он еще сказал:

¹ ЦК ПОРП — Центральный Комитет Польской Объединенной Рабочей Партии.

² Эдвард Герек (польск. Edward Gierek, 6 января 1913 — 29 июля 2001 г.) — польский политический деятель, первый секретарь ЦК ПОРП в 1970–1980 гг.

³ Примас Польши (польск. — Prymas Polski) — титул архиепископа Гнезненского, имеющий почетное верховенство относительно других польских иерархов католической церкви.

⁴ В 1980–1981 гг. являлся первым секретарем ЦК ПОРП.

«Не бойтесь». Я до того времени привлекал людей к борьбе, с 70-х годов. Мы собирались только небольшими группами — у меня, кажется, было человек десять. А год спустя после папского визита у меня было десять миллионов» (Валенса, 2014). Слова Валенсы, что Иоанн Павел II «нас организовал» «только для молитвы», в полной мере подтверждают использование влияния религиозного фактора, проявившегося в деятельности понтифика, на рост антиправительственных выступлений и усиление политической активности союза «Солидарность».

Лех Валенса лукавил, когда говорил, что понтифик не хотел борьбы. Обращения Иоанна Павла II к студенчеству в 1979 и 1987 гг. и его письмо от 20 августа 1980 г., адресованное примасу Польши Стефану Вышиньскому, свидетельствуют об обратном.

Выступая на встрече со студентами Краковского университета 8 июня 1979 г., Иоанн Павел II процитировал несколько фраз из своего письма студентам университетов Латинской Америки: «Во время моей встречи с вами я увидел, что вы очень глубоко чувствуете зло, которое тяготеет над социальной жизнью народов, сыновьями и дочерьми которых вы являетесь. Вы обеспокоены необходимостью перемен, необходимостью построить лучший мир, более справедливый и более достойный человека» (Иоанн Павел II, 1979). Этими словами понтифик говорил польским студентам о необходимости перемен в их стране, давая им понять, что только изменение общественно-политической и социально-экономической систем в польском государстве могут дать им возможность достойной жизни. На этой же встрече говорилось: «Вы должны перенести в будущее весь исторический опыт, который называется „Польша“. Это трудный опыт, возможно, один из самых трудных в мире, в Европе и в Церкви. Не бойтесь тяжелого труда; бойтесь только бездумности и малодушия. Из трудного опыта, который мы называем „Польшей“, можно извлечь лучшее будущее» (Иоанн Павел II, 1979).

По всей видимости, Лех Валенса сознательно не упомянул всего контекста слов «Не бойтесь». Однако его слова «год спустя после папского визита у меня было десять миллионов» (Валенса, 2014) являются подтверждением того, что, цитируя слова Иисуса Христа, обращенные к Его ученикам: «Не бойтесь» (Мф. 14:27) (Библия, 2006: 1057), — Иоанн Павел II призвал к политической борьбе против существующего в ПНР государственного строя, что привело к активизации антиправительственных выступлений и забастовкам в Польше.

В начале 1980-х г. прошедшие в ряде регионов Польши антиправительственные выступления и забастовки, организованные союзом «Солидарность», вызвали только внутривнутриполитическую напряженность и осложнили экономическую ситуацию в Польше и смену руководства ЦК ПОРП.

В письме Примасу Польши Стефану Вышиньскому от 20 августа 1980 г. Иоанн Павел II пишет: «Молюсь, чтобы еще раз Епископат во главе с Примасом мог помочь народу в его борьбе за хлеб насущный, социальную справедливость и в защите его неприкосновенных прав на собственную жизнь и развитие» (Gryz, 2016). Так понтифик, прикрываясь «социальной справедливостью», призвал иерархов Польской католической церкви к участию в антиправительственной борьбе.

Могло ли такое быть, не имея Ватикан и союз «Солидарность» поддержки Запада?

Как пишет польский политолог Рышард Грыз, Примас Вышиньский уведомил Первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека о том, что «весь Костел Польши во главе с Епископатом поддерживает требования рабочих» (Gryz, 2016). При этом в Политбюро ЦК КПСС полагали, что, возможно, произойдет раскол внутри епископата Польской католической церкви, а Эдвард Герек, оценивая складывающуюся ситуацию в государстве, сказал: «Ситуация известна. Нет что обсуждать. Идет борьба быть или не быть социализму» (Gryz, 2016).

Политическое руководство СССР того периода не допускало возможности каких-либо изменений политического строя в Польше, в том числе потому, что Варшава являлась центром Военно-политического союза — Организации Варшавского Договора. В руководстве КГБ СССР и в ЦК КПСС прекрасно понимали, что политические изменения в Польше окажут существенное влияние на национальную безопасность Советского Союза.

Это прекрасно понимали и в Вашингтоне, и в Ватикане.

В борьбе против Советского Союза активно использовалась дезинформация, распространяемая по миру, представляя СССР «империей зла». Так было и в случае с покушением на Иоанна Павла II, совершенном 13 мая 1981 г. турком Мехметом Али Агджой, якобы заявившим, что он действовал по указанию спецслужб Народной Республики Болгарии, а следовательно, КГБ СССР. Такие «обвинения» возымели еще больший пропагандистский эффект, после того как по всему миру разлетелись кадры встречи понтифика с Агджой и его заявление, что он прощает своего несостоявшегося убийцу. По мнению автора, такое подражание словам Спасителя: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23: 34) (Библия, 2006а: 1132), — вызывало еще большее умиление к «святому Папе» и ненависть к «империи зла», формировался образ «Папы-мученика», «Папы — борца за Польшу».

Во второй «апостольский визит» в Польшу в июне 1983 г. Иоанн Павел II более открыто в своих проповедях и обращении к высшим должностным лицам Польского государства, говоря о богатой и счастливой Польше в интересах мира и доброго сотрудничества с народами Европы, отделяет Польшу от Советского Союза. Понтифик, делая акцент на трудном времени, которое переживает Польша, открыто заявлял, что эти трудные времена могут стать дорогой для обновления общества, началом которому станет заключение соглашения между государственной властью и представителями трудящихся. Такое соглашение и должно было привести к социально-политическим переменам в Польше (Иоанн Павел II, 1983).

Избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева раскрыло перед Вашингтоном и Ватиканом иные возможности борьбы против СССР и социализма в Европе. В ходе своего визита в Польшу в июне 1987 г. в одном из своих обращений Иоанн Павел II, в частности, сказал: «Пусть этот день останется Днем нашей общей молитвы за человеческий труд в Польше, за солидарность, за все вопросы, которые так важны для вас, трудящихся, для ваших семей, для всего общества, для всей нашей Родины, которые являются мотивами надежды, о которых я уже гово-

рил в день моего приезда в Польшу» (Иоанн Павел II, 1987). Далее понтифик, говоря с «заботой» о человеке труда, в то же время говорит о поддержке «Солидарности» и забастовочного движения на Гданьских верфях, осознавая, что социально-политические перемены, о которых он говорит, потребуют людских жертв.

Анализ этого обращения и доклада М. С. Горбачева на январском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии», где делается акцент на «человеке труда» и «трудящихся» (Материалы Пленума ЦК КПСС, 1987), показывает «удивительное совпадение» с обращением Иоанна Павла II к польскому народу, в которых делается одинаковый акцент на «трудящихся» и «человеке труда».

Эти события 1987 г. в СССР и ПНР стали началом большого поворота в социально-политических процессах в Польше, где под прикрытием молитвы трудящиеся призывались к борьбе с существующим строем и властью, и в Советском Союзе, где, прикрываясь заботой о трудящихся, через «перестройку и ускорение», вели процесс разрушения существующего строя. Оба события имеют одно общее: через общественно-политическую активность трудящихся, «заботу об их правах и их достойном существовании» социалистический строй в Польше и Советском Союзе вели к ликвидации и к возвращению власти олигархического капитала, а главное — к вассальному положению обоих государств сюзеру США. Какие социально-политические потрясения пережили и переживают до сих пор народы Польши и постсоветской России, хорошо известно.

Последствия «апостольских проповедей» Папы Римского в Польше в июне 1987 г. не заставили себя ждать. Уже к концу лета этого года в некоторых городах ПНР прошли антиправительственные выступления.

Однако понтифик призывами к полякам воздействовал не только на внутрисоциальную ситуацию в самой Польше, но и на общественно-политические процессы в Европе в целом. Выступая в Европейском Парламенте 11 октября 1988 г., Иоанн Павел II в своей речи, обращенной, по мнению автора статьи, не столько к самим депутатам, задаваясь вопросом: «может ли Церковь оставаться в стороне от построения Европы» (Иоанн Павел II, 1993: 202), в частности сказал: «Распались все империи прошлого, пытавшиеся навязать свое владычество насилием и захватами. Ваша Европа будет Европой свободной ассоциации всех народов, приобщения друг друга к богатствам собственной неповторимой культуры. К представляемым вами нациям смогут, разумеется, присоединиться и другие» (Иоанн Павел II, 1993: 203–204). Дальнейшие слова Папы Римского в полной мере подтверждают стремление использовать влияние религиозного фактора на социально-политические процессы в Европе: «Как мог бы я этого не желать, если история и культура всех народов нашей общей Европы — греков и латинян, германцев и славян, несмотря на все превратности и независимо от социальных систем и идеологий, запечатлена христианской верой?» (Иоанн Павел II, 1993: 204).

Примечательным является факт официального визита в Ватикан М.С. Горбачева, состоявшегося 1 декабря 1989 г. По мнению автора статьи, главной целью встречи было «подведение итогов» произошедших в Польше с начала 1989 г. «демократических перемен» и обсуждение вопроса невмешательства СССР в поль-

ские общественно-политические процессы, кульминацией чего стали президентские выборы, в результате которых президентом Польши был избран Лех Валенса.

В период конца 1980-х — начала 1990-х гг. в Европе происходили события, начатые при активной общественно-политической деятельности Иоанна Павла II, развала социализма Европе.

Автор полагает, что «избрание» поляка Папой Римским и его визиты в Польшу начиная с декабря 1979 г. были спланированы как минимум в середине 1970-х гг. госструктурами и спецслужбами США, которые к тому времени уже взаимодействовали с лидерами союза «Солидарность». Хотя Лех Валенса всячески пытался представить «независимость» деятельности возглавляемой им организации, не имевшей поддержки извне, американский политолог С. Джонс¹ в своей книге прямо указывает, что спецслужбы западных государств² устанавливали и поддерживали контакты с лидерами союза «Солидарность» с момента его создания (Jones, 2018). Только ЦРУ США потратило на поддержку деятельности профсоюза не менее \$20 млн. Президент США Р. Рейган подписанием документа под кодовым названием «QRHELPFUL»³ утвердил порядок помощи подпольным структурам «Солидарности».

С. Джонс также утверждает, что Ватикан был информирован о деятельности западных государств, их спецслужб и иных подконтрольных правительствам организаций, направленной на изменение общественно-политического строя в ПНР (Jones, 2018). Подтверждением этому, а также факту непосредственного участия Запада в продвижении Кароля Войтылы на папский престол могут служить слова З. Бжезинского, сказанные им в одной из телепередач: «Папа мне сказал: „Ты меня выбрал папой, значит, ты должен ко мне приехать!“» (Четверикова, 2018: 242).

Автор статьи полагает, что целью визитов Иоанна Павла II в Польшу в 1979–1987 гг. было использование влияния религиозного фактора на социально-политические процессы в целях дестабилизации внутривнутриполитической обстановки и изменения государственного строя в Польше и последующий развал Организации Варшавского Договора.

Такой вывод позволяет сделать анализ международных социально-экономических и военно-политических событий того периода.

Автор согласен с мнением О. Н. Четвериковой, считающей, что в 1970-х гг. о себе активно и открыто начали заявлять транснациональные корпорации и банки (ТНК и ТНБ) (Четверикова, 2018), начавшие позиционировать себя на мировой арене как надгосударственные институты, имеющие право «диктовать свои условия», устанавливать «мировые правила и порядок» и навязывать миру свои социально-экономические приоритеты.

¹ Бывший член командования специальными операциями США (USSOCOM).

² Основную роль играло американское ЦРУ, при активном участии великобританской MI6 и израильской «Моссад», а также спецслужб Франции, так как это государство являлось своеобразной «базой» действий Запада против ПНР.

³ Президентский указ от 4 ноября 1982 г., в котором утверждалась программа секретных действий ЦРУ для предоставления денег и иной помощи союзу «Солидарность».

Препятствием социально-экономической экспансии ТНК и ТНБ, по мнению автора, был военно-политический и социально-экономический потенциал Советского Союза, ОВД и стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Поэтому при поддержке и участии спецслужб ряда государств «в недрах ТНК и ТНБ разрабатывается стратегия, направленная на слом системы национально-государственного регулирования и перехода к открытому „глобальному“ обществу. Приоритетное значение приобретает пропаганда „единого человеческого общества“, „мира без границ“» (Четверикова, 2018: 227). В этой связи, по мнению автора, обращает на себя внимание «идея» М. С. Горбачева «социализма с человеческим лицом».

Важную роль в противостоянии с Западом играл военно-политический потенциал СССР и ОВД. В конце 1970-х гг. в НАТО, обеспокоившись размещением в Белоруссии советских ракет средней дальности «Пионер», которые оказались за рамками Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) между СССР и США, принимает решение о размещении в ФРГ, Великобритании, Италии, Нидерландах и Бельгии баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет «Крузиз», которые были нацелены на СССР и другие страны ОВД. В то же самое время в СССР заканчивались испытания оперативно-тактического ракетного комплекса «Ока» малой дальности, размещение которого планировалось в Германской Демократической Республике, Чехословакии и Болгарии. Тем самым СССР создавал систему сдерживания НАТО и обеспечивал возможность упреждающего удара, гарантируя национальную безопасность всех государств ОВД.

Сложившееся положение, по мнению автора, не удовлетворяло США и их союзников, а также руководство ТНК и ТНБ. В связи с этим госучреждениями и спецслужбами США и их союзников совместно с подконтрольными им организациями гражданского общества, получавшими финансирование как из государственного бюджета, так из средств неправительственных организаций, проводилась подрывная деятельность против СССР и других социалистических стран.

Дискуссия и заключение

Подводя итог рассуждениям, можно сказать, что, начав с поддержки союза «Солидарность», используя фактор влияния Ватикана в Польше через «избранного» понтифика-поляка, Запад решил задачу по стимулированию смены власти в Польше, последующему развалу ОВД и разрушению системы социализма в Европе. Религиозный фактор, проявившийся в общественно-политической деятельности Иоанна Павла II, оказал серьезное влияние на социально-политические процессы в ПНР. В результате произошедших событий социалистическая политическая система и конституционный строй в самой Польше и в 1989–1990 гг. во всех социалистических государствах Восточной Европы были разрушены, что привело к распаду Организации Варшавского Договора¹. Военно-политический союз социалистических государств «усилиями» Иоанна Павла II и по воле США и их союзников был разрушен.

.....
¹ 25 февраля 1991 г. государства — участники Организации Варшавского Договора упразднили ее военные структуры, а 1 июля 1991 г. в Праге подписали Протокол о полном прекращении действия Договора.

Приведенный анализ мировых общественно-политических процессов, в которых участвовал понтифик, приведших как к изменению политического строя в отдельно взятом государстве, так и к разрушению целой политической системы, в полной мере подтверждает сделанный вывод.

В этой связи интересна оценка деятельности Иоанна Павла II, данная М. С. Горбачевым в интервью туринской газете «La Stampa» 3 марта 1992 г. В статье под названием «Горбачев: чем мы обязаны Иоанну Павлу II. Перестройка и папа Войтыла», в частности, говорится: «Я по-прежнему убежден в важности действий Папы Иоанна Павла II в эти годы. <...> И сегодня мы можем сказать, что то, что произошло в Восточной Европе в последние годы, было бы невозможно без участия Папы, без большой роли — даже политической — которую он сумел сыграть на мировой арене» (Gorbaciov, 1992). Именно политическая роль по стимулированию антиправительственных выступлений в Польше была сыграна Иоанном Павлом II при поддержке и финансировании США и их союзников, а также ТНК и ТНБ, ставших в 1970–1980-х гг. надгосударственными структурами.

В конечном итоге вся эта деятельность была направлена против Советского Союза и его национальной безопасности.

Анализ общественно-политической деятельности Иоанна Павла II дает основание говорить о ее осуществлении в интересах определенных политических и финансовых кругов. Взаимовыгодные геополитические интересы Ватикана и Вашингтона послужили основанием для заключения соглашения о совместных действиях в Польше и развала системы социализма в Европе, подписанного в августе 1982 г. Папой Римским Иоанном Павлом II и президентом США Рональдом Рейганом, получившим наименование «священный союз». Самую активную роль во взаимодействии Вашингтона с Ватиканом играли два католика, являвшиеся рыцарями Мальтийского ордена, называемого «вооруженной рукой» Ватикана: директор ЦРУ Уильям Кейси и госсекретарь Александр Хэйг, а также советник президента США по национальной безопасности Ричард Алэн, «утверждавший позже, что отношения с Ватиканом представляли собой один из самых больших тайных союзов во всей истории» (Четверикова, 2010).

Борьба «коллективного Запада» против СССР и стран социалистического содружества, продолжающаяся по сей день уже против Российской Федерации, в полной мере вовлекала в свои провокационные действия Ватикан, в том числе обвиняя СССР в организации покушения на понтифика. На самом же деле спецслужбы Советского Союза и Болгарии не были причастны к покушению на Иоанна Павла II в мае 1981 г. Стрелявший в понтифика турок Агджа после освобождения из турецкой тюрьмы заявил, что за этим покушением стоял влиятельный в Ватикане кардинал Агостино Казароли¹, с 1979 г. занимавший пост государственного секретаря Ватикана, принадлежавший к масонской ложе и пре-

.....
¹ Агостино Казароли в 1970–1980-е гг. несколько раз посещал Москву. Особое значение имел визит, состоявшийся в июне 1988 г., в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси. Кардинал Казароли был председателем делегации Святого Престола и 13 июня был принят М.С. Горбачевым. На приеме у генсека ЦК КПСС был и Примас Польши кардинал Юзеф Глемп.

тендовавший в 1978 г. на папский престол (Четверикова, 2018). Использование в антигосударственной деятельности религиозного фактора и провокаций с участием представителей духовенства в 1970–1980-х гг. не были «новинкой», все это уже было в России в начале XX в.¹

Аналогичная деятельность, эпицентром которой после развала Советского Союза и плацдармом борьбы против России стала Украина, осуществляется и в наши дни, о чем многократно заявлял Президент России В. В. Путин, обращая внимание на важность и необходимость обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (Путин, 2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Евангелие от Матфея. М., Российское Библейское общество, 2006. 1342 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Евангелие от Луки. М. : Российское Библейское общество, 2006. 1342 с.

Валенса Л. Как 25 лет назад Польша «вышла» из коммунизма // mk.ru. 2014. 3 июня. URL: <https://www.mk.ru/politics/2014/06/03/leh-valensa-kak-25-let-nazad-polsha-vyshla-iz-kommunizma.html> (дата обращения: 05.11.2023).

Грыз Р. Римско-католическая церковь в Польской Народной Республике (1944/45–1989): формы сосуществования с режимом и роль идейной оппозиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3 (34). С. 11–43.

Иоанн Павел II Единство в многообразии. Милан ; М. : Христианская Россия, 1993. 240 с.

Иоанн Павел II Обращение к студентам Краковского университета, Краков, 8 июня 1979 года. // vatican.va: официальный интернет-портал Ватикана. 1979. 8 июня. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/1979/june/documents/hf_jp-ii_spe_19790608_polonia-cracovia-universitari.html (дата обращения: 31.07.2023).

Иоанн Павел II Проповедь, во время торжественного богослужения на стадионе в Варшаве, 17 июня 1983 года // vatican.va: официальный интернет-портал Ватикана. 1987. 17 июня. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/homilies/1983/documents/hf_jp-ii_hom_19830617_stadio-x-anno.html (дата обращения: 20.12.2023).

Иоанн Павел II. Речь к государственным властям во дворце Бельведер, 17 июня 1983 года // vatican.va: официальный интернет-портал Ватикана. 1987. 17 июня. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/1983/june/documents/hf_jp-ii_spe_19830617_autorita-statali.html (дата обращения: 20.12.2023).

Иоанн Павел II. Слово к верующим в конце святой мессы в Гданьске, 12 июня 1987 года // vatican.va: официальный интернет-портал Ватикана. 1987. 12 июня.

.....
¹ Имеется в виду деятельность священника Георгия Гапона в 1904–1905 гг., в результате которой произошли события 9 января 1905 г. и последующие революционные волнения 1905–1907 гг.

URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/1987/june/documents/hf_jp-ii_spe_19870612_fedeli-danzica.html (дата обращения: 24.07.2023).

Красов А. В. Богословское понимание термина «религиозный фактор» // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Вып. 17–18. Якутск, 2022. С. 36–55.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М. : Политиздат, 1987. 94 с.

Путин В. В. Итоги года с Владимиром Путиным // kremlin.ru: официальный интернет-портал Президента России. 2023. 14 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 27.12.2023).

Четверикова О. Н. Католицизм в наступлении: Идеология и политика Ватикана в условиях перехода к глобализированному мировому порядку // Россия XXI. 2010. № 1. С. 34–59.

Четверикова О. Н. Оборотни, или Кто стоит за Ватиканом. М. : Кислород, 2018. 653 с.

Jones S. G. A Covert Action Reagan the CIA and the Cold War Struggle in Poland. NY : W. W. Norton & Company, 2018. 320 p.

Gorbaciov M. Gorbaciov: cosa dobbiamo a Giovanni Paolo II. La perestrojka e Papa Wojtyla. 1992. https://archive.org/details/lastampa_1992-03-03/mode/2up?view=theater.

Gryz R. Prymas Wyszyński i narodziny „Solidarności”. Mediator czy sojusznik? 2016. <https://teologiapolityczna.pl/ryszard-gryz-prymas-wyszynski-i-narodziny-solidarnosci-mediator-czy-sojusznik>.

REFERENCES

The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments, the Gospel of Matthew. (2006) Moscow : Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo. (In Russ.).

The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments, the Gospel of Luke. (2006) Moscow : Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo. (In Russ.).

Walensa L. (2014). How Poland “came out” of communism 25 years ago // *mk.ru*. <https://www.mk.ru/politics/2014/06/03/leh-valensa-kak-25-let-nazad-polsha-vyshla-iz-komunizma.html> (In Russ.).

Gryz, R. (2016). The Roman Catholic Church in the Polish People’s Republic (1944/45–1989): forms of coexistence with the regime and the role of ideological opposition. *Institut Gosudarstvo, religiya, cerkov’ v Rossii i za rubezhom*, 3(34), 11–43.

John Paul II (1993). *Unity in Diversity*. Milan ; Moscow : Hristianskaya Rossiya. (In Russ.)

John Paul II (1979). *Address to students of the University of Krakow*. https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/1979/june/documents/hf_jp-ii_spe_19790608_polonia-cracovia-universitari.html.

John Paul II (1983). *Sermon, during the solemn divine service at the stadium in Warsaw*. https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/homilies/1983/documents/hf_jp-ii_hom_19830617_stadio-x-anno.html.

John Paul II (1983). *Speech to the state authorities at the Belvedere Palace*. <https://www.vat->

ican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/1983/june/documents/hf_jp-ii_spe_19830617_autorita-statali.html.

John Paul II (1987). *A word to the faithful at the end of Holy Mass in Gdansk*. https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/1987/june/documents/hf_jp-ii_spe_19870612_fedeli-danzica.html.

Krasov, A. V. (2022). The theological understanding of the term “religious factor. In: *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*. Vol. 17–18. (pp. 36–55). (In Russ.).

Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, January 27–28, 1987 (1987). Moscow : Politizdat. (In Russ.).

Putin, V. V. (2023). *Results of the year with Vladimir Putin*. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>. (In Russ.).

Chetverikova, O. N. (2018). *Werewolves, or Who stands behind the Vatican*. Moscow : Kislrod. (In Russ.).

Chetverikova, O. N. (2010). Catholicism on the Offensive: The Ideology and Policy of the Vatican in the context of the transition to a globalized world order. *Russia XXI, 1*, 34–59. (In Russ.)

Jones, S. G. (2018). *A Covert Action Reagan the CIA and the Cold War Struggle in Poland*. NY : W. W. Norton & Company.

Gorbachev, M. (1992). *Gorbaciov: cosa dobbiamo a Giovanni Paolo II. La perestrojka e Papa Wojtyla*. https://archive.org/details/lastampa_1992-03-03/mode/2up?view=theater.

Gryz, R. (2016). *Primate Wyszyński and the birth of Solidarity. Mediator or ally?* <https://teologiapolityczna.pl/ryszard-gryz-prymas-wyszynski-i-narodziny-solidarnosci-mediator-czy-sojusznik>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Витальевич Красов — референт ректора Барнаульской духовной семинарии Барнаульской Епархии Русской Православной Церкви, Барнаул, Россия.

Alexander V. Krasov — Rector's Assistant at the Barnaul Theological Seminary of the Barnaul Diocese of the Russian Orthodox Church, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 27.02.2024;
принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 27.02.2024;
accepted for publication 27.02.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 316.2

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-10

Социологические аспекты содержания и исправления малолетних осужденных в идейном наследии Н. М. Ядринцева

Александр Викторович Головинов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
alex-golovinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

Юлия Владимировна Головинова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6190-4511>

Аннотация. Цель настоящей работы предполагает систематическую реконструкцию социологических воззрений лидера движения сибирских областников — Н. М. Ядринцева по поводу режима содержания и механизмов исправления малолетних преступников. Актуальность исследования продиктована научно-академическими и практическими задачами. Во-первых, данный фрагмент идейного наследия просветителя в литературе до сих пор не получил должного освещения, поэтому результаты нашей работы могут способствовать развитию предметной области истории социологической мысли в России. Во-вторых, исследование может быть полезно при разработке доктринальных основ современной государственной пенитенциарной политики. Работа базируется на методологии «новой социальной истории» и положениях «новой интеллектуальной истории», что позволяет рассматривать общественные явления сквозь призму индивида, а не государства. Был также широко использован текстологический анализ работ Н. М. Ядринцева по заявленной теме. В ходе исследования установлено, что сибирский мыслитель выступал за отделение несовершеннолетних арестантов от взрослых сидельцев и учреждение для данной категории подневольных специального режима содержания. В статье отмечается, что, рассматривая проблему содержания в изоляции от общества несовершеннолетних преступников, сибирский областник фиксировал последовательную гуманизацию самого уголовного наказания по отношению к детям. Авторами показано, что в деле перевоспитания малолетних осужденных публицист предлагал скорейшее введение воспитательного надзора в целях нравственного воздействия на детей-преступников. В целом делается вывод о том, что Н. М. Ядринцев разрабатывал механизмы исправления, основанные на положительных примерах из социальной жизни.

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев, сибирское областничество, история социологической мысли, осужденные, тюрьма, малолетние преступники, детские колонии, пенитенциарная социология

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Социологические аспекты содержания и исправления малолетних осужденных в идейном наследии Н.М. Ядринцева // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 151–159. doi: 10.14258/ssi(2024)1-10.

Sociological Aspects of Content and Correction of Junior Convicted in the Ideal Heritage of N. M. Yadrintsev

Alexander V. Golovinov

Altai State University, Barnaul, Russia, alex-golovinov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8493-2902>

Yulia.V. Golovinova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia,
yu.golovinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6190-4511>

Abstract. The purpose of this work involves a systematic reconstruction of the sociological views of the leader of the movement of Siberian regionalists — N. M. Yadrintsev on the problem of the regime of detention and mechanisms for the correction of juvenile delinquents. The relevance of the study is dictated by scientific, academic and practical tasks. Firstly, this fragment of the enlightenment’s ideological heritage has not yet received adequate coverage in literature. Therefore, the results of our work can contribute to the development of the subject area of the history of sociological thought in Russia. Secondly, the study can be useful in developing the doctrinal foundations of modern state penitentiary policy. The work is based on the methodology of the “new social history” and the provisions of the “new intellectual history”, which allows us to consider social phenomena through the prism of the individual, and not the state. Textual analysis of N. M. Yadrintsev’s works on the stated topic was also widely used. In the course of the study, it was established that the Siberian thinker advocated the separation of juvenile prisoners from adult inmates and the establishment of a special regime of detention for this category of forced prisoners. The article notes that when considering the problem of keeping juvenile criminals in isolation from society, the Siberian regionalist recorded the consistent humanization of the criminal punishment itself for children. The authors also show that in the matter of re-education of juvenile convicts, the publicist proposed the speedy introduction of educational supervision for the purpose of moral influence on child criminals. In general, it is concluded that N. M. Yadrintsev developed a rational method of correction, which should be based on examples from social life that give concepts about the mutual connection of people.

Keywords: N. M. Yadrintsev, Siberian regionalism, history of sociological thought, convicts, prison, juvenile offenders, children’s colonies, penitentiary sociology

For citation: Golovinov, A.V., Golovinova, Yu.V. (2024). Sociological Aspects of Content and Correction of Junior Convicted in the Ideal Heritage of N.M. Yadrintsev. *Society and Security Insights*, 7(1), 151–159. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-10.

Введение

Учреждения системы исполнения наказания выступают неотъемлемой частью государственной машины по борьбе с девиациями. Между тем мир тюремных застенков создает собственные социальные практики, что часто приводит к ресоциализации осужденных и росту рецидивов среди бывших арестантов. Потому механизмы исправления преступников, к сожалению, далеко не всегда достигают поставленных целей. Особую остроту проблема приобретает в среде несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание. В историю уголовно-исполнительной политики как важной части социальной политики отечественного государства относительно недавно вошла практика отдельного содержания малолетних злоумышленников и особого отношения к ним. Только во второй половине XIX в. в судебных уставах Российской Империи впервые была узаконена необходимость отдельных исправительных приютов для детей-преступников. Этот период социальной истории в гуманитарных науках принято квалифицировать как эпоху больших либеральных преобразований и эмансипации. Именно в период «великих реформ» русская общественность обратила свой взор на проблемы пенитенциарной политики по отношению к малолетним арестантам. Одним из первых в истории русской социологической мысли проблематику содержания и исправления малолетних осужденных принялся рассматривать Н. М. Ядринцев. Идеолог сибирского областничества не был профессиональным ученым-криминалистом, однако внес определенный вклад в изучение этого деликатного вопроса. В своей актуальной социальной и политической публицистике просветитель обращался к теме тюрьмы неоднократно. Жизненные обстоятельства в свое время привели известного сибиряка в казематы Омского тюремного замка. Личный опыт заключенного создавал почву для социологических наблюдений за миром мест лишения свободы. К тому же интерес Н. М. Ядринцева к тюремоведению был продиктован поиском решения насущных проблем родной Сибири, которая была центром ссылки, тюрьмы и каторги. Данное обстоятельство негативно влияло на социальную стратификацию сибирского общества. Желая отчуждаться от края процветания и благополучия, просветитель серьезно погружался в пенитенциарику. Всесторонняя рефлексия вывела мыслителя на проблему затруднительного положения детей-преступников. Однако в современной научно-исследовательской литературе этот фрагмент социологических воззрений лидера движения сибирских областников не получил должного освещения.

Общие вопросы социально-философского и публицистического наследия представлены в работах таких ученых как, А. О. Бороноев (2004), В. П. Зиновьев (2022), И. Л. Дамешек (2019), В. А. Гордиенко, Н. В. Жилиякова (2020), Ю. А. Зуляр (2022), В. А. Должиков (2018), М. К. Чуркин (2021), А. В. Малинов (2013), Е. П. Ковалышкина (2005), Е. А. Масяйкина (2022), О. П. Дорошенко (2020). Современные исследователи раскрывают самые разные стороны областнического учения. Между тем актуальным видится выявление и реконструкция социологических аспектов содержания и исправления малолетних осужденных в идейном мире Н. М. Ядринцева, чему и посвящена данная статья.

Методология исследования

Настоящее исследование базируется на междисциплинарном инструментарии. Использовались теоретические положения «новой социальной истории», что позволяет рассматривать общественные процессы в фокусе обращения к индивиду и отдельным социальным группам, а не к государству и органам публичной власти. Широко применялся текстологический контент-анализ произведений Н. М. Ядринцева. Данный метод направлен на выявление коренного и истинного смысла в письменном выражении взглядов просветителя. Методология «новой культурно-интеллектуальной истории» способствовала пониманию социологических текстов Н. М. Ядринцева в контексте культурного и идеологического пространства эпохи.

Результаты и их обсуждение

Итак, рассматривая проблему содержания несовершеннолетних преступников в изоляции от общества, сибирский областник фиксировал последовательную гуманизацию самого уголовного наказания к детям. Но тут-то и возникал определенный диссонанс. С одной стороны, положительным моментом считал Н. М. Ядринцев, что к детям не применяли суровые формы наказания, такие как каторжные работы или труд на рудниках. Плюс к этому необходимо добавить, что по уголовному закону дореволюционной России малолетних преступников не подвергали ссылке. С другой же стороны, в вопросе тюремного заключения такого мягкого подхода как раз недоставало. «Что касается тюремного заключения, — отмечал просветитель, — то в тех условиях, в каких оно выполняется над взрослыми, по отношению к ребенку, вступившему на путь порока, очевидно, оно имело бы последствием его окончательное огрубление и извращение. Содержание детей среди общества взрослых преступников должно было, конечно, производить самое невыгодное влияние на них. Все эти обстоятельства должны были изменить как воззрения криминалистов, так и уголовной практики на малолетних преступников, а рядом с этим вызвать в среде общественных и государственных деятелей вопрос об организации специальных заведений для исправления и призревания детей, впадающих в преступления вследствие отсутствия заботы о них, правильного воспитания и тяжелых условий жизни» (Ядринцев, 1874: 79).

Отделение несовершеннолетних арестантов от взрослых сидельцев и учреждение для данной категории подневольных специального режима содержания просветитель считал лишь робким и несмелым шагом отечественного законодателя. В этом смысле просветитель призывал использовать зарубежный опыт с осторожностью. Публицист положительно оценивал, что юристы и педагоги, заинтересованные этим вопросом, пытались использовать опыт исправительных учреждений Запада. Однако такой опыт подвергал критике. «Во французских колониях малолетних преступников, — замечал Н. М. Ядринцев, — применялась маршировка, было употребляемо бритье детских голов за побеги и т.п.; мы не говорим уже о строгости дисциплинарных наказаний, особых куртках для связывания детей и т.п. Поэтому заимствование образцов из этих колоний подлежит строгому разбору» (Ядринцев, 1874: 80).

Стоит отметить, что юридическая сторона обозначенного вопроса мало интересовала просветителя. В центре внимания оказалась проблематика социального воздействия тюремного быта и арестантской субкультуры на преступников, в особенности детей-правонарушителей. В целом, проводя свои социологические наблюдения, «достойный сын Сибири» констатировал крайне слабое исправительное воздействие системы исполнения наказания на арестантов. По мнению публициста, русская тюрьма никого еще не исправила, но всегда превращала и продолжает превращать своих подневольных обитателей в людей раздражительных, желчных, больных физически и морально. «Какое же ужасное разрушающее влияние должна иметь тюрьма на малолетних преступников, тем разрушительнее и резче должно быть это влияние, чем моложе субъект», — вот к какому умозаключению пришел Н. М. Ядринцев (Ядринцев, 1875: 1). Социальные практики в «мертвых домах», мягко говоря, противоречили высоконравственным целям перевоспитания юных преступников, закрепленных в законодательстве. Препарируя «Положение об отделении малолетних арестантов при петербургском тюремном замке», просветитель отмечал, что главное внимание должно быть обращено на организацию нравственно-исправительной части. Именно так и было сформулировано в нормативном акте. Вполне понятно, что во все времена отечественный правотворец создает очень неплохие юридические конструкции, однако в правоприменении, увы, далеко не всегда достигаются обозначенные правовые принципы.

В деле перевоспитания малолетних осужденных публицист предлагал скорейшее введение воспитательного надзора в целях нравственного воздействия на детей-преступников. На полосах центральной периодики — в столичной газете «Голос» в 1875 г. писатель-сибиряк крепко взялся за анализ «Тюремного Устава» и «Положения об отделении малолетних арестантов при петербургском тюремном замке». Герменевтическая аналитика буквы данных нормативных актов и гносеологические рассуждения отчетливо позволили установить, что роль воспитателя ставится в полную зависимость от тюремного смотрителя. Н. М. Ядринцев обнаружил, что воспитатель состоит только на правах помощника надзирателя тюремного замка.

Сибирский областник был убежден в том, что социологические и статистические данные о малолетних в колониях чрезвычайно назидательны для общества, столь холодного и мало заинтересованного судьбой приютов и детских колоний. «Не менее важны сведения о детских тюрьмах, — констатировал публицист, — и для указания тех задач и осмотрительности, какой требует постановка рационального воспитания и обхождения с этими детьми в приютах для достижения результатов исправления. Мы далеки, чтобы считать петербургскую колонию идеалом совершенства и расточать ей похвалы. Напротив, ей предстоит еще много совершить, много поработать, чтобы достигнуть настоящих результатов...» (Ядринцев, 1874: 79).

В целом Н. М. Ядринцев разделял положения социологической концепции Г. Спенсера. Вслед за создателем эволюционной теории он понимал преступле-

ние как антисоциальное явление. Прямо ссылаясь на известного социолога, Н. М. Ядринцев отмечал: «Преступление антисоциально, как говорит Спенсер. Побуждением к нему служат своекорыстные чувства, а сдерживают его чувства социальные. Единственным возбудителем к хорошему образу действий с другими и естественным противником дурного образа действий служит сочувствие» (Ядринцев, 1872: 700). Потому в деле перевоспитания детей-преступников сочувствие и мягкий нравственный подход крайне важны.

Таким образом, рациональный метод исправления, в особенности применимый к детям, как полагал Н. М. Ядринцев, должен быть основан на примерах из социальной жизни, дающих понятия о взаимной связи людей и законах, управляющих человеческими сношениями. Пенитенциарное воспитание должно начаться вследствие этого с наглядного убеждения в выгоде соединения человеческих сил и взаимных обязательств. Потому общинные начала как нельзя лучше подходили для реализации этой задачи. «Острожная община, — замечал публицист, — всегда выказывала свое коллективное могущество, весь свой ум, всю энергию и настойчивость. Менялась ее обстановка, изменялись десятки начальников, применялись самые суровые и разнообразные меры, но арестантство стояло крепко и сумело сохранить права своей общины» (Ядринцев, 1872: 163).

Заключение

Итак, подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, Н. М. Ядринцев в своих социологических разработках в сфере содержания и исправления малолетних осужденных делал акцент на необходимости создания специализированных колоний для несовершеннолетних. В дореволюционной России такие учреждения не были распространены, только несколько пенитенциариев в Москве и Петербурге имели специальные отделения для малолетних арестантов. Чаще всего детей-преступников содержали вместе со взрослыми сидельцами. Сибирский областник выступил ярким противником такого положения дел. Во-вторых, просветитель настаивал на очень осторожном применении зарубежного опыта по содержанию малолетних арестантов, который часто также был далек от гуманных методов перевоспитания. В-третьих, публицист придерживался принципа использования воспитательного надзора в целях нравственного воздействия на детей-преступников. В-четвертых, Н. М. Ядринцев выступал за рациональный метод исправления, основанный на примерах из социальной жизни, в частности на общинной самоорганизации осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бороноев А. О. Сибирская идентичность: становление и содержание // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3(36). С. 152–159

Гордиенко В. А., Жиликова Н. В., Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г. // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 101–116. DOI 10.17223/26188422/8/7

Дамешек И. Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосо-

знания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX — начала XX веков : коллективная монография. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 98-120.

Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением // Народы и религии Евразии. 2018. № 15(2). С. 78–85.

Дорошенко О. П. Просветительско-педагогическая деятельность Г. Е. Катанаева в контексте развития идей сибирского областничества // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 117–122. DOI 10.17223/19988613/63/16

Зуляр Ю. А. Некоторые аспекты политической культуры современных жителей мегарегиона Сибирь // Иркутский историко-экономический ежегодник : сборник статей. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2022. С. 56–70. DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.04

Зиновьев В. П., Филонов И. Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 121–126.

Ковалешкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.

Малинов А. В. Областничество в истории русской мысли // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 41–52.

Масяйкина Е., Владимирова С. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» // Юрислингвистика. 2022. № 26(37). С. 90–95. DOI 10.14258/leglin(2022)2615

Чуркин М. К. «Субалтерны» колонизации в научно-публицистическом и литературном наследии Н. М. Ядринцева // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 236–247. DOI 10.17223/24099554/15/14

Шиловский М. В. Вопросы истории региона в книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» // Ядринцевские чтения. Вып. 6. Барнаул, 2019. С. 72–77.

Ядринцев Н. М. Колонии для малолетних преступников // Дело. 1874. № 7–8. С. 75–96.

Ядринцев Н. М. Малолетние преступники и тюрьма // Голос. 1875. № 194. С. 1.

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872. 768 с.

REFERENCES

Boronoev, A. O. (2004). Siberian identity: formation and content. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 3, 152–159. (In Russ.)

Gordienko V. A., Zhilyakova N. V. (2020). Journalism of A. V. Adrianov and G. N. Potanin in the newspaper “Siberian Life”, 1917. *Voprosy zhurnalistiki*, 8, 101–116. DOI 10.17223/26188422/8/7 (In Russ.)

Dameshek, I. L. (2019). Regional concept as an expression of Siberian self-awareness. Irkutsk society and “Siberian issues”. In: *State power and society: based on materials from the cities of the Irkutsk province of the 19th — early 20th centuries: collective monograph*. Irkutsk : Ottisk, pp. 98–120. (In Russ.)

Dolzhikov, V. A. (2018). N. M. Yadrintsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. *Narody i religii Evrazii*, 15(2), 78–85. (In Russ.)

Doroshenko, O. P. (2020). Educational and pedagogical activities of G.E. Katanaev in the context of the development of ideas of Siberian regionalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 63, 117–122. DOI 10.17223/19988613/63/16 (In Russ.)

Zulyar, Yu. A. (2022). Some aspects of the political culture of modern residents of the Siberia megaregion. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook : Collection of articles*. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet (pp. 56–70). DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.04 (In Russ.)

Zinoviev, V. P. Filonov, I. D. (2022). «Sibirsky Vestnik» and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885–1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 484, 121–126 (In Russ.)

Kovalyashkina, E. P. (2005). “The foreign question” in Siberia: concepts of state policy and regional thought. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta (In Russ.)

Malinov, A. V. (2013). Regionalism in the history of Russian thought. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 16(1) 41–45. (In Russ.)

Masyakina, E., Vladimirova, S. (2022). The ideology of regionalism in the mirror of Russian culture: based on the lexical and linguistic practices of Georgy Grebenshchikov's story “The Khanate of Batyrbek”. *Yurislingvistika*, 26(37), 90–95. DOI 10.14258/leglin(2022)2615 (In Russ.)

Churkin, M. K. (2021). “Subalterns” of colonization in the scientific, journalistic and literary heritage of N.M. Yadrintsev. *Imagologiya i komparativistika*, 15, 236–247. DOI 10.17223/24099554/15/14 (In Russ.)

Shilovsky, M. V. (2019). Questions of the history of the region in the book of N. M. Yadrintsev “Siberia as a colony”. In: *Yadrintsev readings*. Issue 6. (pp. 72–77). Barnaul/ (In Russ.)

Yadrintsev, N. M. (1874). Colonies for juvenile delinquents. *Delo*, 7–8, 75–96. (In Russ.)

Yadrintsev N. M. (1875). Juvenile delinquents and prison. *Golos*, 194, 1. (In Russ.)

Yadrintsev, N. M. (1872). *Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community*. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Викторович Головинов — канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Alexander V. Golovinov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law, Institute of Law, Altai State University, Barnaul, Russia.

Юлия Владимировна Головинова — канд. ист. наук, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.

Yulia.V. Golovinova — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Law and Methods of Teaching of Socio-Economic Disciplines, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024;
принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024;
approved after reviewing 10.02.2024;
accepted for publication 20.02.2024.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

BRIEF COMMUNICATIONS AND THE FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Научная статья / Research Article

УДК 316.342.6

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-11

Специфика мотивации участия населения в благоустройстве городской среды

Ирина Николаевна Воробьева

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия,
vorobyova-i-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5970-051X>

Полина Дмитриевна Кытина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия,
polinakytina25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3371-8527>

Анна Руслановна Трохимчук

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия,
annatrohichuk19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5382-8484>

Аннотация. Активность населения в благоустройстве городской среды является важным нематериальным ресурсом формирования городского пространства. Активное участие населения в принятии решений по преобразованию территории выступает залогом эффективности согласования мнений между горожанами и городскими властями, что минимизирует конфликты интересов и становится базой для социальной безопасности и уменьшает риск возникновения протестных настроений. Важной составляющей для

разработки механизмов привлечения горожан к практикам благоустройства является детальный анализ мотивации участия действующих активистов. В статье рассмотрены две формы участия в благоустройстве городской среды и соответственно две группы активистов: формальное участие в деятельности органов территориального общественного самоуправления и неформальное участие в благоустройстве дома, двора. Теоретико-методологической основой изучения социального участия стали работы Е. С. Азаровой, М. С. Яницкого, Х. К. Анхайер, Л. М. Саламон, М. В. Никонова и В. Н. Стегний. За базовые взяты идеалистические, личностного роста, расширения социальных контактов, компенсаторные мотивы. В качестве эмпирической базы использовались данные опроса населения города Череповца и результаты глубинных и экспертных интервью с представителями органов ТОС «Заречный» г. Череповца и активистами этого микрорайона. По результатам исследования было доказано, что значимые стимулы активистов, принимающих участие неформально, ориентированы на взаимодействие, на сферу общих интересов, мотивацией является решение проблем общества, общение, изменение окружающего пространства. Ведущие мотивы в структуре мотивации сотрудников ТОС при также достаточно выраженных идеалистических мотивах значимо ориентированы на проявление личной инициативы и обуславливаются стремлением самореализоваться.

Ключевые слова: мотивация социального участия, благоустройство городской среды, территориальные органы местного самоуправления, ценности

Для цитирования: Воробьева И.Н., Кытина П.Д., Трохимчук А.Р. Специфика мотивации участия населения в благоустройстве городской среды // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 160–177. doi: 10.14258/ssi(2024) 1-11.

Specificity of Motivation of Population Participation in Improvement of the Urban Environment

Irina N. Vorobyova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
vorobyova-i-n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5970-051X>

Polina D. Kytina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
polinakytina25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3371-8527>

Anna R. Trokhimchuk

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
annatrokhimchuk19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5382-8484>

Abstract. The activity of the population in improving the urban environment is an important intangible resource for the formation of urban space. The active participation of the population

in decision-making on the transformation of the territory is the key to the effectiveness of coordination of opinions between citizens and city authorities, which minimizes conflicts of interest and becomes the basis for social security and reduces the risk of protest sentiments. An important component for developing mechanisms for involving citizens in improvement practices is a detailed analysis of the motivation for the participation of current activists. The article examines two forms of participation in the improvement of the urban environment and, accordingly, two groups of activists: formal participation in the activities of territorial public self-government bodies and informal participation in the improvement of a house or yard. The theoretical and methodological basis for the study of social participation was the work of E. S. Azarova, M. S. Yanitsky, Kh. K. Anheier, L. M. Salamon, M. V. Nikonova and V. N. Stegnyy. Idealistic, personal growth, expansion of social contacts, and compensatory motives are taken as basic. As an empirical basis, we used data from a survey of the population of the city of Cherepovets and the results of in-depth and expert interviews with representatives of the bodies of the TOS "Zarechny" in the city of Cherepovets and activists of this microdistrict. Based on the results of the study, it was proven that the significant incentives of activists taking part informally are focused on interaction, on the sphere of common interests, the motivation is solving problems of society, communication, and changing the surrounding space. The leading motives in the structure of motivation of TOS employees, with also quite pronounced idealistic motives, are significantly focused on the manifestation of personal initiative and are determined by the desire for self-realization.

Keywords: motivation for social participation, improvement of the urban environment, Territorial local governments, values

For citation: Vorobeva, I.N., Kytina, P.D., Trokhimchuk, A.R. (2024). Specificity of Motivation of Population Participation in Improvement of the Urban Environment. *Society and Security Insights*, 7(1), 160–177. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-11

Введение

Современная Россия сталкивается с дефицитом средств и ресурсов, государственные органы не всегда способны справиться с новыми актуальными для населения социальными проблемами. Важным нематериальным ресурсом развития в данной ситуации является активная жизненная позиция населения, вовлеченность в практики социального участия, в том числе в преобразование окружающего пространства. К сожалению, активность населения во многих формах участия находится на достаточно низком уровне. Тогда как развитие условий социальной стабильности, безопасности и повышение благосостояния граждан невозможно без активной гражданской позиции со стороны населения, в том числе принятия ответственности за состояние своего двора, дома, города и страны в целом. Именно поэтому важно анализировать мотивы, ценности и установки наиболее активных слоев населения, особенно в таких социальных практиках, как благоустройство городской среды.

Обзор литературы

Вовлечение населения в решение актуальных социальных проблем более активно протекает на местном уровне. Значительный потенциал гражданской

активности заложен именно у местных сообществ, «население готово своими усилиями благоустроить пространство» (Петухов и др., 2014). Именно местные жители становятся самой важной и способной группой, которая может активно участвовать в процессах по улучшению повседневной среды и созданию комфортных условий для жизни (Hong, 2018).

Вовлеченность населения в сфере благоустройства является одной из самых необходимых для развития территории, так как позволяет разработать программные мероприятия по формированию комфортной городской среды, выработать системный подход повышения качества и комфорта жизни населения города (Деменев и др., 2018). Особенно актуальна эта задача в условиях конфликтов между городскими сообществами и местной властью при разработке стратегии благоустройства городской среды (Капогузов и др., 2020), конструктивный диалог позволяет снизить уровень конфликтности и стать базой стабильности и безопасности. Городская среда будет востребована и будет лучше работать, если жители деятельностно вовлечены в создание и управление ею (Смолева, 2020). Изучение социальных практик жителей дает возможность выявить ресурсы, выработать условия и координационно-административные технологии, которые позволят повысить эффективность административных действий власти (Костко, 2016).

Детально формы реализации потенциала активности жителей в благоустройстве представлены в работе А. А. Бурнашевой (Бурнашева, 2020). Она выделяет: участие в процессах формирования задания на проектирование объектов благоустройства; участие в процессах проектирования объектов благоустройства; участие в обсуждении проектов развития территории; участие в реализации проектов и осуществления работ, не требующих специальных допусков, лицензий или высокопрофессиональных навыков; участие в оценке качества и эффективности реализованного проекта; участие в регулярной оценке эксплуатации территории и выдвижение собственных предложений и инициатив по улучшению объекта; участие в субботниках на территории.

Самой массовой формой самоорганизации по месту жительства является территориальное общественное самоуправление (далее — ТОС), являющееся на сегодняшний день неотъемлемым элементом гражданского общества. Актуальной нормативно-правовой базой функционирования ТОС выступает ФЗ №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», закрепляющий за населением право на общественное самоуправление. Согласно положениям закона, под органами ТОС понимается «форма самоорганизации граждан по месту жительства на части их муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив и вопросов местного значения» (ст. 27).

Основными социальными практиками общественной активности в рамках работы ТОС является проведение субботников, собраний по месту жительства, участие населения в благоустройстве, организации досуга по месту жительства. Выделенные практики имеются в подавляющем большинстве российских муниципальных образований. Данная система коллективных действий на основе са-

моорганизации граждан по месту жительства придает устойчивость институту территориального общественного самоуправления (Мерсиянова, 2010).

Участие в рамках деятельности ТОС может осуществляться через формальные и неформальные практики. К первым относится ассоциативная деятельность, предполагающая членство в зарегистрированном органе общественного самоуправления. Ко вторым относится участие в проводимых мероприятиях без официального членства.

Движение ТОС в регионах страны осуществляется неравномерно. Причина этому — неполное раскрытие в ряде регионов потенциала взаимодействия местного самоуправления с органами ТОС. Затруднения вызывают вопросы финансирования, существует большая вероятность отказа со стороны местных властей в поддержке реализации своих планов органами ТОСа. Проблемой является недостаточный информационный обмен между органами местного самоуправления, органами ТОС и населением. Граждане зачастую не знают о том, как можно реализовать свое право на участие, не понимают, что такое ТОС и в чем его основное назначение, не желают участвовать в его деятельности (Кещян, 2020)

Для привлечения населения и выработки ресурсов социального участия в благоустройстве городской среды необходимо выявить превалирующие мотивы наиболее активных слоев населения. Для классификации основных мотивов в благоустройстве и формальном участии в деятельности ТОС могут быть использованы имеющиеся теоретические модели изучения мотивации социального участия в целом и наиболее распространенной и изученной формы социального участия — волонтерской деятельности.

А. С. Мельникова и И. И. Щемелев выделяют следующие факторы мотивации: ориентация на интересы первичной группы; ориентация на взаимодействие, реализацию коллективных действий; ориентация на альтруизм; ориентация на перекладывание ответственности за решение социальных проблем, невысокий уровень результативности действия отдельного индивида; ориентация на проявление личной инициативы, готовность брать ответственность за решение проблем общественного характера на себя; ориентация на прагматизм, преследование личной выгоды (Мельникова, Щемелев, 2022).

Е. С. Соколова выделяет потребностную мотивацию, целевую и внутреннего контроля. Потребностная выступает основополагающей и включает в себя потребность в общении, самореализации и личностном росте, в признании и уважении, в получении знаний, в оказании помощи, в престиже и благополучии. Целевая подразумевает стремление к позитивному эффекту в будущем, тот результат, к которому собирается прийти активист. Подструктура внутреннего контроля подразумевает внутренние установки, личностные качества индивида, его ценности (Соколова, 2008).

Х.К. Анхайер и Л.М. Саламон выделяют три базисные категории мотивационных факторов: альтруистические, инструментальные и долга. Альтруистические мотивы представляют собой: помощь и сочувствие нуждающимся, отождествление себя с испытывающими страдания людьми. Инструментальные

мотивы — например, получение нового опыта и способностей, желание совершать что-нибудь важное в свободное время. Мотивы долга: возможность выполнить моральный, духовный, гражданский долг; желание вносить вклад в формирование местного общества (Anheier, Salamon, 2001).

Детальную классификацию при изучении добровольчества предлагает Е. С. Азарова и М. С. Яницкий, которые разделили все мотивы на компенсаторные, мотивы выгоды, мотивы личностного роста, идеалистические и мотивы расширения социальных контактов (Азарова, Яницкий, 2008). Среди компенсаторных мотивов автор выделяют: решение собственных проблем, ожидание ответной помощи, улучшение собственного самочувствия, преодоление чувства одиночества. Под идеалистическими мотивами авторы понимают: желание способствовать изменениям в обществе, желание быть с социально полезным, помогать нуждающимся, бороться с определенной проблемой, улучшать благополучие другой личности, а также моральный долг и сочувствие. К мотивам выгоды относятся: получение полезных связей, проба себя на пути к карьере, приобретение дополнительных знаний, умений и навыков, расширение опыта и общественное признание. Мотивами личностного роста являются: желание самореализации, самосовершенствования и развития самосознания. И наконец, к мотивам расширения социальных контактов исследователи относят следующие: потребность в контакте с другими людьми, желание просто общаться, интересное времяпрепровождение. Схожая типология представлена и работе В. Н. Стегний, М. В. Никонова. Авторы разделяют идеалистические мотивы на альтруистические и долга (Стегний, Никонов, 2018). Данная модель является полной и удобной в использовании, но в прикладном исследовании можно столкнуться со следующей проблемой: часть карьерных мотивов и мотивов расширения социальных контактов являются также и компенсаторными. Например, завязывание социальных контактов, чтобы не быть одиноким, получение практических навыков, чтобы достичь своих собственных результатов, решить собственные проблемы.

Исследователи доказывают, что мотивация социального участия в целом и волонтерской деятельности в частности имеет сложный комбинированный характер (Anheier Н.К., Salamon, 2001; Соколова, 2008; Холина, 2011). Очень часто мотивы самореализации тесно связаны с мотивами коммуникационными, изменения повседневной среды и альтруистическими мотивами. Выявить тип мотивации сложно, можно определить лишь доминирующий в определенный момент или у определенного индивида мотив. Наиболее значимые отличия заключаются в мотивации формального и неформального участия. Мотивация формального участия чаще заключается в личностных мотивах, в саморазвитии, получении опыта, знаний, мотивах коммуникации и даже мотиве удовольствия от участия в деятельности той или иной организации. Тогда как практики неформального участия базируются чаще всего на мотивации социальных изменений, которая сосредоточена либо на помощи людям, либо на изменении окружающей среды (Воробьева, 2023).

Целью данной статьи является выявление специфики мотивации населения в благоустройстве городской среды, а также отличия в мотивах формаль-

ного участия в деятельности ТОС и мотивации участников в неформальных практиках благоустройства.

Методы и методология

В качестве эмпирической базы исследования использовались данные опроса, проведенного в марте 2022 г. коллективом кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, генеральная совокупность — население г. Череповца старше 18 лет. Объем выборки — 668 чел., репрезентативность обеспечивалась квотированием по социально-демографическим признакам — полу и возрасту. Для подтверждения общих закономерностей и выявления мотивации участия в благоустройстве была проведена серия интервью: три экспертных интервью с представителями ТОС «Заречный» и четыре полуструктурированных интервью с активистами этого микрорайона. ТОС «Заречный» объединяет территорию 22 микрорайонов г. Череповца, включающую около 60 домов и более 7000 жителей.

Результаты исследования

Рассмотрим форму участия в осуществлении местного самоуправления на примере промышленного города Череповец Вологодской области. В городе сосредоточены производственные активы компаний «Северсталь» и «ФосАгро», поэтому стратегия диверсификации экономики и создания широких возможностей для самореализации населения на сегодняшний день является актуальной задачей и важным направлением социально-экономического развития города. Деятельность местных властей направлена на расширение практик социальной активности граждан и вовлечение населения в благоустройство города. Девиз жителей Череповца: «Делаем наш город лучше!». За эти годы благоустроены десятки пустырей, территорий школ, детских садов, построены спортивные и детские площадки.

Для вовлечения жителей в практики активности ТОСа власти города реализуют специальные программы. На сегодняшний день в городе насчитывается 26 округов, 26 управ и 26 ТОС. С 2014 г. в Череповце реализовывался проект «Народный бюджет — ТОС». В 2017 г. прошла первая Ярмарка — ТОС, где представители самоуправлений поделились своими достижениями. В 2021 г. стартовал проект «Градсоветы — общее дело», его цель — создание эффективного механизма формирования бюджета области с учетом мнения жителей. В 2022 г. создана платформа обратной связи «Мой Череповец», на которой можно отслеживать реализуемые в городе проекты. Есть также программы, инициированные коллективами, получившими грантовую поддержку, например, «Верещагинский квартал» и «Соляной сад», победившие во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды малых городов и исторических поселений. С 2017 г. в Череповце реализуется муниципальная программа «Формирование современной городской среды». Основная цель — сделать город более комфортным для жителей, вовлечь население в процесс благоустройства для повышения доли активного населения к 2024 г.

Тем не менее по данным опроса уровень членства жителей Череповца в формальных общественных организациях очень низок и составляет всего лишь 2% населения, принимают участие в мероприятиях ТОС — 5%. Низкий уровень формального участия является характерной чертой многих регионов России, он на достаточно низком уровне не только в Череповце, но и в Вологодской области в целом (Уханова, 2021). Среди опрошенных, не состоящих в организациях местного самоуправления, в большей степени распространены практики неформального участия в благоустройстве города — 25%.

Для выявления разницы в ценностях и мотивах поведения в целом участников формальных и неформальных практик благоустройства, а также для сравнения со всем населением нами была использована адаптированная методика изучения ценностей М. Рокича. Было выявлено, что у обеих групп активистов более значимо, чем у всего населения, выражены идеалистические ценности, альтруизма — «помогать» людям» (24–28% при 16% среди всего населения), для них важнее общественное призвание. Наиболее значимое отличие формальных участников ТОС — более выраженная ценность мотивов достижения. Они существенно чаще, чем все население, важными в жизни считают «интересную работу» (44% при 34% среди всего населения) и «развитие» (42% при 26% у всего населения; см. табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас является самым важным в жизни?», в процентах от групп активистов и населения в целом

Distribution of answers to the question: “What is the most important thing in life for you?”, as a percentage of activist groups and the population as a whole

Ценности	Все	Активисты неформального участия	Активисты формального участия
Хорошее здоровье	86	88	93
Счастливая семейная жизнь	77	86	84
Материально обеспеченная жизнь	71	75	63
Наличие хороших и верных друзей	45	47	40
Воспитать хороших детей	43	46	37
Интересная работа	34	35	44
Развитие	26	25	42
Жить в свое удовольствие	25	21	23
Общение	22	26	23
Успешная карьера	21	19	16
Активная, деятельная жизнь	19	24	12
Помогать людям	16	24	28
Развлечения, качественный досуг	13	9	12

Ценности	Все	Активисты неформального участия	Активисты формального участия
Иметь собственный бизнес	11	7	7
Общественное признание (уважение окружающих, коллег по работе)	11	16	16
Творчество	10	9	14
Независимость в поступках и действиях	9	5	9
Обзавестись связями, полезными зна-комствами	9	11	5
Сделать что-то полезное для общества	6	11	2
Стать влиятельным человеком	3	4	5

Рисунок 1 — Распределение ответов на открытый вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?», в процентах от каждой группы активистов.

Figure 1 — Distribution of answers to the open question: “There are many reasons for social participation, which are most important to you personally?”, as a percentage of each group of activists.

Для выявления наиболее значимых мотивов участия был задан вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?» Наиболее значимы идеалистические мотивы: «возможность улучшить жизнь в месте, где я живу» (36% у формальных участников и 32% у неформальных); «хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе» (26% и 33% соответственно) и «возможность помочь людям» (31% и 26%) (см. рис. 1).

По следующим группам мотивов приоритеты у формальных и неформальных участников отличаются. У неформальных участников на второе место выходит мотивация расширения социальных контактов — «возможность общения, дружеского взаимодействия» (28%), «за компанию, занимают мои друзья» (17%) и связанные с ними компенсаторные мотивы «чтобы не чувствовать себя одиноким» (15%). У участников ТОС они тоже выражены, но уже слабее.

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями?», в процентах от каждой группы активистов и населения в целом.

Figure 2 — Distribution of answers to the question: “How much do you agree with the following judgments?”, as a percentage of each group of activists and the population as a whole.

Для формальных участников ТОС значимее мотивы личного роста: «самовыражение, самореализация» (28%), «приобретение полезных практических

навыков» (19%) и связанный с ними компенсаторный мотив «возможности для продвижения своих идей» (19%).

При изучении установочных вопросов подтверждаются выявленные закономерности. У активистов благоустройства городской среды прослеживаются явно выраженные идеалистические потребности. Членов общественных организаций (в том числе ТОС) и активистов объединяет стремление «делать свою и окружающую жизнь лучше» (63% и 56% данных групп согласились с этим суждением), чего нельзя сказать о населении в целом (только 36%) (см. рис. 2).

Подтверждается тенденция преобладания идеалистических мотивов и по результатам интервью. Активисты неформальных практик г. Череповца стараются принимать участие в общественных практиках с целью преобразить пространство, в котором они живут: «*чтобы город был лучше*» (Т. В., уборщица в поликлинике «Северсталь», активистка), «*чтобы красиво было вокруг домов*» (Е. А., работает в сфере ЖКХ, активистка), «*чтобы благоустроить территорию, вместе что-то сделать хорошее для своего города, микрорайона*» (Л. Н., заведующая дошкольным учреждением, активистка), «*сделаем город лучше*» — *желание идти с этим девизом в ногу*» (Т. К., пенсионерка, активистка). Возможность улучшить жизнь в месте, где я живу, является ключевым и для сотрудников ТОС: «*...нравится, потому что я живу на этом округе, мне интересно что-то делать для своего округа, там, где я живу, где учатся мои дети...*» (О. Д., главный специалист управы № 22 в г. Череповец).

Но есть значимое отличие формальных и неформальных участников. Формальные участники больше ориентированы на себя, на саморазвитие и самосовершенствование. У них существенно больше выражены потребности личного роста. Так, с суждением «Я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться» согласились 72% участников ТОС при 59% среди всего населения, к тому же среди них больше распространена установка «я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть подчиненным» — 66% при 50% среди всего населения (рис. 3). Более выражена и творческая составляющая, креативность: 69% членов ТОС ответили, что для них «характерно выдвигать большое количество различных идей», среди всего населения — 51% (рис. 4). Они создают проекты, в которых могут проявить свои способности: «*на голом энтузиазме все это происходит... вот живет человек, и он понимает, что здесь надо сделать то-то, но не знает, как это реализовать, а придя на эту работу, находишь рычаги какого-то воздействия...*» (О. Д., главный специалист управы № 22 в г. Череповец); «*на прошлой работе мне стало скучно, я достигла всего, что можно достичь на той работе, мне нужно было дальнейшее развитие. Сейчас удовлетворена... Я подаю идеи... и побудить уволиться может только то, что я всего достигну здесь, мне станет, опять же, неинтересно*» (М. А., глава управы № 22 в г. Череповец).

У участников благоустройства заметно выражены коммуникационные потребности: 81% формальных участников ТОС и 75% участников неформальных практик благоустройства стараются иметь широкий круг общения в повседневной жизни, среди всего населения данная потребность ниже — 68% (рис. 4).

«Общение, для пенсионеров — это вообще, мне кажется, палочка-выручалочка такая» (Т.К., пенсионерка, активистка). ТОС способствует формированию сообщества сопричастных жителей: «люди приходят, общаются, новые знакомства заводят, позитивные какие-то эмоции... придут, поговорят — и легче человеку стало на душе...» (М.А., глава управы № 22 в г. Череповец).

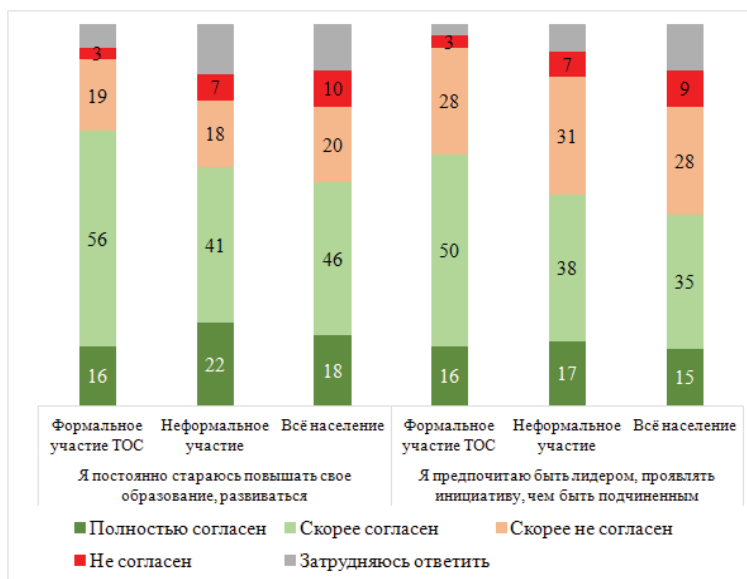

Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями?», в процентах от каждой группы активистов и населения в целом.

Figure 3 — Distribution of answers to the question: “How much do you agree with the following judgments?”, as a percentage of each group of activists and the population as a whole.

Значимы и компенсаторные мотивы — потребность быть социально полезным: «хочется каждый день приходить на работу именно ради людей, которые приходят и благодарят за то, что мы есть, за то, что мы делаем» (О.Д., главный специалист управы № 22 в г. Череповец), «мотивирует то, что выходишь из дома по округу, идешь, и с тобой все здороваются. В магазине подходят к тебе и говорят слова благодарности... это вдохновляет на будущие твои действия» (М.А., глава управы № 22 в г. Череповец).

Для обеих групп участников благоустройства городской среды характерен высокий внутренний локус ответственности за дела в доме, дворе. 75% членов ТОС и 70% неформальных участников благоустройства сказали, что чувствуют ответственность за дела в доме, дворе, тогда как среди населения таких только 49% (рис. 5). У них выше ответственность и за дела в городе в целом — 50% при 33% среди всего населения.

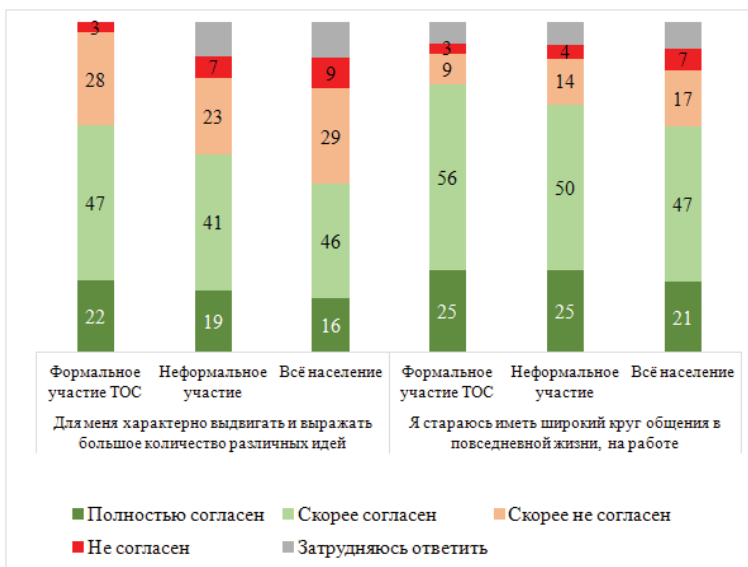

Рисунок 4 — Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими суждениями?», в процентах от каждой группы активистов и населения в целом.

Figure 4 — Distribution of answers to the question: “How much do you agree with the following judgments?”, as a percentage of each group of activists and the population as a whole.

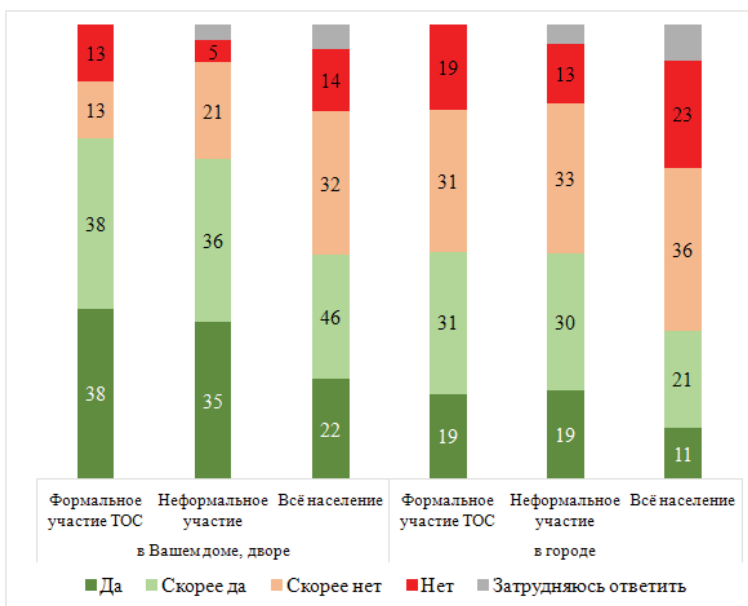

Рисунок 5 — Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы ответственность за дела в Вашем доме, дворе, ..., городе?», в процентах от каждой группы активистов и населения в целом.

Figure 5 — Distribution of answers to the question: “Do you feel responsible for the affairs in your home, yard, ..., city?”, as a percentage of each group of activists and the population as a whole.

Далее в рамках массового опроса были идентифицированы препятствия, которые мешают активному участию череповчан в решении общих проблем по месту жительства. Наиболее значимы «безразличие к общим делам, индивидуализм» (46% выбрали данную причину среди всего населения), «нежелание тратить свое время и силы на решение социальных проблем» (40%), а также «привычка надеяться на готовое, в том числе на власть (36% среди всего населения и значительно выше среди активистов — 43–44%). Как высказывается одна активистка, «особенно молодежь такая пассивная, они устают, им ничего не надо». «Они привыкли в последнее время только требовать-требовать-требовать, что нам надо это-это-это сделать, построить, там улучшить, а сами вовлекаться в этот процесс никак не хотят» (О.Д., главный специалист помощника депутата по 22-му округу)

Таблица 2.

Table 2.

Распределение ответов на вопрос: «Причин социального участия много, какие наиболее важны лично для Вас?», процент от групп активистов и населения в целом

Distribution of answers to the question: “There are many reasons for social participation, which are most important to you personally?”, as a percentage of activist groups and the population as a whole

	Формальное участие ТОС	Неформальное участие	Всё население
Безразличие к общим делам, индивидуализм	44	54	46
Недостаток времени, чрезмерная занятость	50	50	42
Нежелание тратить свое время и силы на решение социальных проблем	44	37	40
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	44	43	36
Неверие в возможность улучшения жизни в городе	16	22	23
Недостаток знаний, некомпетентность	22	13	19
Опасения негативной реакции со стороны власти	25	19	17
Отсутствие способности к организации	6	14	16

Важным фактором является «недостаток времени, чрезмерная занятость (42% среди всего населения и 50% среди активистов благоустройства). Как ответили участники глубинных интервью, не участвуют «чаще всего ввиду большой занятости» (А. А., 39 лет, председатель ТОС «Заречный»), «все связано с темпом нашей жизни: с работы домой, бегом с детьми на учебу, на уроки и уже никуда

не хочется дальше из дома выходить» (О.Д., главный специалист помощника депутата по 22-му округу). Люди *«уставшие, потому что работают, в своем кругу забот... эта свобода дается пенсионерам»* (Т.К., активистка).

Существенные, но менее значимые причины «неверие в возможность улучшения в жизни города» (23% среди всего населения), «недостаток знаний, некомпетентность» (19%), «отсутствие способности к организации» (16%). Сотрудники ТОС отметили важность наличия организаторских способностей, навыков коммуникации, отсутствие которых может, по их мнению, стать препятствием. Председатель ТОС отмечает, что именно ее *«способности к планированию и реализации проектов понравилась депутату округа...»*. Кроме того, *«нужно любить людей, нужно понимать людей. Пришел человек к тебе с негативом, а ушел от тебя с улыбкой... здесь должно быть призвание, ведь не каждый человек может взаимодействовать и работать с людьми... нужен очень большой эмоциональный заряд, стрессоустойчивость»* (М.А., глава управы). Существенно ниже фактор опасения негативной реакции со стороны власти (17%).

Обсуждение и заключение

В настоящее время социальное участие переместилось в повседневные практики, в большей степени социальная активность сосредоточена в рамках неформального участия без вовлечения в деятельность общественных организаций (в том числе ТОС). Было доказано, что у участников благоустройства на первом месте стоят идеалистические мотивы — желание способствовать изменениям к лучшему, возможность улучшить жизнь в месте проживания, а среди терминальных ценностей существенно больше выражена, чем у всего населения, альтруистическая ценность «помогать людям». Второй базовый мотив отличается у групп активистов. У активистов неформального участия значимо выражен мотив расширения социальных контактов, а также более развита потребность наличия хороших и верных друзей. Тогда как у представителей органов ТОС преобладают мотивы личностного роста и значимее выражены потребности достижения — развитие, интересная работа. Важным объединяющим фактором активистов является ярко выраженный локус ответственности за дела в доме, дворе, который существенно ниже проявляется у неактивных групп населения.

Главными препятствиями к социальному участию являются недостаток времени, безразличие к общим делам, индивидуализм и привычка надеяться на все готовое. Перед государством и обществом стоит задача создания условий для реализации инициатив граждан с целью укрепления авторитета общественного самоуправления как формы социального участия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азарова Е.С., Яницкий М.С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–125.

Бурнашева А.А. Участие граждан в формировании городской среды муници-

пального образования: противоречия и перспективы // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 г.): в 2 т. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета: Екатеринбург, 2020. Т. 2. С. 102–106.

Воробьева И. Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 203–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219>

Деменев А. Г., Шубина Т. Ф., Шубина П. В., Ненашева М. В., Макулин А. В., Тарасов И. А. Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 91–116. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91

Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 2. С. 165–175. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175>

Кещян, Н. А. Технологии для развития деятельности территориального общественного самоуправления // Sochi Journal of Economy. 2020. Т. 14, № 2. С. 182–188.

Костко Н. А. Социальная активность горожан как ресурс в управлении развитием // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 1. С. 56–71. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

Мельникова А. С., Щемелева И. И. Солидарность как ресурс социальной активности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №6 (98). С. 60–61. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-224-239

Мерсиянова, И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 149–168.

Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н. Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

Смолева Е. О. Практики гражданского участия в благоустройстве и развитии городской среды // Society and Security Insights. 2020. Т. 3, № 1. С. 76–89. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-06

Соколова Е. С. Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 18.

Стегний, В. Н. Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.14

Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах)

// Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 71–73.

Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. Manchester : Civil Society Working Paper, 2001. 20 p.

Hong Y. Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project. *Frontiers of Architectural Research*. 2018. № 7. P. 197–210.

REFERENCES

Azarova, E. S., Yanitsky, M. S. (2008). Psychological determinants of volunteer activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 306, 120–125.

Burnasheva, A. A. (2020). Participation of citizens in the formation of the urban environment of a municipality: contradictions and prospects. In: *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the VI International Scientific and Practical Conference* (Ekaterinburg, April 27–28, 2020 g., pp. 102–106). Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo universiteta.

Vorobeva, I. N. (2023). Specifics of motivation of different forms of social participation of the population. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, 13 (3), 203–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219>

Demenev, A. G., Shubina, T. F., Nenasheva, M. V., Makulin, A. V., Tarasov, I. A. (2018). Experience of public participation in planning a comfortable urban environment using the example of the Arkhangelsk region. *Arktika i Sever*, 33, 91–116. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91

Kapoguzov, E. A., Ovodova, S. N., Chupin, R. I. (2020). Dominant concepts of improvement of the Siberian city: experience of sociological research in the city of Omsk. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 5(2), 165–175. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175>

Keshchyan, N. A. (2020). Technologies for the development of territorial public self-government. *Sochi Journal of Economy*, 14(2), 182–188.

Kostko, N. A. (2016). Social activity of townspeople as a resource in development management. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2(1), 56–71. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

Melnikova, A. S., Shchemeleva, I. I. (2022). Solidarity as a resource of social activity. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 6(98), 60–61. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-224-239

Mersiyanova, I. V. (2010). Territorial public self-government as a form of public participation. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 3, 149–168.

Petukhov, V. V., Barash, R. E., Sedova, N. N. Petukhov, R. V. (2014). Civil activism in Rus-

sia: motivation, values and forms of participation. *Vlast'*, 9, 11–19.

Smoleva, E. O. (2020). Practices of civil participation in the improvement and development of the urban environment. *Society and Security Insights*, 3(1), 76–89. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-06

Sokolova, E. S. A structural approach to understanding the motivation for social activity of young people. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 18.

Stegniy, V. N., Nikonov, M. V. (2018). Motivation for volunteer activities. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*, 1, 146–156. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.14

Ukhanova, Yu. V. (2021). Collective practices and the potential of civil participation of the local community (sociological research in Russian regions). *Problemy razvitiya territorii*, 25(1), 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Kholina, O. I. (2011). Volunteering as a social phenomenon of modern Russian society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 8, 71–73.

Anheier H. K., Salamon L. M. (2001). *Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons*. Manchester : Civil Society Working Paper.

Hong Y. (2018) Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project. *Frontiers of Architectural Research*, 7, 197–210.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ирина Николаевна Воробьева — канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.

Irina N. Vorobeva — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.

Полина Дмитриевна Кытина — магистрант кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.

Polina D. Kytina — master's student at the Department of Sociology and Social Technologies of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.

Анна Руслановна Трохимчук — студент кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия.

Anna R. Trokhimchuk — student of the Department of Sociology and Social Technologies of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023;
одобрена после рецензирования 12.03.2024;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 05.10.2023;
approved after reviewing 12.03.2024;
accepted for publication 15.03.2024.

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/SSI (2024)1-12

Цифровое образование как основа усовершенствования социального механизма приверженности профессии преподавателей высшей школы

Игорь Олегович Сидоренко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
sidorenkoigor22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-5546>

Аннотация. Процессы познания приверженности профессии преподавателя высшей школы и сопутствующие им научные и экспертные дискуссии были отмечены в социологии образования, однако новая форма повышения квалификации и инновационная работа университетов с 2021 г. актуализировали новый виток обсуждений того, как использование цифровых технологий меняет ландшафт высшей школы, а также роли и режимы работы профессионалов. В статье на материале полуструктурированных интервью с преподавателями университетов г. Барнаула социально-гуманитарной и естественно-научной направленности, собранных в марте — апреле 2021 г., и опроса преподавателей, проведенного в июне 2023 г., обсуждаются трансформации преподавательской профессии в новых условиях. Ключевое внимание уделяется тому, что происходит с социальным механизмом управления в новых условиях, как меняются взаимоотношения между администрацией и преподавательским сообществом. Показывается, что в условиях «вынужденной бюрократизации» наблюдаются два разнонаправленных процесса. С одной стороны, в условиях массового перевода всех рабочих процессов в смешанный формат обучения возрождаются традиционные формы проявления социального механизма управления через самоорганизацию преподавательского сообщества, появление сетей кооперации и взаимной поддержки между профессионалами. С другой стороны, преподаватели отмечают усиление административного контроля и бюрократизации образовательного процесса. В некоторых случаях это приводит к обострению конфликта между администрацией и преподавательским сообществом и воспринимается последним как угроза социального механизма управления. Таким образом актуализируются научные алгоритмы в отношении будущего к профессии преподавателя высшей школы. Представленный анализ завершается обсуждением возможных мер, которые могут быть приняты для снижения потенциальных негативных эффектов выделенных аспектов для всей системы высшего образования.

Ключевые слова: приверженность профессии, высшее образование, социальный механизм управления, реформы высшего образования и науки, преподаватели университета

Благодарность: автор выражает признательность высшим учебным заведениям города Барнаула за помощь в проведении социологического опроса при настоящем исследовании. Выражаю особую благодарность моему научному руководителю, д-ру филос. наук, профессору кафедры социологии и конфликтологии ИГН АлтГУ Е.А. Попову за значимые

замечания и важнейшие советы, высказанные в ходе проведения исследования и написания данной статьи.

Для цитирования: Сидоренко И.О. Цифровое образование как основа усовершенствования социального механизма приверженности профессии преподавателей высшей школы // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 178–199. doi: 10.14258/ssi(2024)1-12.

Digital Education as a Basis for Improving the Social Mechanism of Commitment to the Profession of Higher School Teachers

Igor O. Sidorenko

Altai State University, Barnaul, Russia
sidorenkoigor22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-5546>

Abstract. The processes of knowledge of commitment to the profession of higher education teaching and the accompanying scientific and expert discussions have been noted in the sociology of education, however, a new form of advanced training and innovative work of universities since 2021 have updated a new round of discussions on how the use of digital technologies is changing the landscape of higher education, as well as roles and modes of work of professionals. The article, based on semi-structured interviews with teachers from Barnaul universities in the social, humanities and natural sciences, collected in March-April 2021 and a survey of teachers conducted in June 2023, discusses the transformation of the teaching profession in the new conditions. The key attention is paid to what is happening with the social mechanism of management in the new conditions, how the relationship between the administration and the teaching community is changing. It is shown that in conditions of “forced bureaucratization” two differently directed processes are observed. On the one hand, in the context of the massive transfer of all work processes to a mixed learning format, traditional forms of manifestation of the social management mechanism are being revived through the self-organization of the teaching community, the emergence of networks of cooperation and mutual support between professionals. On the other hand, teachers note increased administrative control and bureaucratization of the educational process. In some cases, this leads to an aggravation of conflict between the administration and the teaching community and is perceived by the latter as a threat to the social management mechanism. In this way, scientific algorithms are updated in relation to the future of the profession of a higher education teacher. The presented analysis concludes with a discussion of possible measures that can be taken to reduce the potential negative effects of the identified aspects on the entire higher education system.

Keywords: commitment to the profession, higher education, social management mechanism, reforms of higher education and science, university teachers

Acknowledgment: the author expresses gratitude to the higher educational institutions of the city of Barnaul for their assistance in conducting a sociological survey during the conduct of this study. I express special gratitude to my scientific supervisor, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology and Conflictology of the Institute of Humanities of the AltSU E. A. Popov, for significant comments and important advice during the research and preparation of this article.

For citation: Sidorenko, I.O. (2024). Digital Education as a Basis for Improving the Social Mechanism of Commitment to the Profession of Higher School Teachers. *Society and Security Insights*, 7(1), 178–199. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-12.

Введение

Актуальность и значимость изменений структуры высшего образования повлекли за собой в науке широкое обсуждение теории приверженности профессии преподавателя высшей школы, охватывающее все сферы общественной жизни и ставшее предметом интенсивных академических и экспертных дебатов.

В центре внимания социологов остается трансформация социальных, культурных и экономических отношений, институтов и практик в новых условиях, когда использование цифровых технологий превращается в неотъемлемую часть повседневной жизни (Castells, 2017; Срничек, 2019; Шваб, 2019).

В социологии образования и социологии профессии понимание и исследование элементов связи обычно сопряжено с понятием системы, поскольку между элементами системы выступают социальные действия и взаимодействия, социальная структура, социальные изменения и процессы. В качестве такой системы может быть рассмотрен социальный механизм приверженности профессии.

В социологической науке социальный механизм трактуется в двух аспектах: в процессуальном — как совокупность социальных процессов, обеспечивающих функционирование системы (так, выделяют механизмы социализации — идентификацию, адаптацию, целеполагание и т.д.), либо в системном — как систему условий, факторов, явлений, определяющую протекание социальных процессов (Абрамов, 2018). На наш взгляд, это отражает двойственный характер социального механизма, его одновременную процессуальность и системность, в чем и заключается перспективность использования данной категории в анализе взаимосвязи процессов приверженности профессии и преподавателей высшей школы.

Совокупность факторов, условий, явлений, определяющих вид, способы, характер взаимосвязи между социальным механизмом и приверженностью профессии, образует целостный феномен, проанализировав который, возможно наиболее полно и детально вскрыть сущность происходящих процессов в сфере труда, образования и профессий.

Разрешение проблем современного образования по подготовке научно-педагогических кадров происходит параллельно с реформой по продвижению цифрового образования, актуализации и усовершенствованию профессии преподавателя, что дало мощный толчок к развитию теории приверженности профессии преподавателя высшей школы и к расширению этих дискуссий. Одним из наиболее обсуждаемых стал вопрос о том, как изменилось высшее образование, традиционно рассматриваемое в качестве важнейшего социального института, функционирование которого играет центральную роль в общественном развитии. Преподаватель стал чаще погружаться в цифровые решения проблематики образования, потому что цифровизация начала решать некоторые научные проблемы и вопросы в педагогике высшей школы.

Цифровизация в образовании подразумевает внедрение цифровых технологий в сфере образования и науки для повышения качества и развития общества и экономики. Она помогает выполнять рутинные задачи и принимать решения без большого участия общества (Ugur, 2020). Суть цифровизации заключается в автоматизации сложных процессов и переходе информации в более доступную цифровую среду преподавателя, где ее проще проанализировать и получить точное решение (Шваб, 2019).

Преыдушие исследования цифровизации и процессов образования повлекли за собой развитие теории приверженности профессии преподавателя в высшей школе, где касались самых разных аспектов — от вопросов «цифровой дидактики» и обсуждения особенностей педагогического дизайна в цифровых средах (Hill, Hannafin, 2015; Kester, 2014) до управления процессами цифровой трансформации университетов и интеграции разного рода цифрового контента (например, массовых открытых онлайн-курсов) в образовательный процесс (Loeckx, 2016; Kauppinen, 2019). При этом важнейшей сквозной темой, красной нитью проходящей через изучение разных аспектов приверженности профессии преподавателя высшей школы в университетах, оказывается проблематика социального механизма управления и тех трансформаций, которые она переживает в меняющихся условиях.

Исследования, выполненные ранее российскими и зарубежными учеными, показывают, что в менеджменте, а также социологической и педагогической науке стал рассматриваться вопрос об изучении приверженности профессии преподавателя высшей школы. У преподавателя высшей школы изменяются границы социального механизма управления и трансформации взаимоотношений между академическим сообществом (преподавателями и научными сотрудниками) с одной стороны и администраторами — с другой (Абрамов и др., 2020; Mirrlees, Alvi, 2014). Появляется новый аспект в модернизации научного знания — построение знания преподавателем в настоящий момент времени для передачи его молодому поколению. Следовательно, появляется некоторое упоминание авторами алгоритма научного знания. Алгоритм научного знания (АНЗ) — последовательность определенных действий, совершаемая для познания и составления выводов (теории) в той или иной области науки, объекта, явления, процесса (Бляхер, 2020).

В частности, исследования показывают, что из-за интенсификации распространения цифровых технологий появляются новые теоретические концепции на основе исследовательского метода в академическом сообществе, где метод исследования может служить для изучения абсолютно любого объекта, явления, процесса благодаря его шаблонности (Fumasoli, Goastellec, Kehm, 2015). Часть преподавателей и научных сотрудников воспринимают новые технологии как средство контроля и источник дополнительного стресса (Mirrlees, Alvi, 2014). Российские преподаватели вузов, опрошенные до начала реформ перехода на сменный формат труда, высказывали опасения относительно своего будущего профессионального статуса и видели риски уменьшения своей приверженности профессии преподавателя высшей школы при преподавании дисциплин в пересмотре условий трудовых контрактов в сторону ухудшения своих позиций (Абрамов, 2020).

Вынужденный переход университетов на инновационную работу, потребовавший активного использования цифровых технологий, с новой силой актуализирует вопрос о том, как теория приверженности профессии объясняет работу профессионалов и их взаимоотношения с администрацией университетов, перед какими вызовами она ставит саму систему высшего образования. Данной статьей мы вносим вклад в ответ на этот вопрос через определение того, как преподаватели университетов восприняли «смешанный формат работы» и как они оценивают изменения своих трудовых режимов в новых условиях. Основное внимание в работе уделяется тому, что происходит с социальным механизмом приверженности профессии преподавателя.

Приверженность профессии — это уверенность человека в своем профессиональном выборе, желание работать по профессии и оставаться в профессии, поэтому для работника высокий уровень профессиональной приверженности означает отсутствие внутреннего и внешнего конфликта по поводу профессионального саморазвития, получение удовлетворения от избранной деятельности, мотивацию к дальнейшим перспективам, большую вероятность успехов в трудовой жизни (Захарова, 2017). На наш взгляд, можно говорить о как минимум пяти значениях приверженности профессии преподавателя высшей школы в условиях цифровизации.

Первое связано с небывалыми ранее масштабами использования цифровых технологий людьми в целом и участниками образовательных программ в частности. Как отмечают исследователи (Marshall, 2017; Ugur, 2020), в образовательный процесс проникают новые форматы и технологии распространения знания. В ходе цифровизации мы исходим из гипотезы о том, что выраженность и динамика компонентов приверженности профессии находится во взаимосвязи с личностными характеристиками, особенностями выбора направления обучения и опытом вхождения в профессиональную среду.

Другое значение в раскрытии термина приверженности профессии преподавателя высшей школы отсылает к теории организаций и научному менеджменту. В центре внимания здесь находятся бизнес-процессы и модели управления, трансформирующиеся под влиянием IT-технологий (Kauppinen et al., 2019).

Еще одно понимание приверженности профессии преподавателя высшей школы сопряжено с достижениями и обещаниями учебной аналитики и моделей, разработанных в рамках направления EDM (educational data mining). Перевод части образовательных действий студентов в онлайн-среды (например, выбор курсов, выполнение домашних заданий), а также электронный учет различных показателей их успеваемости и вовлеченности резко увеличили количество неструктурированных данных, которые активно используются для анализа поведения обучающихся в образовательных системах и построения предиктивных моделей научного успеха и неуспеха.

В целом ряде дискуссий понимается прежде всего система аналитических инструментов и обоснованных ими интервенций, работающих на повышение эффективности учебных программ и улучшение образовательных результатов, и частичного создания новых профессиональных стандартов.

Четвертое значение приверженности профессии преподавателя высшей школы возникает в контексте обсуждения онлайн-курсов.

Энтузиазм в отношении массовых открытых онлайн-курсов (MOOC) приводит к тому, что часть экспертов говорят о них как о «шаге за пределы обычного процесса в изучении приверженности профессии преподавателя высшей школы» (Len-Urritia, Cobos, Dickens, 2018) и стимуле к «переизобретению университета», поэтому в некоторых дискуссиях фактически ставится знак равенства между цифровизацией образования и интеграцией онлайн-курсов в учебный процесс (Loeckx, 2016).

Все обозначенные понимания или воплощения термина «приверженность профессии преподавателя высшей школы» подвергаются существенной критике, значительная часть которой строится на апелляции к идеям слабости социального механизма управления.

Социальный механизм управления — это составная часть системы управления организацией. Результатом его реализации является управленческое решение, формирующее управленческое воздействие, объединяя, таким образом, субъект и объект управления (Pardo, Siemens, 2014).

Существует три аспекта механизма социального управления в соответствии со сферами жизнедеятельности общества: экономический, организационный и социокультурный. Для первого аспекта характерна реализация экономической политики (финансовой, ценовой, кредитной, капиталовложений, оплаты труда, размещения производственных сил и т.д.). Организационный аспект представляет собой осуществление политического руководства организацией образования и административно-государственным аппаратом. Социокультурный аспект состоит в осуществлении социальной политики, направленной на удовлетворение индивидуальных, групповых и общественных интересов и обеспечение гармоничного социального развития в образовательной деятельности.

Приверженность профессии как расширение спектра новых технологий может рассматриваться в качестве фактора увеличения трудоемкости работы преподавателей (см., например, (Hung, 2017)), а новые цифровые средства коммуникации, включающие социальные сети и мессенджеры, часто указываются в качестве дополнительной причины размывания границы между домом и работой и, как следствие, нарушения баланса между ними (life-work balance) (Нарбут, 2020).

Приверженность профессии в роли управления подразделениями университета в целом рассматривается как очередной виток реализации идей, предложенных в рамках нового менеджериализма (Дим, 2014; Абрамов, 2017), ядро которого образуют принципы, традиционно противопоставляемые основам научного самоуправления и профессионального контроля (например, принцип подотчетности и идея профессионализации университетских менеджеров). Понимание университета как фабрики данных сопряжено с целым рядом этических дилемм (Pardo, Siemens, 2014), среди которых: обоснованность транспарентности образовательного процесса в противовес почти сакральным отношениям «учитель — ученик», квантификация качественных процессов (освоение знания), защита накопленных данных о профессорах и студентах.

МООК, пожалуй, подвергаются самой активной критике со стороны защитников «старых» ценностей. Часть исследователей описывают интеграцию онлайн-курсов в контексте пролетаризации (Braverman, 1988) академических профессоналов и/или тейлоризации академии (Mirrlees, Alvi, 2014).

Преподавательские навыки долгое время считались не поддающимися индустриализованным методам организации, поскольку даже при высокой нагрузке требовался уникальный личный контакт с аудиторией, а что касается научных исследований, то было сложно разработать внешние по отношению к сообществу и квантифицированные критерии оценки. Если раньше ученый или преподаватель изготавливал некий «шедевр» в единственном экземпляре или малым тиражом (например, в форме лекций и семинаров), используя «секреты мастерства» и доступ к закрытым хранилищам аналогового знания (именно поэтому наличие больших «бумажных» библиотек все еще считается элементом оценки уровня университета), то теперь его вклад в создание онлайн-курса снижается, поскольку онлайн-курс во многом оказывается результатом труда специалистов по видеосъемке, программистов, монтажеров, дизайнеров.

Преподаватель в этом ряду — поставщик контента, переупакованного в соответствии с требованиями онлайн-образования. Однажды созданный цифровой курс может быть показан бесконечное число раз неограниченной аудитории (Рогозин, 2021).

Наконец, вынужденная «антикризисная модель приверженности профессии» (Кочухова, 2020), оказавшаяся совершенно новым феноменом, наряду с интересом сразу же вызвала шквал опасений, значительная часть которых была связана с ожиданиями в отношении усиления административного контроля за процессом преподавания и ухудшения его качества.

Научное обсуждение о социальном механизме управления в России коррелирует с основными сюжетами глобального обсуждения этой проблематики. История развития университетов и теории приверженности профессии может быть описана через смену ключевых рисков социального механизма управления, что превращает ее из понятия, отсылающего к реальному положению дел, в метафору, используемую представителями научного сообщества для объективации своей идентичности и защиты профессиональных интересов (Абрамов, 2018).

Хотя некоторые учебные заведения полагают, что мощная интервенция принципов и методов «новой модели управления обществом» (New Public Management), возможно, ограничила пространство индивидуальной работы исследователя и преподавателя вуза, так как многие исследователи приходят к заключению, что формируется социокультурный аспект управления в образовании.

Ряд авторов отмечают, что в некоторых старейших и успешных университетских системах это уже привело к тому, что работа профессионалов была индустриализована, их управляемость чаще подорвана, а они сами прошли через деквалификацию (Locke, Bennion, 2020) в терминологии Г. Бравермана (Braverman, 1988). Одновременно резко снизилась роль коллегиального принятия решений с участием научного сообщества, что заставило пересмотреть сложившиеся иерархии

(Marshall, Kim, Christopher, 2017) в сторону повышения влияния профессионального университетского менеджмента (Fumasoli, Goastellec, Kehm, 2015). Такой дискурс, весьма распространенный в текстах и разговорах о социальном механизме управления, характеризуется выраженным «алармизмом академиков» в отношении изменений, происходящих в университетской организации (Форрат, 2018).

Заметная часть обсуждения вопросов теории по приверженности профессии преподавателя в российском контексте состоит в изучении восприятия, понимания и оценки людьми других людей и социальных групп. Если за рубежом они связываются главным образом с логикой рынка и часто рассматриваются в качестве необходимых условий для понимания социального механизма приверженности профессии преподавателя высшей школы (институциональная свобода вуза в ущерб профессиональным свободам), то для российских преподавателей подотчетность становится прежде всего поводом к росту бюрократизации и увеличению контроля со стороны учредителя, обоснованного необходимостью следить за качеством образования.

На уровне университетов социальный механизм управления не расширился из-за высокой централизации управления высшим образованием, а на уровне отдельных подразделений, научных коллективов и профессионалов пространство свободы сузилось вследствие внедрения системы «эффективных контрактов» с жестко очерченными результирующими показателями преподавательской, административной и публикационной нагрузки.

Высокая степень административной централизации в области государственного управления позволила, за редким исключением, перевести всю систему высшего образования России в новый режим работы в течение двух лет с марта 2020 г. Это означало, что преподаватели, студенты и административный персонал должны были сразу продолжить учебный процесс с помощью интернета и программных приложений, таких как MS Teams, Skype и быстро ставший популярным ZOOM.

Масштаб изменений, которые необходимо было внести в учебные планы, в принципы и методики преподавания, не позволял на старте разработать четкие регламенты и формы, призванные административно контролировать работу преподавателей.

Методы и данные

Эмпирическую базу исследования составили социологический опрос преподавателей высшей школы (n=358), проведенный на основе целенаправленной (квотной) выборки, и данные 22 полуструктурированных интервью с преподавателями университетов г. Барнаула. Исследование проводилось в два временных этапа: с 26 марта по 30 апреля (первый этап) 2021 г. и анкетирование — с 3 июня по 30 июня (второй этап) 2023 г. Поэтапная модель сбора данных обусловлена стремлением дать срез мнений преподавателей в разные периоды реформ организации преподавательской деятельности. Инструментарий для первого и второго временных этапов имел общую структуру и состоял из следующих основных блоков вопросов:

- оценка перехода на новую форму повышения квалификации в своем университете;
- изменения в преподавательской работе в условиях перехода на новый формат работы;
- изменения в режиме работы в условиях перехода на новую и инновационную работу;
- ожидания от будущих изменений в сфере высшего образования.

Задачи исследования кроются в определении роли социальных механизмов приверженности профессии преподавателя в цифровом образовании. Проведено инициативное социологическое исследование по рассматриваемой проблематике, включающее результаты анкетного опроса и интервьюирование.

Критериями отбора руководителей и персонала образования и преподавателей являлись следующие показатели: область научных исследований: физические науки; энергетика, машиностроение, механика и процессы профессии; биологические науки; науки о земле; экономические науки; гуманитарные науки, сельскохозяйственные науки; социально-демографические характеристики: пол, возраст, занимаемая должность; научные достижения: ученая степень, ученое звание, количество научных публикаций, патентов.

Принципы отбора университетов несколько различались по основным аспектам: в первом в выборку попали только вузы, в которых были усовершенствованы основные компетенции по специализации преподавателей и сотрудников. На втором мы повторили ту же выборку за счет включения новых вопросов в программу исследования, чтобы была представлена комплексная картина, отражающая ситуацию в разных по селективности и ресурсной базе вузах.

При этом часть участников первого временного этапа приняли участие и во втором. Отбор конкретных университетов внутри заданных категорий осуществлялся на основании наличия доступа к ним. В результате отбора в итоговую выборку вошли четыре университета Алтайского края: Алтайский государственный университет, Алтайский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Алтайский государственный педагогический университет, Алтайский государственный аграрный университет.

Внутри университетов — информанты по наличию не менее половины преподавательской ставки. Отбор осуществлялся на основании личных контактов организаторов исследования и методом «снежного кома» — исходя из рекомендаций других информантов. Использовалась квотная модель выборки. Параметрами для квотирования выступили следующие характеристики: пол, возраст, дисциплинарная область. Количество информантов, опрошенных в одном университете, варьировалось от одного до шести человек. В результате для участия в исследовании были отобраны 22 информанта. Основные характеристики выборки участников исследования представлены в таблице.

Длительность интервью варьировалась от 25 до 95 минут, анкетирование — около 20 минут на информанта. Все интервью записывались на диктофон и расшифровывались, а анкетирование проводилось у 358 респондентов по вы-

борочной совокупности с прямым опросом. Участие в интервью и анкетировании было добровольным и неоплачиваемым. Все интервью и анкетирование проводились в очном формате и дистанционном. Анкетирование также включало целенаправленную выборку — преподавателей высшей школы и сотрудников университетов. Информантам гарантировалась конфиденциальность, поэтому далее при ссылке на цитаты будет использоваться обобщенная информация о типе университета, в котором работает информант, пол информанта, его возраст и дисциплинарная область, по которой он осуществляет профессиональную деятельность.

Основные характеристики участников исследования

Basic characteristics of study participants

Характеристика		Количество интервью, чел.
Пол	Мужской	8
	Женский	14
Возраст	35 лет или моложе	6
	36–50 лет	8
	51–65 лет	8
Дисциплинарная область	Математические и естественные науки	5
	Инженерное дело, технологии и технические науки	6
	Социальные науки	6
	Гуманитарные науки	5

Для анализа интервью использовалась методика тематического кодирования в соответствии с логикой его гайда. В фокусе анализа находились тематические блоки, связанные с описанием трансформации трудовых режимов преподавателей, а также взаимоотношений между преподавателями и администрацией университетов.

При выборе методики исследования взаимосвязи личностных характеристик и эффективности профессионализации возможны два принципиально разных пути:

1) определять, насколько человек с его особенностями подходит к конкретной профессии, и далее исследовать, как уровень соответствия влияет на процесс цифровизации;

2) как структура личности взаимосвязана с процессом профессионализации безотносительно к специфике конкретной профессии. Несомненно, уровень предрасположенности к получаемому типу профессий является мощной детерминантой профессиональной успешности. Однако в данном исследовании мы ставим задачу установления прочих факторов влияния. Решение преподавателя предполагает выбор методик, ориентированных на выявление свойств личности,

не являющихся специфическими профессионально важными чертами для профессий определенного типа.

Результаты исследования

Согласно полученным данным социологического опроса преподавателей и сотрудников высших учебных заведений г. Барнаула в апреле 2021 г. преподавательское сообщество не только сложно переживало трудности, сопутствующие быстрому переходу на новый формат работы, но и в основном негативно оценивало позиции российского высшего образования. На наш взгляд, одно из объяснений таких в целом пессимистичных оценок может быть связано с развитием глобальной дискуссии о социальном механизме управления.

Результаты анализа интервью позволяют выделить два находящихся «в противофазе» и разведенных во времени аспекта в отношении восприятия преподавателями эффектов форсированного перехода на новую форму повышения квалификации и инновационную работу. Первый аспект относится к первому этапу «смешанной работы» (конец марта — начало апреля 2021 г.), когда университеты в период модернизации и рекордно короткие сроки с 2020 г. были вынуждены перевести 70% процессов в цифровую среду. Он связан с усилением солидарности в условиях необходимости срочной выработки оперативных решений для поддержания образовательного процесса в режиме «здесь и сейчас».

Второй аспект относится к более поздним этапам (начиная с середины апреля 2023 г.) и определяется усилением административного контроля и бюрократизации профессиональной деятельности, вследствие чего у преподавателей падает уровень приверженности профессии из-за отсутствия стратегического развития, доминирующих ценностей, доверия, самосовершенствования в организациях образования. Все это актуализировало изучение алгоритмов научного знания в отношении собственной профессиональной деятельности и будущего высшего образования.

Далее мы подробнее остановимся на описании указанных аспектов с опорой на данные проведенного эмпирического исследования.

Опрос преподавателей высшей школы Алтайского края позволил выделить факторы, определяющие формирование приверженности профессии, среди которых наиболее важными, по мнению респондентов, являются:

- умение сотрудничать и взаимодействовать с людьми;
- компетентность, критическое мышление и умение решать проблемы в сфере научно-педагогической деятельности;
- самообразование и эрудированность, обучаемость и открытость новым реалиям;
- инновационность и креативность как факторы развития свободы выбора и данности знания преподавателем высшей школы.

Основные аспекты, на которых больше всего было сосредоточено внимание респондентов: цифровизация, повышение квалификации, образовательный процесс, профессионализм и мастерство, ценностные качества в изучении процессов приверженности профессии.

Инструментарий, применявшийся в ходе анкетирования, затрагивал также вопросы управления и качества образования на сегодняшний день. Респондентами был задан вопрос и о том, что мешает увеличить или усовершенствовать приверженность профессии. Наиболее важными, по мнению опрошенных, являлись:

- изменение функциональных обязанностей сотрудников без предварительного согласования;
- неудовлетворительное обеспечение учебного процесса преподавателя;
- бюрократизация педагогического труда, что отвлекает от основной деятельности преподавателей высшей школы.

У респондентов было выделено несколько критериев по профессии преподавателя: 1) соблюдение алгоритма передачи знаний новому поколению, 2) увеличение преподавателями материальных и ценностных факторов в расширении своей приверженности профессии.

Изучение ценностных элементов единого социального механизма приверженности профессии позволяет выявить у респондентов две группы важных ценностей: терминальные и инструментальные.

Терминальные ценности у преподавателей высшей школы в приближении мастерства профессии — активная деятельная жизнь, интересная работа, наличие хороших и верных друзей, красота природы и искусства, общественное признание, познание, развитие, свобода, творчество.

Инструментальные ценности у преподавателей высшей школы в приближении мастерства профессии — воспитанность, исполнительность, независимость, образованность, ответственность, честность, широта взглядов, терпимость, самоконтроль, эффективность в делах.

Таким образом, выделяется алгоритм преподавателя высшей школы в понимании приверженности профессии, который включает пять истинных суждений:

1. Сила науки — истинная наука, ценность, власть.
2. Ловкость науки — изобретательность и корректировка теоритических парадигм, дипломатичность.
3. Гибкость науки — вхождение теорий в состав других, наука включает простоту в понимании явлений, фактов, процессов.
4. Выносливость науки — устойчивость и работоспособность теории, парадигм и общества в целом.
5. Быстрота науки — исполнительность и цифровая новизна науки, а также образования.

Активные реформы в образовании по инновационной работе и новая форма повышения квалификации (стажерские практики — практико-ориентированная форма реализации программ дополнительного профессионального образования, направленная на совершенствование и/или получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности или выполнения ее нового вида, и/или повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификационной категории) стали полномасштабной проверкой на прочность для всей российской системы высшего образования. «В условиях, когда большинство пре-

подавателей не имели значительного опыта проведения занятий „в цифре“, испытывали трудности с организацией работы в домашних и рабочих условиях, дефицит методических навыков и компетенций, тотальный перевод образовательного процесса в онлайн сопровождался общей негативной реакцией научного сообщества и доминированием пессимистичных настроений в отношении как текущих изменений, так и в изучении теории приверженности профессии преподавателя высшей школы в целом» (Рогозин, 2021).

Вместе с тем участники интервью отмечали, что университеты все же смогли перестроиться на новые рельсы, и образовательный процесс не был остановлен. Одно из ключевых наблюдений, которым делились информанты, было связано с удивлением от того, что в таком режиме можно работать, причем работать массово, а не в рамках индивидуальных преподавательских инициатив:

«Для меня основное открытие — это то, что можно так работать (в цифровом режиме). Когда кто-то это использует не массово, а в рамках собственных творческих моментов и владения технологиями, то это одно. Но оказывается, что все могут работать так, а это уже другое». (АГУ, жен., 44 года, юриспруденция).

Более того, часть опрошенных на первом этапе погружены в экспериментирование с форматами занятий и способами коммуникации со студентами — в условиях, когда большинство университетов не успели выработать централизованные инструкции по проведению занятий, где весь аспект власти входит в оперативное или административное управление учебным процессом, так как преподаватели стали использовать свои занятия как экспериментальные «полигоны».

Таким образом, произошло спонтанное усиление профессиональной роли в становлении теоретического аспекта и практической значимости по приверженности профессии преподавателя на локальном уровне через изобретение принципов организации учебного процесса и конкретных преподавательских практик по работе в цифровом формате работы.

«Честно говоря, знаете, это был какой-то задор и вызов. То есть я не особо как-то расстроился или взялся за голову. Мне было даже интересно, по крайней мере на первых порах, подумать, как это сделать, что можно сделать» (АлтГПУ, муж., 29 лет, история).

Одним из важных открытий в ходе первого этапа «реформ» для части информантов стало то, что тотальность и неотвратимость произошедших изменений сыграли на руку углублению процессов приверженности профессии преподавателя высшей школы, не оставив возможности откладывать в долгий ящик дискуссии о важности/неважности, полезности/бесполезности использования новых форм работы и различных онлайн-технологий в образовательном процессе. Необходимо было безотлагательно начать экспериментировать с внедрением разных элементов и методик нового обучения в своей практике. В этом смысле можно говорить, что случившееся дало толчок к «опытному» изучению преимуществ и недостатков в понимании теории приверженности профессии преподавателя высшей школы.

«Все-таки я считаю, что ситуация нам помогла. Потому что эти первые недели радости, когда мне звонили коллеги и говорили: „Я освоила Google Класс! У меня получается работать в Zoom! Я это сделала!“ — это такие ощущения... Конечно, технически преподаватели свою компетенцию повысили. Скажем так, те, кто хотел это делать, они освоили какие-то облачные технологии, ресурсы очень многие» (АГУ, жен., 40 лет, экономика).

Заметную роль в общей успешности перехода к цифровым технологиям сыграла способность к низовой самоорганизации научного сообщества. Участники интервью отмечали, что в условиях общей неопределенности значительно возросла роль горизонтальной коммуникации между сотрудниками университета, наличия коллективной солидарности и сильной локальной профессиональной культуры на уровне отдельной низовой организационной единицы — кафедры, факультета, образовательной программы. В ряде интервью возникновение новых форм коллективной солидарности описывается через, по сути, военную метафору мобилизации перед угрозой внешнего врага:

«Не было ни сопротивления, ни каких-то отрицательных эмоций на эту тему. Вопрос был быстро собраться, отреагировать и выполнить задачу. То есть тут коллективное единение такое пошло, а не разобщение» (АГАУ, жен., 44 года, юриспруденция).

Такая мобилизация преподавательского корпуса, произошедшая не по указке администрации, а как реакция профессионального сообщества на трудности, с которыми столкнулись преподаватели и студенты, оказывается еще одним маркером роста профессиональной картины в понимании аспектов приверженности профессии преподавателя.

Противоположный аспект отмечается на более поздних этапах теоретической интерпретации приверженности профессии. В условиях нового образования у ряда информантов на смену «опьянению» первых дней пришло возрождение и ностальгия по старому порядку очного взаимодействия в офлайн-среде. Задор творческих экспериментов сменился скепсисом в отношении цифрового будущего и общественных настроений. В большинстве интервью артикулируется важность рассмотрения происходящей ситуации как экстраординарной, высказывается желание скорейшего возвращения к традиционному очному преподаванию и взаимодействию со студентами.

«Я, конечно, воспринимаю эту ситуацию как экстраординарную, и я рада все-таки тому, что она прекращается или прекратится. Конечно, я хотела бы возврата к прежней форме, потому что мне тяжело. Тяжело физически: у меня было занято гораздо больше времени вот именно на эту часть моей профессиональной деятельности. На преподавание, на общение со студентами» (АлтГПУ, жен., 44 года, социология).

Одной из важнейших проблем второго этапа «реформ», на которую обращают внимание многие участники исследования, стало то, что в условиях уже не экстренного, а планомерного развития различных форматов работы произошло усиление административного контроля деятельности преподавателей.

Отмечалось, что с течением времени от преподавателей стали требовать все большего количества форм отчетности, и это было воспринято как риск снижения приверженности профессии преподавателя и недоверие к их профессионализму, вызвало негативные моменты, в некоторых случаях привело к обострению отношений с администрацией:

«Отдел мониторинга очень проверял. Ну, грубо говоря, у нас каждый день проверяют, выходим ли мы туда-то, занимаемся ли мы там-то, встречаемся. Это самый ненавистный момент, если для меня лично, потому что это отвратительно на самом деле» (АГАУ, жен., 40 лет, политология).

Во-первых, появление новых форм контроля было воспринято частью информантов как ненужная бюрократическая процедура, мешающая продуктивной реализации учебного процесса и создающая дополнительную нагрузку на преподавателей. Особенно болезненно это воспринималось в ситуациях, когда контроль осуществлялся не в фоновом режиме без непосредственного участия преподавателей (например, в форме выгрузки цифровых следов об активности преподавателей в электронных системах поддержки обучения), а через запрос на предоставление преподавателями специализированной отчетности. Например, в виде отправки руководству скриншотов, подтверждающих проведение занятий:

«Тебе надо сделать скриншот, его нужно отправить по определенным адресам, а если у тебя занятие идет за занятием, то, соответственно, вместо того чтобы в перемену мне отдохнуть, прийти в себя, элементарно глотнуть воды — мне приходится формировать это письмо, отправлять и приступать к следующему занятию» (АГУ, жен., 33 года, геология).

Во-вторых, иногда такая ситуация приводила к обострению негативных установок в отношении процессов снижения или исключения приверженности профессии преподавателя высшей школы в целом. На фоне усиления контроля за преподавательской деятельностью с использованием ресурсов цифровых платформ информанты демонстрировали актуализацию установок, связанных с их восприятием как очевидным образом представляющих угрозу не только развитию приверженности профессии преподавателя, но и индивидуальной свободе в целом.

Сами цифровые платформы в части нарративов предстают в образе «большого брата», от которого невозможно скрыться и который размывает все границы между личным и публичным, не оставляя возможностей для реализации творческой профессиональной свободы.

«Как ни странно, я думал, что мы будем свободнее, но получилось, что для руководства вуза, лиц, контролирующих этот процесс, появилось больше возможностей полного контроля. Потому что возможностей зайти в компьютер, проверить, какие задания выложены или как они там проводятся, конечно же, больше здесь (в цифровой среде)» (АГУ, муж., 42 лет, социология).

На этом фоне в целом ряде интервью артикулируются алгоритмы научного знания в отношении будущего преподавательской профессии и высшего образования в целом, которые связываются с негативными последствиями расширения

и углубления процессов в изучении и работе теории приверженности профессии преподавателя в высшей школе.

С одной стороны, экспансия цифровых платформ и разных форм онлайн-обучения воспринималась некоторыми участниками исследования как угроза для собственного профессионального статуса. Высказывались опасения, что онлайн-обучение будет использовано для реализации экспансионистской политики университетов, которые станут монопольными провайдерами программ высшего образования, а остальные вузы превратятся для них в сырьевую базу, где собственные преподаватели будут не нужны.

«Мне кажется, что опыт реформации подтверждает мнение программы руководства о том, что все вузы надо разделить на две категории: те, которые считаются топовыми, и в них образование будет очным, и все остальные, которые будут такими комьюнити-колледжами, где можно смело экспериментировать с полным онлайн и держать на частичной ставке всех преподавателей» (АлтГПУ, муж., 35 лет, история).

С другой стороны, в собранных интервью проблематизируется качество образования, реализуемого полностью в рабочем формате преподавателя высшей школы. Под вопрос ставится возможность его обеспечения на высоком уровне без очного взаимодействия студентов и преподавателей.

«Такое ощущение, что все идет к тому, что мы будем заменены. Заменены вот этими онлайн-курсами или еще чем-то. А зачем тогда вообще нужно будет образование? Для чего? А где будут работать наши дети? Получается ситуация, когда высшее образование для чего? Высшее образование получит какая-то элитная верхушка, и они будут только образованные. А остальные люди где будут работать, если все это будет заменено компьютерами, роботами? И мы должны сейчас учиться, как жить без профессии. Потому что где мы будем работать, если это просто внедряется вот такими гигантскими темпами? И нам уже сейчас говорят, что, возможно, вы не будете нужны, за вас будут читать лекции. Один преподаватель на 1000 человек прочитает онлайн-лекцию. А зачем мы нужны?» (АГАУ, жен., 50 лет, химия).

«Откат к старой модели будет в тех вузах, где руководитель сам работает со старыми моделями. Там, где руководители делают это (перевод в смешанный формат работы) только для отчетности по каким-то индикаторам на бумаге. Они вздохнут глубоко, какие-то небольшие изменения внесут и продолжат работать по-старому. А те руководители, которые стратегически видят, как онлайн должен занять место в образовательном процессе, эту возможность не упустят. Они закрепят это как стандарт, и будут дальше уже решать разные методические и организационные сложности» (АГУ, жен., 44 года, экономика).

Показательно, что информанты связывают будущее высшей школы с ожидаемым поведением руководства на разных уровнях — институциональном (руководство университета) и системном (регулятор), а не с динамикой настроений в профессиональном сообществе. Такую особенность можно интерпретировать как следствие пессимизма в отношении будущего профессиональной свободы

и независимости от внешнего контекста, которые считаются необходимыми элементами социального механизма управления.

Заключение и дискуссия

Форсированный переход на новый этап работы и повышение квалификации специалистов в университетах актуализировал дискуссию о роли цифровых технологий в образовании и тех эффектах, к которым может привести их массовое применение с глубоким проникновением во все аспекты работы преподавателя вуза. В этой статье, опираясь на данные количественного и качественного исследования преподавателей университетов, мы рассмотрели ограничения и ресурсы в изучении и расширении теории приверженности профессии преподавателя.

Обосновано, что профессиональная установка приверженности профессии преподавателя является частью его жизненных приоритетов и включает в качестве основных элементов при цифровизации: профессиональные базовые (самореализации, признания академическим сообществом, общественной полезности) и инструментальные (материальное благополучие, академические достижения) ценности и цели (связанные и/или не связанные с работой в высшем учебном заведении), способы достижения данных целей и разрешения возникающих в ходе профессиональной деятельности проблем (научная и/или педагогическая активность, междисциплинарное сотрудничество, академическая мобильность, совмещение деятельности).

Результаты исследования показывают наличие двух разнонаправленных и разведенных во времени аспектов, связанных с восприятием преподавателями происходящих изменений. Первый обусловлен спонтанным ростом в употреблении теории приверженности профессии преподавателя в начале реформ по образованию преподавательской деятельности, когда большинство университетов де-факто предоставили преподавателям большую свободу в выборе способов организации учебного процесса и методик преподавания.

В этих условиях виртуализированные университеты стали экспериментальными лабораториями для изобретения «крафтовой» педагогики, кристаллизации «нового порядка» из хаоса первых дней реформации. Несмотря на в целом негативные установки преподавательского сообщества в отношении будущего термина приверженности профессии преподавателя высшей школы и возможные отрицательные оценки его потенциального влияния на качество образования, фиксируемые рядом исследований, проведенных накануне, часть преподавателей восприняла происходящие изменения как организационный, творческий и даже экзистенциальный вызов, ответ на которой требует предельной индивидуальной и коллективной мобилизации. Оказалось, что в критической ситуации на первых порах появилась возможность вести профессиональную деятельность с большей степенью свободы, чем в обычное время, когда преподавание происходит преимущественно в аудитории.

Административный контроль на первых этапах реформ по повышению квалификации был если не упразднен, то, по крайней мере, ослаблен. Первые попыт-

ки анализа дифференциации мнений преподавателей о теории приверженности профессии преподавателя высшей школы показывают, что наличие «оптимистов» или как минимум умеренных критиков онлайн в цехе преподавателей весной 2023 г. во многом было обусловлено именно расширением пространства профессиональной свободы.

Второй аспект — «догоняющий» контроль качества, адаптированный под рабочий формат. Временному снижению административного контроля за текущей работой университетов, включая частоту и формы проверок университетов со стороны государственных структур (Рособрнадзора, Минобрнауки, Счетной палаты), т.е. введению своеобразных «проверочных каникул» в течение 2022–2023 гг., сопутствовало растущее беспокойство администраторов разного уровня в отношении содержания, качества и интенсивности образовательного процесса.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация представляет собой окно возможности для нового «общественного договора» между профессионалами и административно-контрольным аппаратом в лице вузовских менеджеров, учредителя и других внешних по отношению к университетам стейкхолдеров.

Трудно переоценить роль профессионалов, которые за несколько недель и месяцев сделали все возможное, чтобы учебный процесс продолжался. Преподавательское сообщество в целом показало готовность к локальной мобилизации для решения общих проблем в кризисных ситуациях и приверженности принципам профессиональной этики, что позволяет рассчитывать на увеличение ставки доверия со стороны государства и общества.

Однако нужно признать, что коллективная солидарность преподавательской профессии носила ситуативный характер, была тесно связана с реакцией на конкретную кризисную ситуацию, а также не выходила дальше локального сотрудничества «на равных» (peer-to-peer), локализуясь на уровнях отдельных кафедр, команд и подразделений вузов. Отчасти именно поэтому позволила фрагментированная мобилизация так быстро вернуть гегемонию контроля со стороны административного ядра вузов.

При этом цифровизация обнажила важные проблемы в системе управления всей университетской системой в нашей стране. Избыточная централизация контроля и административное сверхрегулирование снижают потенциал развития, переводя работу системы высшего образования в режим перманентной отчетности государственной бюрократии, где формальные процессы и процедуры постепенно съедают процесс творческих новаций, научного поиска и экспериментирования в преподавании. Если образовательный процесс вынужденно и в спешке, но все-таки был переведен «в цифру», то процедуры контроля в своем большинстве сохранили «бумажный» характер, который свойствен традиционным бюрократическим процедурам.

В этом смысле назрел комплексный и независимый оперативный экспертный аудит системы администрирования российского образования с целью снижения бюрократической нагрузки на руководство, избавления от устаревших и неэффективных правил и оптимизации управленческого аппарата на всех уровнях.

Важно отметить, что представленное исследование обладает рядом ограничений, которые необходимо учитывать для корректной интерпретации результатов.

В первую очередь эти ограничения связаны со спецификой выборки участников интервью. Большинство информантов представляли университеты, которые характеризуются лучшей технологической инфраструктурой и большим вниманием к развитию цифровых сервисов и компетенций преподавателей. Кроме того, в выборку не попали сотрудники старше 65 лет, которые могут испытывать специфические проблемы и трудности при использовании цифровых технологий, демонстрировать особый взгляд на развитие высшего образования.

Важным ограничением также оказывается то, что выборка для двух временных этапов исследования не совпадала полностью, и мнение преподавателей вузов было представлено только в ходе второго этапа.

Во-вторых, необходимо учитывать больше всего качественный характер использованных данных, который не позволяет делать выводы о распространенности обозначенных аспектов и дает возможность говорить о различиях восприятия теоретических процессов приверженности профессии преподавателя высшей школы в разных дисциплинарных областях и типах организаций только на уровне предположений. Дальнейшие количественные исследования позволили бы верифицировать эти гипотезы и дать более комплексную оценку рассмотренным аспектам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамов Р. Н. Трансформации социального механизма управления // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 75–91.

Абрамов Р. Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 37–47.

Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и приверженность профессии образования: накануне цифровых реформ // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 59–74.

Бляхер М. Гиперрегулирование в системе высшего образования // Отечественные записки. 2020. № 4. С. 49–59.

Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 44–56.

Рогозин Д. М. (2021) Представления преподавателей вузов о будущем новой системы работы // Вопросы образования. № 1. С. 31–51.

Кочухова Е. С. Академическая профессия глазами преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 278–302.

Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаршвили А. Т., Крухмалева О. В. Вынужденное повышение квалификации как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621.

Срничек Н. Капитализм платформ. М. : ИД ВШЭ, 2019. 200 с.

Форрат Н. В. Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 121–138.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2019. С. 101–108.

Braverman H. (1988). *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. NY : Monthly Review Press. P. 5–23.

Castells M. (2017). *The Rise of the Network Society*. Chichester : Wiley-Blackwell. P. 25–42.

Fumasoli T., Goastellec G., Kehm B. M. (2015). *Academic Careers and Work in Europe: Trends, Challenges, Perspectives*. In: Fumasoli T., Goastellec G., Kehm B. (eds.) *Academic Work and Careers in Europe: Trends, Challenges, Perspectives. The Changing Academy*. Vol. 12. Cham : Springer. P. 201–214.

Hill J. R., Hannafin M. J. (2015). *Teaching and Learning in Digital Environments: The Resurgence of Resource-Based Learning*. *Educational Technology Research and Development*. Vol. 49. No. 3. P. 37–52.

Hung A. C. Y. (2017). *A Critique and Defense of Gamification*. *Journal of Interactive Online Learning*. Vol. 15. No. 1. P. 57–72.

Kauppinen R., Lagstedt A., Lindstedt J. P. (2019). *Expert-Oriented Digitalization of University Processes*. *International Symposium on Emerging Technologies for Education*. P. 60–69.

Len-Urritia M., Cobos R., Dickens K. (2018). *MOOCs and Their Influence on Higher Education Institutions: Perspectives From the Insiders*. *Journal of New Approaches in Educational Research (NAER Journal)*. Vol. 7. No. 1. P. 40–45.

Locke W., Bennion A. (2020). *Satisfaction in Stages: The Academic Profession in the United Kingdom and the British Commonwealth*. In: Bentley P. J., Coates H., Dobson I. R., Goedegebuure L., Meek V. L. (eds.) *Job Satisfaction Around the Academic World*. Berlin : Springer. P. 223–238.

Loeckx J. (2016). *Blurring Boundaries in Education: Context and Impact of MOOCs*. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. Vol. 17. No. 3. P. 92–121.

Marshall P. D., Kim B., Christopher M. (2017). *Academic Persona: The Construction of Online Reputation in the Modern Academy*. In: *The Digital Academic. Critical Perspectives on Digital Technologies in Higher Education*. Abingdon : Routledge. P. 47–62.

Mirrlees T., Alvi S. (2014). *Taylorizing Academia, Deskillling Professors and Automating Higher Education: The Recent Role of MOOCs*. *Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS)*. Vol. 12. No. 2. P. 45–73.

Pardo A., Siemens G. (2014). *Ethical and Privacy Principles for Learning Analytics*. *British Journal of Educational Technology*. Vol. 45. No. 3. P. 438–450.

Ugur N. G. (2020) *Digitalization in Higher Education: A Qualitative Approach*. *International Journal of Technology in Education and Science*. Vol. 4. No. 1. P. 18–25.

Van Merriënboer J. J., Kester L. (2014). *The Four-Component Instructional Design Model: Multimedia Principles in Environments for Complex Learning*. In: *The Cambridge*

Handbook of Multimedia Learning. New York, NY : Cambridge University Press P. 104–148.

REFERENCES

- Abramov, R. N. (2018). Transformations of the social mechanism of management. *Issues of education*, 3, 75–91. (In Russ.).
- Abramov, R. N. (2017). Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction. *Sociological studies*, 7, 37–47. (In Russ.).
- Abramov, R. N., Gruzdev, I. A., Terentyev, E. A., Zakharova, U. S., Grigorieva, A. V. (2020). University teachers and commitment to the education profession: on the eve of digital reforms. *University management: practice and analysis*, 24(2), 59–74. (In Russ.).
- Blyakher, M. (2020). Hyperregulation in the system of higher education. *Otechestvennye zapiski*, 4, 49–59.
- Dim, R. (2014). “New managerialism” and higher education: quality and productivity management in UK universities. *Educational Issues*, 3, 44–56. (In Russ.).
- Rogozin, D. M. (2021). University teachers’ ideas about the future of the new work system. *Issues of education*, 1, 31–51.
- Kochukhova, E. S. (2020). Academic profession through the eyes of teachers. *Issues of education*, 2, 278–302. (In Russ.).
- Narbut, N. P., Aleshkovsky, I. A., Gasparishvili, A. T., Krukhmaleva, O. v. (2020). Forced advanced training a stimulus for technological changes in higher education in Russia. *Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University. Series: Sociology*, 20(3), 611–621. (In Russ.).
- Srnicek, N. (2019). *Platform capitalism*. M. : ID VShE, 200. (In Russ.).
- Vorrat, N. V. (2018). The problem of the quality of higher education: global challenges and their Russian transformations. *Issues of education*, 2, 121–138. (In Russ.).
- Schwab, K. (2019). *The Fourth Industrial Revolution*. M.: Eksmo, 101–108. (In Russ.)
- Braverman, H. (1988). *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century* (pp. 5–23). NY : Monthly Review Press.
- Castells, M. (2017). *The Rise of the Network Society* (pp. 25–42). Chichester : Wiley-B lackwell.
- Fumasoli, T., Goastellec, G., Kehm, B. M. (2015). Academic Careers and Work in Europe: Trends, Challenges, Perspectives. In: Fumasoli, T., Goastellec, G., Kehm, B. (eds.) *Academic Work and Careers in Europe: Trends, Challenges, Perspectives. The Changing Academy*, 12. (pp. 201–214). Cham: Springer.
- Hill, J. R., Hannafin, M. J. (2015). Teaching and Learning in Digital Environments: The Resurgence of Resource-Based Learning. *Educational Technology Research and Development*, 49(3), 37–52.
- Hung, A. C. Y. (2017). A Critique and Defense of Gamification. *Journal of Interactive Online Learning*, 15(1), 57–72.

- Kauppinen, R., Lagstedt, A., Lindstedt, J.P. (2019). Expert-Oriented Digitalization of University Processes. *International Symposium on Emerging Technologies for Education*. (pp. 60–69).
- Len-Urritia, M., Cobos, R., Dickens, K. (2018). MOOCs and Their Influence on Higher Education Institutions: Perspectives From the Insiders. *Journal of New Approaches in Educational Research (NAER Journal)*, 7(1), 40–45.
- Locke, W., Bennion, A. (2020). Satisfaction in Stages: The Academic Profession in the United Kingdom and the British Commonwealth. In: Bentley, P. J., Coates, H., Dobson, I. R., Goedegebuure, L., Meek, V. L. (eds.) *Job Satisfaction Around the Academic World* (pp. 223–238). Berlin : Springer.
- Loeckx, J. (2016). Blurring Boundaries in Education: Context and Impact of MOOCs. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 17(3), 92–121.
- Marshall, P.D., Kim, B., Christopher, M. (2017). Academic Persona: The Construction of Online Reputation in the Modern Academy. In: *The Digital Academic. Critical Perspectives on Digital Technologies in Higher Education* (pp. 47–62). Abingdon : Routledge.
- Mirrlees, T., Alvi, S. (2014). Taylorizing Academia, Deskillling Professors and Automating Higher Education: The Recent Role of MOOCs. *Journal For Critical Education Policy Studies (JCEPS)*, 12(2), 45–73.
- Pardo, A., Siemens, G. (2014). Ethical and Privacy Principles for Learning Analytics. *British Journal of Educational Technology*, 45(3), 438–450.
- Ugur, N.G. (2020). Digitalization in Higher Education: A Qualitative Approach. *International Journal of Technology in Education and Science*, 4(1), 18–25.
- Van Merriënboer, J.J., Kester, L. (2014). The Four-Component Instructional Design Model: Multimedia Principles in Environments for Complex Learning. In: *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning* (pp. 104–148). NY : Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Олегович Сидоренко — аспирант Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Igor O. Sidorenko — postgraduate student, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 19.12.2023;
approved after reviewing 10.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2024. № 1. Том 7

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.
Дата регистрации 23.11.2018*

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»
Подписной индекс ПО198
Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшко*
Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки *Ю. В. Луценко*
Редакция журнала Society and Security Insights:
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

Издательство Алтайского государственного университета,
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 05.04.2024. Дата выхода издания в свет 12.04.2024.
Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 16,12. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 300 экз. Заказ № 185

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.